

Татьяна Василевская

Па-де-де

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Михайловна Василевская

Па-де-де

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68749284

SelfPub; 2023

Аннотация

Больше всего на свете Саша мечтает стать балериной. Она идет к своей мечте, проявляя твердость характера и силу духа. Драма о жизни, любви, дружбе. О добре и зле, которое, зачастую, тоже прикрывается маской добра. О том, как сложно нам порой понять даже самых близких и любимых. О разнообразных сторонах жизни и взаимоотношений. Легкая детективно-криминальная нотка вносит свои коррективы в повествование и судьбы героев.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Часть 2 «Антрэ»	29
Глава 1	29
Глава 2	39
Глава 3	47
Глава 4	56
Глава 5	62
Глава 6	69
Глава 7	76
Часть 3 «Боже, какой мужчина!»	97
Глава 1	97
Глава 2	103
Глава 3	116
Глава 5	125
Глава 6	137
Глава 7	147
Глава 8	151
Глава 9	156
Глава 10	161
Глава 11	167
Глава 12	170

Глава 13	176
Глава 14	183
Глава 15	187
Глава 16	190
Глава 17	193
Глава 18	199
Глава 19	205
Глава 20	211
Часть 4 «Пируэт»	215
Глава 1	215
Глава 2	220
Глава 3	225
Глава 4	231
Глава 5	236
Глава 6	239
Глава 7	245
Глава 8	257
Глава 9	261
Глава 10	271
Глава 11	278
Глава 12	281
Глава 13	284
Часть 5 «Спасибо, доктор!»	296
Глава 1	296
Глава 2	303
Глава 3	309

Татьяна Василевская

Па-де-де

Часть 1

«Ничего личного!...»

Глава 1

1993г. Владимирская область с. Ольховка

Маленькая голова с растрепанными золотыми кудряшками боязливо просунулась в приоткрытую, просевшую до дощатого пола дверь.

– Гена! Генааа!... – тоненьким голоском позвала девочка. Ответа не последовало. Лера обиженно оглядела полутемный предбанник старого дома, уже года два стоявшего заброшенным. Потоптавшись у порога, девочка нерешительно шагнула внутрь. Часть вещей осталась на своих местах. Пробивавшегося сквозь пыльные окна света было вполне достаточно, чтобы разглядеть помещение, служившее когда-то кухней. Обстановка была довольно убогая. Небольшая, не слишком аккуратно сложенная печь, возле которой валялась на полу пара закопченных дочерна чугунков. Криво висящие на стене с выцветшими, рваными обоями ходики. Покрашенный голубой масляной краской, местами облезший стол, на котором стояла потрепанная коробка. Рядом с ней лежала россыпь алюминиевых ложек и вилок и стояли, составленные стопкой, щербатые тарелки. Видимо их собирались упаковать, но так и оставили. Что у владельцев дома произошло, и почему они в такой спешке уехали, побросав половину имущества, никто в деревне толком не знал. Разумеется, подобная таинственность порождала множество

слухов, один фантастичнее другого. Но, так или иначе, дом пользовался славой «дурного места». Деревенские обходили его стороной. Даже поживиться чем-нибудь из оставленного добра, что могло стодиться в хозяйстве, желающих не нашлось. Зато детвора, привлеченная как раз именно окружавшей дом таинственностью, то и дело забиралась в него для игр. Взрослые ругались и запрещали, когда видели. Но разве ж за шустрой ребятней уследишь.

Как раз сегодня Лерин брат Генка собирался вместе с приятелями «ловить злых духов», по их мнению, обитавших в доме. Пятилетнюю Леру, естественно, не взяли. Обидно обозвав малявкой и трусихой, так как она девчонка. Само собой, как следует поревев после подобного заявления и наконец справившись, с обидой, Лера немного поиграла в чумазых кукол, потом нарвала цветов чтобы украсить крыльцо бабкиного дома. Играть одной было скучно и девочка боязливо поглядывая по сторонам, пошла в сторону заброшенного дома. В надежде, что если она придет мальчишки ее все же не прогонят. Если будут гнать, Лера решила пригрозить, что наябедничает бабке.

В глубине дома что-то поскрипывало. Совсем тихо. Может кошка пробралась и охотится за мышами, или просто разошедшиеся доски скрипят. Лера, чувствуя страх и одновременно любопытство, снова негромко позвала:

– Генка! Генааа!...

Идти дальше Лера не решалась. Но судя по всему, мальчишки уже ушли, наверное на речку пошли купаться, со вновь возрастающей обидой решила Лера. А может они специально от нее прячутся, ждут когда она уйдет?

Выйдя на улицу, Лера обошла дом и вошла на разошедшуюся бочку, поставленную возле одного из окон. Привстав на цыпочки, девочка попыталась разглядеть что-нибудь сквозь покрытое грязными разводами стекло. Вдруг мальчишки и правда прячутся от нее. Все что ей удалось увидеть – смутные очертания кровати с панцирной сеткой без матраца и темный дверной проем рядом с ней. Лера осторожно спустилась с бочки и вдруг заметила, что стекло в одной из створок следующего окна отсутствует. Видимо в какое-то из посещений юных исследователей кто-то не в меру разошелся и случайно выбил его. Лера поискала глазами на чтобы ей встать, чтобы заглянуть в пустой проем. Она уже не столько надеялась обнаружить брата и прочую компанию. Ей было любопытно, что там в той части дома, куда она ни разу не заходила.

У забора валялось ржавое ведро с большой вмятиной на боку. Лера принесла его и сверху положила еще пару поленьев из наполовину заполненной поленицы. Даже дрова из «нехорошего дома» никто взять не захотел. Но Лере было не до размышлений о предрассудках местных жителей. В ней разыграл инстинкт исследователя. Стараясь сохранить равновесие и не упасть, Лера кое как взобралась на шаткую кон-

струкцию. Ничего особенного она не увидела. Почти пустая комната со старым шкафом, дверцы которого были распахнуты, демонстрируя отсутствие чего либо внутри. И два видавших виды стула, один из которых стоял у стены, а второй валялся на полу посреди комнаты. Лера попыталась разглядеть часть комнаты которая не была видна с того места, где находился ее пункт наблюдения. Поленья под ногами девочки заходили ходуном и она крепко схватилась за подоконник. В глубине дома послышались голоса. Но не мальчишеские, принадлежавшие Генке и его товарищам, а взрослые, мужские. Мужчины о чем-то спорили. Интонации обоих голосов звучали раздраженно, даже сердито.

– Да я же тогда сразу сказал, что понятия не имею куда родич свалил! И откуда он про бабки узнал тоже без понятия! Может, догадался...

– Ага! Такой догадливый. А по виду и не скажешь, что он такой мыслитель этот твой дядька двоюродный или кто он тебе? – второй голос был более низким и глубоким. И в нем звучали одновременно насмешка и угроза.

– Да, ты че?! Не веришь мне что ли? Скажи, я хоть раз подвел?! Ну хоть раз? Было такое?...

В этот момент спорившие вошли в комнату, в окно которой заглядывала Лера. Она испуганно отпрянула в сторону где оконный проем прикрывала выцветшая рваная занавеска. Лера успела заметить, что вошедшие вовсе не какие-нибудь совсем уж взрослые-превзрослые дядьки, успевшие об-

завестись пущом, а заодно и лысиной. Несмотря на довольно грубые и низкие голоса, их обладатели выглядели не намного старше их с Генкой брата Сереги, который только недавно вернулся из армии.

Лера, чувствуя какое-то беспокойство, с удовольствием ушла бы от «нехорошего дома». Незнакомцы с их непонятным спором ее пугали. В их поведении была явная агрессия, хотя Лера, разумеется, даже слова такого не знала. Девочка просто чувствовала опасность, исходящую от них.

– Я вообще не понимаю чего мы сюда приперлись? – с некоторым беспокойством в голосе сказал один из мужчин. – ты ж не думаешь, что он бабки перепрятал у себя же в доме, а сам свалил. Нет тут ничего. С собой он бабло забрал, ясно же...

Послышался смех. От его звуков, Лере почему-то стало еще страшнее. Девочка закусила пухлую губку, готовая разреветься от непонятного ей самой испуга. Она застыла на своей конструкции, боясь шевелиться и даже дышать. И зачем она пошла искать Генку? Ну его, раз не хочет с ней дружить. Лера скосила глаза в сторону забора. Может попробовать убежать, может сердитые посетители заброшенного дома ее не заметят? Тоненькие пальчики вцепившиеся в подоконник дрожали. Лера едва слышно всхлипнула.

– Слушай, Клык, ну пропали бабки, все! Тут ловить нечего... Нужно смириться. Ермолай, сука, сделал нас. Ну вот такой вот родич у меня. Гнида последняя оказался! Знал бы

где найти его, сам бы кончил падлу!...

В наступившей тишине был слышен тоненький комариный писк. Насекомое кружило возле Лериного лица подыскивая место для посадки. Лера зажмурилась. Ей было очень-очень страшно.

– Да, родич твой подвел нас, – без какой-либо интонации согласился обладатель более низкого голоса. И после этого уже почти радостно добавил – А, знаешь, ведь мы нашли бабло, Веник. Представляешь!...

Послышался звук похожий на бульканье. И первый голос, по непонятной причине словно бы разом севший и охрипший, чуть слышно произнес:

– Ккак нашли?...

Снова послышался этот приводящий Леру в ужас смех.

– Пришлось постараться, но, кто ищет тот, как говорится...

Второй голос что-то нечленораздельно промычал. А потом Лере показалось, что она услышала всхлипывания.

– Клык! Постой! Я не хотел! Богом клянусь!... Это все Ермолай меня с толка сбил... правда... он догадался про деньги. Сам! Пригрозил, что если я с ним деньги не поделю, он меня сдаст ментам... Я бы сам никогда... ты же меня знаешь. Бес попутал, нужно было не соглашаться нужно было вам рассказать... Клык...

– Богом клянешься, бес попутал. Эх Веник, Веник...

Теперь Лера была убеждена, что мужчина, которого зовут

Веник, действительно плачет. И это тоже было очень пугающе. Потому что мужчины не плачут. Лера не могла припомнить ни одного случая, чтобы взрослый мужчина плакал.

–Клык!!! – взвыл Веник. У Леры по телу побежали мурашки и застучали зубы.

Не обращая внимания на вопли, тот которого звали Клык засмеялся своим жутким смехом.

– Я даже не представлял, что человек способен издавать такие звуки, – немного успокоившись сказал Клык. – Свиньи на бойне так не визжат, как визжал твой дядька Ермолай.

– Ааааа! – взвыл на этот раз уже во весь голос Веник. – Клык, умоляю! Пожалуйста!...

– Да не ссы, мы ж с тобой кореша! – судя по звуку Клык хлопнул плачущего приятеля по плечу.

У Леры зубы выбивали дробь, а маленькие ладошки стали мокрыми от пота. «Мамочка, мама!...» – повторяла про себя девочка. По покрытым нежным пушком щекам катились слезы. Больше всего ей хотелось домой к чумазым куклам, к ворчащей, вечно ругающей их с Генкой бабке...

– Клык, пожалуйста!... Я все, что хочешь!... Вот никогда больше, чем хочешь клянусь...

– Не клянись Веник, не нужно, – низкий голос звучал холодно и равнодушно. – Ты свой выбор сделал. Но ты не бойся, я с тобой не стану как с Ермолаем поступать. Мы ж кореша...

Лера услышала резкий хлопок, а затем такой звук, будто

в комнате за спасительной занавеской о деревянные половицы ударилось что-то тяжелое. От неожиданности Лера дернулась и едва не свалилась со своей ненадежной конструкции. В доме воцарилась тишина. Лера осторожно выглянула из за обтрепанного края ткани.

– Ах! – почти беззвучно выдохнула девочка, расширившимися глазами глядя на открывшуюся перед ней картину.

– Тшшш, – успокаивающе сказал широкоплечий светловолосый незнакомец и шагнул к окну. – Тшшш.

Он улыбнулся и приложил палец к губам. Серые глаза внимательно смотрели на детское личико.

– Это все невзправду, – сказал мужчина. – Мы играем. Такая у нас игра. Понимаешь?

Лера судорожно сглотнула и закивала головой как китайский болванчик. Конструкция под ногами вновь заходила ходуном, но Лере казалось, что если она и развалится сейчас под ней, то она сама не упадет, а так и повиснет на вцепившихся в подоконник руках и будет висеть. Потому что пальцы приросли к шершавому дереву и при всем желании больше не смогут его отпустить.

– Не бойся! – сказал незнакомец чуть ли не с нежностью.

Лера снова закивала заворуженно глядя на улыбчивое, почти круглое лицо.

Второй, из споривших неподвижно лежал на полу. Под его головой было что-то темное напоминавшее лужу с неровными краями. И вместо одного из глаз у него было темное-тем-

ное пятно. Лера видела покойников только в кино, но даже будучи маленькой девочкой с довольно скудным жизненным опытом, она безошибочно угадала, что тот кого звали Венником, и кто плакал и отчаянно просил своего приятеля о чем-то еще пару минут назад, теперь совершенно точно был мертв.

– Беги, – сказал незнакомец со странным именем Клык, подойдя вплотную к окну и загоразивая крупным накачан-ным телом обзор пугающей, страшной картины. – Мама, на-верное волнуется...

Лера в очередной раз согласно затрясла головой. И неваж-но, что ее мама в Москве, а тут только бабушка. Незнако-мец совершенно прав, ей нужно бежать. Бежать отсюда. Как можно скорее...

Холодный, словно бы тоже лишенный жизни серый глаз подмигнул ей.

–Беги...

Лера спрыгнула со ставшего ненавистным ведра и приспу-стила что есть силы в сторону бабкиного дома. Она была уве-рена, что незнакомец не погонится за ней, но все равно бе-жала так быстро, как только могла. И еще она точно знала, что он обманул ее – все было взаправду. Второй дядька был мертвым. И это не игра.

Глава 2

Тяжелые, обитые коваными пластинами ворота распахнулись и машина въехала на подъездную дорожку.

– Как все прошло?

Клык ухмыльнулся и сверкнувшие в свете полной луны крепкие заостренные зубы придали ему сходство с вампиром.

– Нормально прошло. Все чики пыки.

Тот кто встречал Клыка у входа в большой кирпичный дом улыбнулся. Как обычно Клык не мог разгадать что скрыто за этой улыбкой «без выражения» – одобрение, равнодушие, насмешка. Клык отвел взгляд. Хозяин загадочной улыбки, в отличие от самого Клыка, видел его насквозь.

– Ну, и что не так? – поинтересовался он. – Ты какой-то напряженный.

– Да нет, чего напряженный? Все путем, Пустой.

Клык вздохнул. Все равно придется рассказать. От приятеля ничего не утаишь. Он прочистил горло.

– Там была девочка. Маленькая... Я не знал, она за окном пряталась...

Брови слушателя приподнялись.

– Девочка?! – обладатель странного, но очень подходящего ему «погоняла» Пустой снова улыбнулся. Голубые глаза, взгляд которых, как и улыбка «не имел выражения» не от-

рываясь смотрели на приятеля. Клык почувствовал себя еще более неуютно под этим «прощупывающим» взглядом. – Девочка тебя видела?

Клык помотал короткостриженной головой и опустил глаза. Вот как, как Пустому всегда удается на раз-два узнать даже то, о чем и догадаться-то, вроде, не с чего, и о чем собеседник предпочел бы умолчать?! Как он понял что вообще что-то пошло не совсем «по плану»...

– Она не видела как... как все произошло. Я ж говорю, пряталась под окном. Играла, наверное. Зброшенный дом, все дела. Дети они любят всякое такое... Видно, когда услышала выстрел испугалась и заглянула в окно... Ну, я сказал, что это такая игра...

– Ну да, игра, – ухмыльнулся собеседник.

– Пустой, ей лет пять. Она и не поняла ничего. Малая совсем... Не мог же я убить ребенка! – Клык беспомощно развел руками.

Обладатель странного прозвища похлопал его по плечу.

– Да чего ты разошелся-то? Разумеется нельзя убивать маленьких девочек. Маленькие девочки не виноваты, что им довелось явиться на свет в поганое время в поганой стране и что порой им приходится видеть то чего не следует... Все путем, Клык.

Взгляд голубых глаз говорившего был устремлен сквозь пространство. В никуда. Он не был холодным или безжизненным, он был пустым...

Клык облизал пересохшие губы. Ему было не по себе.

– Я тебе говорю, она ничего не поняла толком. А так все чики пыки, комар носа не подточит...

– Ага... Молодец, Клык.

– Ну, в общем, я это, раз девочка меня видела, решил, что теперь на Ермолая, ну что это он Веника порешил, не подумают... Короче, я тело в лес отвез. Решил, так лучше...

Клык замолчал. Широкий, мощный как у бульдога лоб, несмотря на вечернюю прохладу, покрыли капельки пота. Носком ботинка он перекатывал валявшийся на дорожке камушек. Может он зря решил действовать не по плану? Может не нужно было говорить про девочку, а придумать что-то. Но Пустого не проведешь. Он бы сразу раскусил обман...

Продолжая улыбаться своей непостижимой для Клыка улыбкой Пустой слегка склонил голову набок и заглянул в глаза приятеля. – Да нормально все. Конечно рискованно было труп среди бела дня перевозить. Но все обошлось... Ты его обыскал перед тем, как оставить в лесу?

Клык оторвал взгляд от камушка и посмотрел на товарища. Глаза у него были несчастные.

– Ккого?... Веника? Ннет...

Он поморгал и с виноватым видом добавил:

– Я даже и не подумал... Да что там у него может быть при себе такого, Пустой? – он нервно хохотнул. – Имена, явки, пароли...

– Юморист, – усмехнулся собеседник.

Клык нерешительно пожал плечами. Ему хотелось выпить, да и поесть не мешало бы. Чего они в дом- то не идут?..

– Вот что, – сказал Пустой. – Нужно съездить туда. Мало ли, что у этого ублюдка может быть. Он уже доставил нам массу хлопот. Нельзя рисковать...

Клык кивнул, понимая, что нравится ему или нет, а ехать придется.

– Может сначала пожрать чего, – жалобно сказал он. – Я с утра ничего не ел, живот крутит от голода.

Пустой рассмеялся.

– Сейчас бутерброды возьму, поешь по дороге, а основательно заправишься, после того как дело сделаем.

– Пустой, пивка захвати, – несколько приободрившись бросил ему вслед Клык.

Ничего, сейчас они туда-обратно сгоняют, а потом можно будет по полной и отдохнуть, и оторваться. Можно в сауне попариться. Сауна в доме отличная, пустой из-за нее и снял этот дом. Даже маленький бассейн есть. Все по уму. Можно еще и шлюх заказать. А почему нет? С неприятными делами покончено. Теперь только знай бабло загребай. Пустой сказал, что у него есть план, как быстро и по крупному заработать при помощи имеющегося у них «первоначального» капитала. При этом не рискуя, что по нынешним временам очень ценно. Вот у них теперь жизнь начнется! Клык мечтательно прикрыл глаза. Из дома вышел Пустой с бумажным пакетом в одной руке и двумя запотевшими бутылками пи-

ва в другой. Клык сглотнул моментально почувствовав насколько сильно он голоден.

Обыскав карманы покойного, Клык развел руками.

– Нет у него ничего, я же говорил, – не без самодовольства отметил он факт правоты собственных слов.

Пустой кивнул.

– Все равно лучше было проверить. Мало ли. Обидно было бы погореть на какой-то ерунде...

– Ну да, ну да, – согласился Клык не видя смысла спорить.

Он вновь вспомнил о предстоящих приятных перспективах и ухмыльнулся. Бухло, еда и бабы...

– Знаешь, Клык. Не нравится мне эта затея тело в лесу оставлять. Ясное дело, менты особо копать не будут. Но запросто может всплыть факт родства Веника и твоего предыдущего оппонента. А раз теперь есть какой никакой свидетель, того что Ермолай к этому отношения не имеет... Могут все же и проверить...

Пустой многозначительно ухмыльнулся.

– Не, ну если так, то наверное и правда лучше куда понадежнее его спрятать. – Клык выругался. – Одни проблемы от этого поганого семейства.

Вкусная еда, бухло, сауна, телки – все это снова откладывалось из-за оказавшегося самой настоящей крысой Веника. Попытавшегося кинуть своих же корешей. И даже мертвый

продолжает доставлять неудобства и портить жизнь.

Клык сплюнул и вернулся к лежащему на земле телу.

– Ну и куда его? Я так понимаю, у тебя есть соображения по этому поводу.

Приятель кивнул.

– Чуть дальше по шоссе заброшенный кирпичный завод. Километров пятнадцать примерно отсюда. Там тело точно не найдут. А если и найдут лет через сто, это уже не будет иметь значения.

Клык пожал плечами. мысль была дельная.

– В багажник? – подтащив труп к машине, поинтересовался Клык. Пустой задумчиво смотрел перед собой своим удивительным «никаким» взглядом. На губах, как обычно, блуждала его непонятная улыбка.

– Нет. Сажай его на пассажирское сидение. Если, вдруг менты, ну мало ли, скажем пьяный. А то вздумает какой-нибудь шибко активный служитель закона от скуки машину проверить, а в багажнике труп...

– Ну да, точняк... – протянул Клык, испытывая что-то сходное с восхищением по отношению к товарищу. Пустой всегда все продумывает до мелочей. Голова! У него еще с детства мозги хорошо работали. Самому Клыку, да и крысенышу Венику в этом отношении далеко было до Пустого.

Пристегнув безжизненное тело ремнем безопасности, Клык снова обратился к товарищу:

– Кто за рулем ты или я?

Пустой в очередной раз загадочно улыбнулся.

– Ты, Клык за рулем, ты...

Он шагнул вперед и положил руку на широкое плечо Клыка, друга по детским играм, товарища по темным и далеким от закона делам нынешним. За двадцать лет, что они друг друга знают, Клык практически не изменился. Все также предпочитает роль ведомого. И все также не большой любитель соображать.

– Ничего личного, Клык, – ровным голосом без какого-либо выражения, сказал Пустой. Он резко ткнул рукой в область солнечного сплетения приятеля, вонзив похожий на кинжал нож с длинным узким лезвием по самую рукоять.

Выпучив глаза, Клык медленно опустил взгляд туда где в нижней части его груди торчала покрытая затейливыми узорами рукоять. Его убийца выдернул нож из раны и кровь толчками начала выплескиваться на одежду и на траву под ногами. Клык издал булькающий звук. Из уголка приоткрытых губ потекла тоненькая струйка крови. Сейчас он еще сильнее походил на вампира. Попытавшись дотронуться до раны рукой, Клык зашатался и рухнул на землю.

Теперь в машине было целых два трупа. На пассажирском месте немного съехав вбок расположился Веник. А место водителя занимал Клык.

Развернув автомобиль в сторону, где дорога имела заметный уклон вниз, Пустой переключил скорость на коробке передач.

– Ничего личного, Клык, – все также без выражения повторил он. – Ничто не представляет большей опасности, чем глупость. А ты, друг мой, был до крайности глуп.

Он захлопнул дверь и подтолкнул машину в сторону дорожного спуска.

– Прощайте, ребята, – на губах заиграла загадочная улыбка «без выражения». – Думаю, я иногда буду немного скучать. Друзья детства привыкают и даже привязываются друг к другу.

Машина медленно покатилась постепенно набирая скорость. Спустя пару минут послышался звук удара, а спустя еще некоторое время раздался резкий и невероятно громкий в ночной тишине звук взрыва. Чернеющий вдоль

дороги лес озарился всполохами пламени горящей машины.

Кто там на этот раз «прижмурился» разбираться никто не станет. Спишут на потерю управления, или на вождение в нетрезвом состоянии, или на очередные разборки. Ни в одном из этих случаев упираться в поисках истины не станут. Такая жизнь, что подобные происшествия стали обыденными и слишком часто повторяющимися явлениями, чтобы носиться с каждым из них, докапываясь что, как и почему, да и неинтересно никому, всем важно другое, связанное с соб-

ственными интересами, остальное все шелуха.

Пустой взглянул на висящую высоко в небе круглую луну. Хорошо, что все закончилось. Веник подложил им свинью, в надежде, что все сойдет ему с рук и никто не догадается что он прикарманил общие деньги. Этот его родственник, старая гнида, подал идею племяннику, что можно кинуть друзей и разбогатеть. Как в том фильме: «Это нужно не всем, это нужно одному...»

Но впрок деньги не пошли ни дяде ни племяннику. Со старого хрыча Клык, в прямом смысле слова шкуру спустил. Разумеется он запел соловьем и о том как с Веником сговорились и где деньги спрятали и какие планы строили на их использование. Кстати, планы, как и следовало ожидать, были самые идиотские. Хорошо, что не успели привести задуманное в исполнение. Пропали бы деньги, без пользы, просто ушли бы и все. А ведь старый урод, которому уж о душе пора было думать, а не о наживе, пострадал из-за собственной жадности. Мог бы получить вознаграждение за временное «сохранение» их «общака», как договаривались. Мог бы свою халупу в порядок привести, или вообще в город переехать и купить себе с женой маленькую квартирку и доживать старость вполне безбедно. Но нет, ему захотелось большего. И вот результат – вместо спокойной старости мучительная смерть. Ну и жена на старости лет без мужа осталась и вообще без всего. Один дом развалина, в котором и жить может уже нельзя, после того как он заброшенный две зи-

мы простоял. Жадный ублюдок устроил подарок женошке, в благодарность, что борщи варила, да его ублюдка терпела всю жизнь.

А Веник и вовсе крысюк. Кинуть друзей детства это каждый скажет – нехорошо. И глупо, как оказалось в итоге. Потому что на каждого такого кто мнит себя самым умным, всегда найдется тот кто поумнее будет.

Ну, а Клык, он просто дурачок. А дурачки время от времени творят глупости. И этим они и опасны. И не желают вроде плохого, а в какой-то момент возьмут, и сами не понимая что творят, доведут до беды. Кстати, Клык, как обычно заблуждался ввиду собственного скудоумия – маленькие девочки бывают очень сообразительные.

До дома было километров двадцать. Ничего, он ежедневно совершает пробежки пусть и на половину этого расстояния. Два десятка км вместо одного как-нибудь тоже одолеет. Выполнив в качестве разминки пару дыхательных упражнений, Пустой побегал по вымершему шоссе. Ни одной машины. Вокруг только ночная тишина. Словно во всем мире остался только он да сияющая бледно желтым светом луна.

Двигаться в ночном прохладном воздухе было легко и приятно. Все хорошо. Все закончилось. Впереди только самые приятные перспективы. И больше он удачу из рук не выпустит, даже на время. Произошедшее можно считать уроком. Полезным уроком.

Вспомнились лица Калмыков, с которых и началась вся эта история с деньгами. Знакомый нарик, близкий к криминальным кругам и промышляющий себе на наркоту сливом всевозможной информации, дал наводку на тех самых калмыков. Отец одного из них, под общую неразбериху прикупил в Иркутске завод а затем выгодно перепродал его иностранной компании. Наварил бабла. Причем законно, что редко случается. Но человеческая натура основывается на ненасытности. Всегда мало. Всегда хочется большего. В общем, калмык провернувший куплю продажу завода подумал, что можно бы еще подзаработать. Решил воспользоваться ситуацией нестабильности, в том числе и в курсе валюты и дождавшись нужного момента, сыграть на разнице этого курса, преумножив имеющееся. Можно называть деловым подходом, можно жадностью. Но, в данном случае, в первую очередь это оказалось глупостью. Потому что «делать еще большие бабки», оборотистый калмык поручил сыну. Если сам отец и вправду соображал неплохо, раз так ловко провернул дело с заводом, то сын был однозначно недоумком. И удивительно, что папаша об этом не знал. В общем, молодой отпрыск предпринимателя растрезвонил всем знакомым, что едет по поручению отца в Москву. Делать большие деньги. Так, собственно, нарик информатор и узнал про это дельце. Калмык вместе с дружкой, таким же молодым оболтусом, взяли, в прямом смысле, чемодан денег, так как сделка с заводом удивительным образом была произведена

за нал. И прилетели в Москву. Еще в аэропорту у себя дома они познакомились с отличным парнем. Молодым бизнесменом из Москвы. И так им пришлось по душе новый знакомый, что они с радостью приняли приглашение погостить в его загородном доме. А чего не провести время весело? Дело молодое. Совместить приятное с полезным всегда хорошо.

Новый знакомец по честному устроил отличный прием гостям. Хороший дом, море выпивки, еда из дорогого ресторана. Приятная веселая компания. Гости были довольны...

Когда Клык перерезал горло сначала одному, потом другому из гостей, они были настолько пьяны, что даже и не поняли ничего.

Времена беспокойные. Чтобы пристроить с умом большие деньги и не нажить при этом проблем, нужно было подождать подходящего момента. А чтобы не разделить участь калмыков, деньги до подходящего момента нужно было хранить в надежном месте, таком о котором не пронюхают любители дать наводку, подобные сдавшему калмыков нарику.

Решено было «пристроить» на хранение бабки в деревенском доме у родственника Веника. Разумеется, родственнику о размере суммы никто сообщать не собирался. Просто Веник должен был попросить родича присмотреть за «ценными вещами», за некоторое вознаграждение. Пустой не знал сам ли Веник проболтался про то сколько всего денег. Или ушлый родич догадался что «ценные вещи» намного более ценные, чем преподнес это племянник. Но так или иначе

дядька Ермолай проведал о том, что под боком у него целое состояние и уговорил Веника, что деньги нужно поделить между собой. Даже целый план разработал, старый ублюдок. Будто он с баблом сбежал, а Веник не при делах. Веник и повелся. Жадность затмила рассудок. За что и поплатились. Оба. Жадность в сочетании с глупостью всегда приводит к беде.

Судя по указателю, до дома оставалось километров пять. Перейдя с бега на бодрый шаг, Пустой с улыбкой зашагал вперед. Он всех сделал. Он победитель!

Часть 2 «Антрэ»

Глава 1

1999г. Московская область, г. Звенигород

– ...и вот этот мальчик нашел, наконец, ту самую черную дверь и открыл ее... – в тоненьком голоске зазвучали «подвывающие» нотки, дополняемые жутким сипением, сходным с тяжелым приступом астмы. Для создания еще большей атмосферности – чтоб уж пробрало так пробрало!

Прервав повествование, Нинка оглядела погруженную в ночную темноту комнату с выражением снисходительного превосходства «той которой внемлют». Наступившую тишину нарушало только поскрипывание издаваемое попеременно одной из кроватей. Нинкины «товарки», затаив дыхание, застыли в ожидании продолжения страшного рассказа. Можно было конечно еще потянуть время, набить себе цену, так сказать, но, на этот раз, Нинка милостиво решила не мучить подруг. Сегодня она была добрая..

– ...И когда мальчик зашел в комнату с черной дверью, она вдруг... захлопнулась!... – взвыла Нинка. Скрючившись на кроватях фигурки вздрогнули, кто-то не удержавшись пискнул. – И он оказался в черной-черной темноте! И тут из

черной-черной темноты появилось...

Что там появилось из черной-черной темноты, в комнате с самой по себе захлопнувшейся черной дверью, Нинка сообщить не успела. Сильный порыв ветра с грохотом распахнул не запертую оконную раму. Двенадцать нежных юных созданий, включая и саму рассказчицу, синхронно подскочили в кроватях и не менее синхронно завопили:

– Аааааа!!! Аааааа!!! – во всю мощь молодых, полных силы и способности воспроизводить звуки, вплоть до ультразвуковых частот, легких. Первой пришла в себя Зоя Сорокина. Понимая, что кричать, пусть даже очень громко, оставаясь на месте бессмысленно – нужно бежать. Спасаться от чего-то опасного, страшного, неведомого, и от того еще более ужасающего. Не прекращая вопить, Зоя спрыгнула с кровати и понеслась к двери, едва не сорвав ее с петель, девочка выскочила в коридор и побежала дальше. Следом за ней, вдохновленные примером сообразительной подруги, летели и все остальные, менее сообразительные, но не менее проворные, крича пронзительно и звонко все ту же одну единственную гласную...

Спустя двадцать минут, потребовавшихся на то, чтобы успокоить и разогнать по комнатам, а затем по кроватям всех остальных обитателей корпуса, взбудораженных голосистыми любительницами ночных страшилок, Лиза, воспитательница младшей группы девочек, сердито глядя на уже успевших окончательно прийти в себя подопечных, проводила с

ними нравоучительно-воспитательную беседу. Тонко выщипанные брови девушки были насуплены, миловидное лицо не озаряла привычная улыбка. Лиза совершенно точно была очень-очень сердита.

– Вам не стыдно?! – решив не ходить вокруг да около сказала воспитательница. Девочки потупились. Им было стыдно. Они нарушили распорядок, перепугали всех, расстроили искренне обожаемую ими воспитательницу. И еще, разумеется, было жаль, что они так и не узнали конец истории, что же там приключилось с тем мальчиком в темной комнате...

– Девочки, ну вот о чем вы думали?! Вы же знаете, что в лагере существует строгий распорядок. Режим, который все обязаны соблюдать. После отбоя все, абсолютно все успокаиваются, не болтают, не вскакивают, не ходят по комнате, не выходят в коридор, кроме как в туалет... И уж тем более не рассказывают друг другу дурацкие страшилки из-за которых потом сами же спать будут бояться!... Девочки!...

Лиза со скорбным видом вздохнула, отогнав мелькнувшее в голове воспоминание, о том как именно в девятилетнем возрасте они с соседскими ребятами забирались на чердак бабушкиного дома в деревне и «травили» страшилки, стараясь чтобы истории были пострашнее, чтоб прямо мороз по коже... Да, здорово было, чего уж там. Ну ведь не ночью же, в конце-то концов! Да и кто бы им ночью разрешил на чердак залезать...

– Я очень-очень расстроена! Вы меня подвели! Сильно!

Девочки вновь опустили глаза. Они чувствовали вину. Они раскаивались. Вполне искренне. И они бы очень хотели все же узнать чем все закончилось в этой темной комнате с черной черной дверью. Но, увы, теперь, видимо уже не узнают. Нельзя. Лиза взяла с них слово – никаких страшилок. Жаль...

– Все, идите спать. И чтоб без глупостей. Ясно?! Легли и все, тишина!

Растрепанные девчачьи головы энергично закивали, в подтверждение того что они все поняли, осознали, и больше не подведут свою воспитательницу, которую они искренне любят и обожают.

– Спокойной ночи... – робко сказала Нинка, главный специалист по ужасикам. Плотнo сжатые губы воспитательницы тронула улыбка, черты лица смягчились, принимая привычное веселое выражение.

– Спокойной ночи, девочки! – тонкая бровь приподнялась, лицо стало озорным – Спокойной и тихой. Без сюрпризов и звуковых спецэффектов. Иначе всех домой отправлю. Тут же!

Девочки снова старательно закивали, расплываясь в ответных улыбках. Все, простила, больше не сердится. На душе стало легко. И как-то неожиданно каждая из участниц ночного происшествия почувствовала, что ужасно, просто ужасно хочет спать... Лиза проводила тоненькие фигурки в разноцветных пижамах смеющимся взглядом. Вот же учудили,

малявки. Чуть до инфаркта всех не довели. А ее коллеги еще завидовали и говорили, что с младшей группой меньше всего проблем.

В субботу, по случаю «родительского дня» на поляне, за главным корпусом было организовано что-то вроде места для пикника. Младшие обитатели лагеря открыто радовались встрече, энергично распаковывая и тут же лопаая привезенные гостинцы. Те кто постарше проявляли сдержанность. Приехавшим родственникам и гостинцам конечно тоже радовались, но не подавая вида. Вешаться на мам, пап и прочих членов семьи было уже неудобно, даже если и было такое желание.

Саша разглядела среди прочих улыбающихся, радостных лиц лицо Ольги. На тетке было, как и всегда, сногшибательное платье из легкой желто-оранжевой ткани. И также как и всегда казалось, что именно эти цвета ей больше всего подходят и она выглядит самой красивой и самой яркой из всех присутствующих женщин. Расставив руки, Саша с радостным воплем побежала навстречу.

– Привет! – смеясь сказала Ольга, одобрительно оглядывая хорошенькую загорелую мордашку и основательно ободранные колени. – Ну вот, смотрю проводишь время с пользой. Выглядишь, наконец, как и должен выглядеть нормальный ребенок, а не бледная городская поганка. Постоянно вся отутюженная, одетая как будто только что из химчистки.

Ольга протянула Саше увесистый пакет с вкусняшками.

– Очень надеюсь, ты не будешь выбирать только то в чем вообще нет калорий, ну или максимум две три затесались.

Саша смеясь помотала головой.

– Не буду.

– И правильно. – Ольга махнула рукой. – Все это глупости. Ты растешь. Тебе нужно нормально питаться, а не заниматься ерундой. Кстати, бабуля, никогда никаких диет не придерживалась. Она сама призналась.

Ольга с заговорщицким видом подмигнула Саше, и грациозно поведя плечами добавила:

– И вполне успешно оттанцевала свою балетную карьеру. Так, что, Сашка, не слушай никаких своих преподавательниц. Ты ребенок. Тебе расти нужно, развиваться, пусть эти злобные тетки сами на двух калориях в день сидят, если нравятся и мозгов нет.

Саша с восторгом наблюдала за своей обожаемой и совершенно невероятной, не похожей на всех остальных взрослых родственницей. Внезапно она почувствовала укол совести. От радости она совсем забыла о самом важном.

– А где мама?

Девочка огляделась вокруг, но матери по прежнему не увидела. Ей показалось, что красивое лицо тетки нахмурилась и на пару секунд стало серьезным. Обняв Сашу за плечи, и уже вновь ослепительно улыбаясь, Ольга сказала:

– Мама не смогла приехать. Срочные взрослые дела. Ты

же знаешь, у взрослых бывают важные дела, которые никак нельзя отложить. Взрослые вообще сложные и странные, – Ольга потрепала Сашины светлые с платиновым отливом волосы. – Мама очень переживала, но я сказала, что ты не станешь обижаться и все поймешь. Ты же взрослая и умная. Правда?!

Смеющиеся темные глаза с нежностью смотрели на Сашу. Саша кивнула, вновь расплываясь в улыбке. Конечно она понимает, что у взрослых бывают важные дела. Потому что они, взрослые, странные и сложные.

– Пойдем, присядем где-нибудь. – Ольга засмеялась. – В моем возрасте, знаешь ли, ногам уже нужен отдых. Старушкой становлюсь, – тряхнув густыми волнистыми волосами, она задорно подмигнула. Саша взяла тетку за руку и они направились к дальнему краю поляны, где было гораздо свободнее и не так многолюдно.

Саша непроизвольно взглянула на изящные ноги, обутые в туфли на высоченных каблуках.

– Ты никогда не будешь старушкой, – уверенно сказала девочка. – Всегда будешь молодая и самая-самая красивая.

Ольга взглянула на племянницу и Саше почудилось, что в темных глазах отразилась грусть.

– Ох, Сашка, какая ты еще несмышленная дурында!

Саша надула губы и даже собралась обидеться, но Ольга потрепав ее по голове так задорно рассмеялась, что Саша тоже не удержалась и начала смеяться вместе с ней. На ее тетю

невозможно было обижаться. Никогда и ни за что.

– Ну и что, даже здесь у вас все время по пол дня занятия? Мрак какой-то! – в голосе Ольге прозвучало искреннее возмущение. – Неужели нельзя дать детям нормально отдохнуть и каникулы провести именно как каникулы, а не марафон бесконечного растягивания ног, отработки прыжков и прочего, чем вы там занимаетесь?!

– Нужно обязательно поддерживать форму, – рассудительно сказала Саша. Ольга фыркнула. – Иначе, как говорит Вероника Евгеньевна, мы за время каникул превратимся в неповоротливых коров с негнущимися руками и ногами.

На этот раз Ольга закатила глаза и снова презрительно фыркнула.

– Вероника Евгеньевна сама корова да к тому же хамка, раз позволяет себе так говорить детям, – возмущенно сказала Ольга. – Прямо не перевариваю таких теток!

Саша улыбнулась. Она сама сильно недолюбливала преподавательницу хореографии. Да ее все девочки недолюбливали. Она и впрямь была грубой и требовательной до деспотизма. Между собой воспитанницы именовали ее не иначе как Гиеновной. Но Саша так страстно любила балет и так мечтала стать профессиональной балериной, что готова была, если нужно, терпеть целый десяток таких как Вероника Гиеновна.

Они лежали на прогретой солнцем траве и смотрели в ка-
завшуюся выцветшей безоблачную голубую высь. Небрежно
сброшенные Ольгой туфли «от кутюр» валялись рядом и Са-
ша наблюдала как по бесконечно длинному каблуку взбира-
ется божья коровка. И в который раз Саша подумала о том
с какой легкостью Ольга относится вообще ко всему. Живет
так легко и радостно, как никто другой из тех кого она знает.
Саше всегда казалось, что из всех уже достигших взрослого
возраста людей Ольга самая счастливая и беззаботная. Как
будто в ее жизни не бывает , неприятностей, проблем. Имен-
но эта легкость и беззаботность больше всего нравились Са-
ше.

– Ты самая классная тетя во всем мире! – выдохнула де-
вочка. Повернув голову, Ольга внимательно посмотрела на
нее и улыбнулась своей невероятной, ослепительно прекрас-
ной улыбкой. Саша заметила едва наметившиеся морщинки
в уголках темных, словно спелые черешни, глаз. Но они не
портили, а скорее даже придавали красивому лицу еще боль-
шее обаяние и живость. Даже возраст ее тетка умела исполь-
зовать с пользой.

– Спасибо! Ты, Сашка, тоже ничего такая племянница. –
смеясь Ольга повернулась на бок и обхватив Сашу рукой по-
щекотала ее. Девочка завизжала и захихикала, пытаясь вы-
рваться из рук своей классной и, как оказалось, коварной
родственницы.

– Хороший день, – сказала Ольга, когда они успокоившись

и насмеявшись вдоволь снова улеглись. На ее губах блуждала мягкая расслабленная улыбка. Она прикрыла глаза и вид у нее был умиротворенный. Саша прижалась к ее боку и обняла, вдыхая аромат экзотических пряных духов. – Так не хочется никуда ехать. Лежать бы так на солнышке и лежать... – не открывая глаз сказала Ольга.

– Да, замечательный день! Так здорово, что ты приехала!...

– Ну вообще я не собиралась тащиться в такую даль из-за маленькой тощей девчонки. Но потом подумала, ладно уж, не пропадать же мешку конфет, придется поехать.

Саша радостно рассмеялась.

– Ты же шутишь, я знаю.

– А то!...

Глава 2

– Соня!!! Тянем, тянем носок! Соня, не спи!!! Не опускаем ногу! Девочки, все держим ногу, никто не опускает!!! Никто!!! Регина!!! Ну что вы как вареные курицы! Работаем! Работаем! Никуда не годится! Будем продолжать пока каждая не выложится на все сто! Пока я не увижу, что вы действительно стараетесь! Я вижу только лентяек, не желающих прикладывать усилия! Танцевать, значит постоянно выкладываться полностью. Не давая себе поблажки! Работаем, работаем! Алина, если будешь продолжать в таком темпе отъедать бока и зад, скоро вообще ногу поднять выше лестничной ступени не сможешь! Тянем, тянем! Выше! Девочки, вы меня слышите!!! Стараемся!!!– с каждой новой репликой повышая тональность Вероника Евгеньевна, с недовольным видом прохаживалась вдоль станка наступив брови и сердито оглядывая подопечных, изо всех сил старательно тянувших вверх тоненькие ножки, на максимально возможную и даже невозможную высоту. Но на взгляд хореографички все же недостаточно старательно. Когда преподавательница прошла в противоположный конец зала Соня Новикова скорчила рожицу и негромко выругалась совсем не по девичьи. На лбу у нее выступили капельки пота, рот изогнулся в болезненной гримасе, подбородок дрожал. Саша чувствовала как мышцы начинает сводить судорога. В висках отбойным мо-

лотком стучало: «Я больше не могу! Я больше не могу! Пожалуйста, пусть она скажет, что можно закончить! Пожалуйста!...»

– Тянем, тянем носок! Девочки!!! Работаем!!! Кто не желает работать, ради Бога, сидите дома. Тем кто ленится, тут делать нечего!.. Тянем носок! Регина!!! Ты уснула что ли?! Что за поза с согнутыми коленями. Ты как кавалерист. Такой позиции тут вообще не должно быть! Нет такой позиции в танце! Нет! Колени распрями!!! Еще!!!

Щебечущей стайкой маленькие будущие звезды балета радостно выпорхнули из здания школы искусств и с визгом и хохотом побежали в сторону трамвайной остановки.

От места остановки улица просматривалась далеко. Никакого трамвая на горизонте видно не было. Девочки с радостно-возбужденным видом заговорщиц облепили киоск, с мороженым.

– Ты знаешь, Сосницкая, сколько калорий в каждом мороженом, которое ты съедаешь? Это еще одна тонна жира на твоих боках! – очень похоже подражая интонации преподавательницы передразнила Гиеновну Соня Новикова. Девочки радостно засмеялись. Ира Сосницкая мечтательно оглядела витрину. Жалея, что денег у нее хватает только на одно запретное лакомство.

– Я буду самое-самое жирное и самое калорийное! И пусть Гиеновна удувится! – Ира решительно протянула продавщи-

це деньги, ткнув тоненьким пальчиком в «Лакомку».

Женщина с добродушным почти круглым лицом, явно не озабоченная присутствием чего-то лишнего в собственной почти квадратной фигуре, ухмыльнулась, подавая маленькой тощенькой покупательнице выбранное ею мороженое.

– Держи, деточка... Вот, сколько работаю, все больше убеждаюсь, что совсем ненормальные у вас там в вашей школе учителя. Год за годом одно и тоже! Ужас! Готовы детей заморить. Умалишоты! – мороженщица сокрушенно покачала головой. – Кушай деточка, кушай. Тебе за раз пять таких мороженных съесть нужно... Вот же мучают детей то своими придумками...

– Спасибо, -немного смутившись, улыбнулась Ира. Вот, жаль, что не эта добрая тетенька их преподаватель. Она бы не орала, что они носок плохо тянут. Она бы их вкусностями подкармливала. Ира хихикнула.

– Отличный выбор, Сосницкая! Две тонны жира на твоих боках! – в очередной раз, прокомментировала Соня голосом хореографички.

Девочки покатались со смеху.

– Терпеть ее не могу, эту Гиеновну. – с наслаждением откусывая куски пломбира смешанного с глазурью, сказала Ира. – Жаба!

Девочки согласно кивнули. В подтверждение согласия, откусывая по солидному куску запретной вкуснятины. Акция протеста это так приятно и, главное, невероятно вкусно!

Подъехал трамвай. Компания юных нарушительниц правил, толкаясь и хихикая втиснулась в салон, наполнив его шумом, радостным возбуждением и суетой. Проезжая мимо здания балетной школы, Ира показала язык и потрясла в воздухе остатками мороженого.

– Сашка, ты? Мой руки! И иди обедать! – крикнула мать из кухни, услышав как хлопнула входная дверь.

– Сейчас, мам! – крикнула в ответ Саша, бросая на пол выложенный блестящей плиткой тяжелую сумку, успевшую оттянуть за время дороги худенькие плечи. Из кухни вкусно пахло. Стянув пуховик, Саша танцующей походкой направилась в ванную.

– Как прошло занятие?

– Нормально. Гиеновна, как всегда орала как сумасшедшая на всех, и была всеми недовольна, – усаживаясь за стол сообщила Саша. Как обычно, после морозного воздуха в домашнем тепле навалилась накопившаяся за день усталость. Захотелось лечь и лежать. Не двигаясь, вообще ничего не делая.

Мать подошла и коснулась губами платиновой макушки дочери. По сути, Сашка еще совсем-совсем ребенок...

– Саша, ты всегда можешь ммм... перестать ходить туда. Именно туда. Я не говорю бросить заниматься совсем, просто можно найти другую балетную школу, где требования будут менее жесткие... – Мать слегка смущенно смот-

рела на дочь. Она была рада и горда проявлением такой целеустремленности и упорства. Но, с другой стороны, ее бы вполне устроило, если бы дочь просто занималась любимым увлечением, без вот этой вот выматывающей муштры, без ежедневных нагрузок забирающих все силы. Детям по десять лет, а из них выжимают все соки. Не скажутся ли, если не прямо сейчас, то впоследствии подобные нагрузки на здоровье?...

Саша с удивлением посмотрела на мать и уверенно помотала головой.

– Мам, ты что?! Ты же знаешь, что это лучшая школа. И ты же знаешь, балет это постоянный труд, работа над собой изо дня в день. Только так можно добиться результата... – с серьезным, не по возрасту, взрослым видом сказала девочка. Вера Сергеевна закатила глаза. Это все мама! Ее мама, Сашина бабушка, со своим балетом, будь он неладен. Вбила в голову ребенку, что ничего лучше в жизни нет и Сашка обязательно должна стать великой балериной, потому что у нее явные способности. Прямо вот великой балериной! Никак не меньше.

Вера Сергеевна не противилась, когда шестилетняя дочь, очарованная рассказами бабушки и фотографиями из ее альбомов, и конечно театральными постановками, на которые постоянно водила ее бабушка, сделала свой выбор. Вообще Вера Сергеевна, была уверена, что в таком возрасте нет

еще серьезных целей и желаний. Постоянных, по крайней мере. Детям быстро все надоедает. Сегодня хочу быть доктором, завтра актрисой. И с балетом думала она будет также. Позанимается и через какое-то время остынет. Захочет, к примеру, на скрипке играть или быть фигуристкой, или заниматься живописью. Но чем дальше, тем все серьезней и серьезней ее дочь относилась к своей мечте. И тем меньший восторг у самой Веры Сергеевны вызывала эта выбранная ею мечта. Потому что она была дочерью балерины и знала что это означает. А жизнь, она гораздо больше чем одно, пусть даже самое любимое и обожаемое увлечение. А тут ничего другого нет. Сашка ничего кроме учебы и занятий хореографией не видит. Не остается больше ни на что сил и времени. Ни в кино с подружками сходить, ни съездить куда-то. Вздохнув, мать будущей примы поставила на стол тарелку с аппетитно пахнувшей куриной лапшой.

–Ешь! – скомандовала она.

Саша хихикнула.

– Гиеновна бы сейчас была вне себя и орала бы как сумасшедшая! Лапша – это еще одна тонна жира на боках!

Вера Сергеевна покачала головой и сердито сказала:

–Саш, вероятно, это очень непедагогично, но она у вас действительно сумасшедшая. Да к тому же абсолютно неуравновешенная. Уже сколько раз родители вопрос ставили перед руководством... – Вера Сергеевна махнула рукой. Ни к чему ребенку эти подробности. Да и что толку? Неурав-

новешенная и грубая преподавательница никуда не денется, потому что Саша не уйдет из чертовой школы. Ее все устраивает. Это ее жизнь. Жизнь, которая, по сути, является подменной настоящей жизни. Вера Сергеевна вздохнула.

– Кушай, а то остынет...

Вновь вспомнив нелюбимую всеми преподавательницу, Саше, почему-то вдруг, стало очень жаль ее, женщину, которая сама никого не любит и ее тоже не любит никто. Промелькнувшая в детской голове даже не мысль, а скорее подсознательное ощущение, что человек живущий без любви очень несчастен, тут же бесследно испарилось. В десять лет сложно думать о тонкостях человеческой природы и ее взаимоотношении с миром вследствие этих тонкостей. Честно говоря, сейчас думать вообще было неохота. И про Гиеновну особенно. Хотя бы до следующего занятия, то есть до завтра. Глаза начали сами собой закрываться. Едва не нырнув в тарелку, Саша подперла голову тоненькой ручкой, стараясь прогнать охватившую ее сонливость.

– Вечером должны приехать бабуля и Ольга, – забирая тарелку, сказала Вера Сергеевна.

– Ура! – моментально взбодрившись, Саша радостно подскочила на стуле.

Вера Сергеевна вяло улыbnулась. Да уж, ура. Мать весь вечер будет наставлять их с Ольгой, как нужно правильно жить и правильно поступать и тд, и тп. Любимое занятие. А Ольга

будет своим наметанным, как рентгеновский луч, взглядом «просвечивать» ее. И обо всем догадается, даже сомневаться не придется. Младшая сестра всегда обо всем догадывалась. И догадывалась всегда верно. Ничего не скроешь от ее проницательности. И она точно найдет момент, чтобы никто не мешал поговорить. Откровенно, как на духу. А ей ничего говорить не хочется, ни о чем. Даже с сестрой, с которой у них никогда не было секретов. Поэтому да, ура! Впереди дивный вечер...

– Давай, доделывай уроки, до их приезда. Потом не до того будет... – справившись с волнением сказала Вера Сергеевна. Пребывающая в гораздо более радостном предвкушении от предстоящего вечера Саша, пританцовывая поскакала в свою комнату, уже вполне бодрая и отдохнувшая.

Глава 3

– Александра! Не забывай держать спину прямо!

На замечание по поводу осанки, сделанное, некогда служившей в мариинке Екатериной Андреевной старшая дочь закатила глаза, младшая слегка склонив голову ухмыльнулась, а внучка, к которой было обращено замечание, послушно расправила и так безупречно прямые плечи и спину.

– Вот так! Никогда не забывай про осанку! – Екатерина Андреевна удовлетворенно кивнула и аристократичным исполненным достоинства движением отрезала крошечный ломтик от своей отбивной. Отправив его в рот, она вновь вполне благосклонно кивнула.

– Вера, мясо, как всегда восхитительное. Чего у тебя не отнять, так это кулинарного таланта.

– Спасибо, мам, – рассеяно поблагодарила Вера Сергеевна. Ольга метнула проницательный взгляд в сторону сестры.

– Это у тебя в отца, он тоже прекрасно готовил. – Екатерина Андреевна улыбнулась. – В отличие от меня.

На мгновение во взгляде поблекших глаз мелькнул озорной огонек.

– Сережа всегда грозился, что уйдет от меня к поварихе. Ольга засмеялась. Вера Сергеевна улыбнулась, снова довольной рассеянностью. Саша хихикнула.

– Он подтрунивал надо мной, что мои котлеты чудовищ-

ны, а супы, которые я время от времени все же пыталась варить, как любящая жена, можно использовать как биологическое оружие.

Ольга положила изящную кисть поверх изборожденной морщинами материнской руки.

– Мамуль, у тебя много других талантов. Супы и котлеты это не главное. Отец тебя боготворил, ты же знаешь. И никакая повариха ему была не нужна.

Екатерина Андреевна засмеялась.

– Ты так говоришь, потому что как и я не умеешь готовить.

Ольга задорно тряхнула головой.

– Да! Не умею. Ну и что! Верка в папу пошла. Я в тебя. Все по честному. К тому же у меня безупречная осанка. Что подтверждает, что я точно в тебя, – смеясь закончила она.

Екатерина Андреевна покачала головой.

– Да, с осанкой точно к тебе претензий нет. – Она вздохнула. – И я так надеялась, что ты и правда пойдешь по моим стопам и займешься балетом. У тебя были все задатки! Другие только мечтают о том, что попросту было тебе дано от природы. А ты совершенно не ценила этого и ни в какую не хотела заниматься... И, в конце концов, еще выбрала это ужасное вульгарное занятие! Модель! Вот что это за профессия такая?! Позор один...

– Мам, не начинай. Я давно уже не модель. – Ольга взяла один из малюсеньких пирожков, на которые ее сестра бы-

ла не меньшей мастерицей чем на мясные блюда. Вонзив в пирожок крепкие белоснежные зубы она прикрыла глаза от удовольствия. – Ммм... Верка, если бы я жила вместе с тобой и ты бы меня кормила, я бы уже давно разжирела до новых размеров. Ты уж слишком вкусно готовишь, нельзя так.

Вера Сергеевна улыбнулась сестре. Повернувшись к матери Ольга примирительно сказала:

– Я согласна с тобой мам, что выбор профессии был дурацким.

Екатерина Андреевна фыркнула – профессии! Тоже нашла профессию по сцене туда сюда скакать демонстрируя безвкусные тряпки, а заодно, полураздетую себя...

– Но я и балет не люблю. Что тут поделаешь? – упрямо добавила Ольга, по мнению которой, одно занятие не сильно отличалось от другого. И там и там, по сути, бессмыслица.

Екатерина Андреевна вздохнула.

– Ладно, хоть Александра продолжит традицию.

Вера Сергеевна с задумчивым видом теребившая уголок лежавшей рядом с тарелкой льняной салфетки, при словах о продолжении традиции сжала ладонь, сминая ткань в комок. Традиция! Кому она нужна эта традиция?! У ребенка детства нет. Просто нет и все. Одна сплошная традиция...

Как будто почувствовав напряженное состояние старшей дочери Екатерина Андреевна повернула голову в ее сторону.

– А где ваш ммм... глава семьи? – в интонации с которой

был задан вопрос имеющий отношение к старшему зятю, как обычно прозвучала презрительно-пренебрежительная нотка.

– А... гм... э.... добавки хочет кто-нибудь? – На щеках Веры Сергеевны полыхнули алые пятна. Екатерина Андреевна недовольно сдвинула брови. Что за ужасная манера отвечать вопросом на вопрос?

– Вера?!... – В голосе Екатерины Андреевны теперь звучало откровенное раздражение. – Разве ты не слышала, что я обратилась к тебе с вопросом?...

Отправившая в рот остатки пирожка Ольга выпучила глаза и сильно закашлялась. Вера кинулась к ней и начала хлопать по спине.

– Ох! Фууу!... – выдохнула, наконец Ольга и засмеялась. – Чуть не убила меня своими угощеньями.

Мать неодобрительно покачала головой.

– Все потому, что ты всегда хватаешь еду кусками, как голодная. С самого детства. Даже не представляю, как с такими манерами тебя допускают за стол во время приемов, это же позор! – фыркнула Екатерина Андреевна. – Как будто ты воспитывалась в подворотне, а не в приличной семье...

Ольга засмеялась.

– Ой, мам, на самом деле на всех этих приемах всем вообще абсолютно все равно кто что и как делает. Все заняты собой, а учитывая, что приглашенные, в основном и встречаются друг с другом исключительно во время подобных ме-

роприятий, то даже ради того, чтобы перебить кости не особенно то и используешь чей-то промах. И, поверь, манеры, у меня не самые ужасные. Там такие персонажи встречаются – ты бы точно была в шоке. И вообще, там обычно такая тоска смертная, что даже хочется, порой, чтобы кто-то для разнообразия, к примеру, вилок в зубах поковырялся или учудил что-нибудь этакое.

– Ужас! Куда катится этот мир! А у тебя не только манеры ужасные, но еще и любовь вечно нести всякий вздор! – с возмущением сказала бывшая служительница высокого искусства.

Так как обе дочери уже успели ее расстроить, Екатерина Андреевна решила обратиться к внучке, своей надежде и отраде, продолжательнице благородной традиции.

– Александра, ты сегодня как воды в рот набрала. Как твои успехи?

– Нормально, бабуль. Все хорошо. Просто немного устала. Сегодня занятие по хореографии было очень сложное. Гиенов... Вероника Евгеньевна была очень недовольная. Еще недовольнее чем обычно, – Саша прикрыла рот ладошкой, скрывая улыбку при воспоминании о багровеющей от злости и орущей все громче и громче хореографичке. – Заставила всех дважды каждую позицию отрабатывать.

Екатерина Андреевна едва заметно улыбнулась, на этот раз кивая с одобрением.

– Вероника Евгеньевна хочет чтобы вы добились резуль-

тата, поэтому ведет себя с вами строго, заставляет работать. Для вашего же блага, – нравоучительным тоном сказала она. Во взгляде обращенном на внучку была заметна гордость. – Старайся, Александра! Старайся. Трудись и добьешься результата.

Тонкий, будто иссохший палец с выглядевшим на нем слишком большим и тяжелым старинным перстнем, вытянулся вверх.

– Работать, работать и работать, не жалея себя – вот залог успеха!

– Да, бабуль, – Саша кивнула.

Ольга беззвучно фыркнула, еле сдерживаюсь, чтобы не высказаться, что преподавательница ведет себя со своими ученицами не строго, а по хамски. А мать будущей покорительницы сцены сидела с еще более отсутствующим видом, чем в начале вечера и никак не отреагировала на слова матери.

Выпорхнув из за стола Ольга обратилась к витающей весь вечер в облаках сестре.

– Думаю, пора убрать со стола. Все наелись и даже объелись, вряд ли кто-то еще что-то будет. – Похожий на спелую черешню карий глаз многозначительно подмигнул хозяйке дома. Очнувшись от задумчивости, Вера тоже поднялась.

– Да. Думаю можно убирать... – без особого энтузиазма сказала она. Ей ничего не хотелось обсуждать. И с Ольгой в том числе. А та явно намерена, как она это очень ловко

умеет, выведать что произошло...

Собрав посуду сестры удалились на кухню.

– Сейчас будет чай! Чайник уже поставили... – крикнула Ольга в сторону гостиной и плотно прикрыла дверь, на случай если мать или Саша решат прийти за чем-нибудь на кухню.

– Спасибо, – вяло улыбнувшись сказала Вера Сергеевна. – Сцена с пирогом ведь была спектаклем, чтобы спасти меня от мамы.

Ольга повела изящными плечиками.

– Ну, наша маман, уж если вцепится, то все. Приходится импровизировать, – усмехнулась Ольга. Внимательно вглядываясь в кажущееся сегодня невыразительным и бесцветным лицо старшей сестры, она требовательно сказала:

– Все! Давай, колись! Что там у тебя такое? Ты же знаешь, я еще хуже чем мама.

Вера Сергеевна вздохнула и неожиданно, прижав ладони к лицу разрыдалась.

– Мы подали заявление... на развод!... Давно к этому шло... Но вот все как-то думала, уладится, утрясется... Аааа!...

Она всхлипнула и взглянув на Ольгу покрасневшими от слез глазами добавила:

– А как же Сашка? Как она?!...

– Урод! – Достав из кармана пачку, сердито сказала Ольга. Она чиркнула зажигалкой и затянулась глубоко и с насла-

ждением.

Вера Сергеевна испуганно покосилась на нее.

– Мама будет недовольна, ты же знаешь она не любит... – гнусавым от недавних рыданий голосом сказала она.

– Ну и ладно, – небрежно отмахнулась Ольга, делая очередную затяжку. – Она всегда чем-то недовольна, ты же тоже ее знаешь.

Вера Сергеевна печально вздохнула.

– Я не знаю как быть, Оль. Просто не знаю как быть и что теперь делать...

– Дать этому козлине хорошего пенделя, вот что делать. Пусть катится к чертям собачьим. Скатертью дорога!

Она положила руку на плечо сестры и твердо сказала.

– Он не стоит твоих переживаний и ты об этом знаешь, – и затем, уже очень мягко с сочувствием добавила, – просто сейчас ты не в состоянии думать спокойно и понимать очевидное. И мне так жаль, Верка, что тебе приходится через это проходить. Если бы я могла помочь, я бы помогла. Но единственный кто может помочь любому из нас в такой ситуации – время. Неумолимое, безжалостное и при этом милосердное время...

Вера Сергеевна судорожно вздохнула и вытерла заплаканные глаза салфеткой. Она внимательно посмотрела на непривычно посерьезневшую младшую сестру. Такое впечатление, что Ольга не просто успокаивает ее, а будто делится опытом. Тем, что было пережито ею самой... Возмож-

но ли подобное, Вера Сергеевна не знала. Она, в отличие от Ольги не обладала способностью «просвечивания» рентгеновским лучом мыслей и душевного состояния окружающих. Было невыносимо грустно. От всего сразу... Почему в жизни не бывает все хорошо?...

Ольга поднялась.

– Пойдем, а то маман сейчас начнет метать громы и молнии, что мы такие копуши и так долго не подаем чай. очередное нарушение этикета.

На красивом лице вновь сияла безмятежная ослепительно прекрасная улыбка красивой, уверенной в себе женщины, жизнь которой полностью удалась, на зависть всем...

Глава 4

По бледно желтым стенам класса пробегали солнечные зайчики. Из приоткрытого окна доносились звуки весеннего дня, наполненного светом, теплом, щебетом птиц, голосами прохожих, фырканием машин.

– ... именно в этот период американская школа балета окончательно обретает ту форму, которой она представлена и на сегодняшний день...

«Теорию балета» любили все девочки, без исключения. Правда, причины этой любви были различными. Большинству нравилась возможность просто отдохнуть, сделать передышку в нескончаемом совершенствовании и оттачивании мастерства танцовщиц. Так редко можно было просто посидеть, расслабиться, и позаниматься какими-то своими делами, на которые у юных балерин никогда не оставалось времени. Пока преподаватель, спокойный, доброжелательный и абсолютно невозмутимый старичок, со множеством степеней и званий в области искусства, Илья Николаевич рассказывал очередную тему, можно было спокойно посидеть в телефоне. Потому, что Илья Николаевич всегда всем обязательно ставил зачет, считая, что раз присутствовали на занятиях, значит хоть что-то там в головах, в любом случае, отложилось. А если уж предмет неинтересен, так зачем тратить

время, силы и нервы, занимаясь зубрежкой, «бездушным» заучиванием информации, которая, в связи с отсутствием интереса, в любом случае, выветрится сразу же после того, как тема будет сдана. Илья Николаевич был твердо убежден, что жить нужно «в радость». Ни к чему совершать насилие над собой. Ведь и занятия техникой танца и хореографией, на которых ученицы выкладываются до изнеможения, имеют смысл, только если есть желание заниматься именно этим. А иначе все невероятные усилия, бесконечная работа, через боль, через слезы бесполезны и бессмысленны. А без теории, ну что ж, танцевать его ученицы смогут ничуть не хуже, это уж точно. А там, глядишь, повзрослеют и придет интерес и желание узнавать что-то новое. Расширять горизонты познания.

– ... но, как и раньше, французская школа продолжала занимать ведущее место... – приятный мягкий баритон совсем не старческого по звучанию голоса обволакивал, успокаивал и как будто согревал душевной теплотой. Даже те кто не вникал в суть, помимо воли, вслушивались в звучание, пропускали через себя.

Саша слушала учителя внимательно и с неподдельным интересом. Она была одной из тех немногих, кто любил не только преподавателя, но и сам предмет. Ей было интересно все, что хоть как-то было связано с обожаемым ею видом искусства. Илья Николаевич не скрывал, что спокойная, рассудительная, умненькая Саша его любимая ученица.

– Талант, – говорил он, с улыбкой, – всегда многогранен. Это очень неверно, когда говорят, что природа не бывает слишком щедра и не дает много талантов одновременно. Глупость! Дело не в щедрости природы. Если уж человек одарен, то у его одаренности непременно присутствуют разнообразные грани. Главное, стремиться развивать и постоянно совершенствовать как можно больше из них. Никогда нельзя останавливаться. Иначе это внутреннее сияние угаснет...

В десять лет философские рассуждения не слишком интересны и понятны. Девчушки согласно кивали. Улыбались старику, и как только он отворачивался, вновь включали телефоны, ненадолго, погружаясь в мир, в котором большинство их сверстников пребывало чуть ли не постоянно, а они были редкими гостями и в этом краткосрочном пребывании была особая прелесть. Жаль, что теория согласно учебной программе бывает только один раз в неделю...

Гиеновна вновь была сильно не в духе, и на этот раз отыгралась на воспитанницах во время отработки танцевальных отрывков для предстоящего в скором времени промежуточного экзамена, загоняя всех до полного изнеможения. Температура на улице была выше двадцати градусов и в зале было невыносимо душно. Девочки вышли с занятия выжатые как лимоны. Всем хотелось только поскорей добраться до дома. Прелести теплого весеннего дня не манили собой юных

созданий. Силы закончились. Юные балерины шли к остановке трамвая, вяло переговариваясь друг с другом.

– Хоть бы нам со следующего года другую хореографичку дали, – вяло перебирая ногами, сказала Алина.

– Ага, размечталась, – сказала Ира Сосницкая. – Гиеновна она вечная и незаменимая.

Саша рассеяно слушала подруг. Она потянула ногу и боль в щиколотке становилась с каждым шагом все ощутимее. Неподалеку от остановки припарковался большой темно-зеленый внедорожник. Заметив машину, Саша поморщилась.

Дверь автомобиля распахнулась и Саша увидела улыбающееся лицо отца.

– Привет, Санька! – радостно шагнув к ней навстречу сказал отец.

– Привет, пап...

– Здравствуйте! – дружно поздоровались Сашины спутницы.

Отец одарил всех улыбкой и помахал.

Саша тоже помахала.

– Пока. До завтра...

– Ну, как твои дела? – усевшись за руль поинтересовался отец. – Что-то вы все какие-то не радостные? Разлюбили балет? – попытался пошутить отец.

– Все нормально. Устали...

Отец бросил изучающий взгляд на дочь.

– Может заедем в какую-нибудь кафешку. Поедим че-

го-нибудь вкусенького, это очень способствует восстановлению сил. Маму я предупрежу, – бодро предложил он. Саша покачала головой.

– Я правда очень устала. И ногу потянула, нужно компресс сделать. Отвези меня домой, – бесцветным голосом сказала она. На ее лице застыло выражение неприязненной скованности.

Отец пожал плечами и улыбнулся.

– Ладно... Просто я подумал, ты захочешь куда-нибудь зайти...

Он хотел добавить «Раньше ты любила когда мы куда-то ходили», но промолчал. Раньше все было по другому. И его дочь явно обижена на него из-за того что все изменилось. Он подавил начавшее охватывать его раздражение. Саша ни в чем не виновата. Она имеет право злиться... Настроение испортилось. Он уже жалел, что решил приехать вот так, неожиданно. Хотел устроить сюрприз. Сюрприз не удался. Теперь, наверное, так будет всегда...

– А с ногой что-то серьезное? Может нужно показаться врачу? – выезжая на дорогу спросил он обеспокоенно. Саша дернула плечиком.

– Нет. Нормально все. Такое часто случается. Компресс хорошо помогает...

– Ясно...

Он кивнул.

– А вообще как дела?... В школе, с подругами...

Худенькое плечико вновь поднялось вверх и опустилось.

– Все нормально... хорошо...

Чувствуя некоторую неловкость он улыбнулся.

– Я рад, что у тебя все хорошо...

Вот и пообщались. В душе поскреблось когтистой лапкой сожаление, ощущение утраты чего-то очень-очень значимого, что уже больше никогда не вернется...

Глава 5

– Ой, Суркова! Саша! Дай домашку списать! – ухватившись за лямку Сашиного рюкзака и «повиснув» на ней, умоляюще проныл Федька Щукин. – Саш, ну дай. Пожалуйста! Сейчас Пифагоровна снова пару поставит, сама знаешь у нее ко мне особая любовь... Ты же не хочешь чтобы меня на второй год оставили...

– Вообще-то хочу, – сердито сказала Саша. Федька от неожиданности приоткрыл рот и даже выпустил из рук лямку ее рюкзака.

– Ты че, Суркова?! Чего ты такое говоришь?

– Никто не будет каждый раз просить чтобы ему дали списать. Нужно самому, хоть иногда что-то делать...

Федька закивал лохматой головой.

– Да, да, да, точно, точно, я знаю, знаю... Саш, перемена заканчивается. Пожалуйста!...

Серые наивные глаза Федьки умоляюще уставились на Сашу. Вздохнув, она достала из рюкзака тетрадь.

– В последний раз!...

– Да, да, да, Саш... Спасибо!... – выхватив спасительную тетрадку из Сашиных рук Федька побежал к окну, чтобы на подоконнике быстренько списать хоть что-то.

Саша скорчила презрительную гримасу. Как так можно?!

Прозвенел звонок. Галдящая, безостановочно и беспорядочно

дочно движущаяся масса, начала «растекаться» в направлении разных классов.

С самого первого урока Сашу не покидало непонятное, раздражающее ощущение. Что-то было не так. Что не так, Саша понять не могла. Это напрягало и раздражало еще сильнее. Но чувство дискомфорта возникало на каждом уроке. После «операции по спасению» нерадивого бездельника Щукина, Саша неожиданно сделала для себя вывод, что на переменах никакого дискомфорта она не чувствует.

На математике, снова почувствовав необъяснимое напряжение и раздражение, Саша решила, что пора выяснить причину. Пока Алевтина Егоровна, еще в начале своей долгой учительской карьеры окрещенная Пифогоровной, писала на доске красивым с затейливыми завитушками почерком условие задачи, Саша резко развернулась и ее взгляд сразу же уперся в застывший взгляд Гошки Кулешова. Дернувшись, как будто его ужалили, Гошка вспыхнул, и опустив глаза, принялся очень старательно листать учебник геометрии.

Саша ошалело поморгала. С чего вдруг Кулешов сверлит ее взглядом, да еще таким странным, что она весь день чувствует себя не в своей тарелке. Он вроде нормальный, без заскоков. Это Щукин, который не делает домашнее задание, вечно ведет себя как клоун и от него чего хочешь можно ожидать. А Кулешов не такой. Вроде... Сначала Саша хотела просто подойти на следующей перемене к Гошке и спросить

зачем он так смотрит на нее. Но потом она подумала что это как-то глупо будет выглядеть. Ну, смотрит. И что? Он так и скажет – хочу и смотрю, какие проблемы?

Последние два урока прошли «спокойно», без «слезки». Нервирующего ощущения больше не возникало. Видно, Кулешов насмотрелся. Ну и прекрасно...

– Как прошел день? – поинтересовалась Вера Сергеевна у Саши, вернувшейся после окончания занятий в балетной школе.

– Нормально, мам.

Чмокнув мать в щеку, Саша уселась за стол. На улице уже начало темнеть. Как обычно, Саша пришла домой позже матери, вернувшейся с работы. После шести общеобразовательных уроков было еще четыре часа занятий – два яючаса хореографии и два техники танца. Потом еще полчаса проводился инструктаж по поводу предстоящего показательного выступления в одном из подмосковных театров. К счастью на завтра задали совсем немного, и она успела сделать всю домашку во время перерывов.

Вера Сергеевна задумчиво смотрела на дочь. Может она ошиблась, настояв, чтобы общеобразовательную программу Саша изучала в обычной школе. В школе искусств тоже можно было изучать все предметы. Но Вера Сергеевна была убеждена, что упор там делается на то что связано с балетом, а все остальное преподается поверхностно, как второ-

степенное. Лишь бы можно было выдать аттестат. Саша способная и умная, ей нужно учиться. Вере Сергеевне не хотелось чтобы ее дочь ничего кроме балета не знала. Но с другой стороны, она так устает. Постоянно очень большие нагрузки. Она, практически, не видит детства. Обычного детства, радостного беззаботного, веселого. С дурацкими, бесполезными занятиями, какими-то шалостями, играми, приключениями, подробности которых потом забываются, но остается общее ощущение светлого, счастливого периода. Детства. Нормального детства.

– Саша, я подумала, тебе, наверное очень тяжело учиться в обычной школе, а потом еще несколько часов заниматься в балетной школе...

Саша с удивлением взглянула на мать.

– Да нет, нормально, мам. Я привыкла. – Она пожала плечами, – ну, иногда может и тяжело, когда к зачету подготовка или к выступлению. А так нормально...

– Ну может все же стоит перевестись на полное обучение в школу искусств? У вас же многие девочки там учатся и ничего... – решив выяснить до конца беспокоивший ее вопрос, сказала Вера Сергеевна.

Саша вновь пожала плечиками.

– Ну, да, учатся. Некоторые живут рядом им так удобнее. А некоторые говорят, что там лучше, чем в обычной школе, потому что домашку делать не нужно. Учителя почти ничего не задают. – Заметив обеспокоенное выражение на лице ма-

тери Саша улыбнулась. – Мам, мне нравится в моей школе. Правда. Я не хочу переходить. Все хорошо. Не переживай.

Вера Сергеевна кивнула.

– Ну ладно. Хорошо, что нравится... А что домашних заданий не задают не правильно, как мне кажется. Учиться-то тоже нужно...

– Ой, мам! Представляешь, сегодня так странно получилось с Гошкой Кулешовым! Не знаю почему, он первые четыре урока сверлил меня взглядом. Сидел и смотрел мне в спину. Я даже чувствовала... Но я сначала не знала, что это Гошка так странно смотрит, просто мне как-то не по себе было. А потом, на математике, когда я снова почувствовала, повернулась назад, чтоб узнать в чем дело и увидела что это Кулешов на меня смотрит. А он перепугался, что я заметила и сразу сделал вид, что читает учебник. Я его даже спросить хотела, чего он хочет. Но потом передумала... В общем, странный он... А так вроде бы нормальный...

Вера Сергеевна внимательно слушавшая дочь рассмеялась.

– Ой, Сашка! Совсем ты у меня дикая со своим балетом. Как инопланетянка. Честное слово. Ты этому мальчику нравишься. Так ведут себя влюбленные, – Вера Сергеевна засмеялась, – или сумасшедшие. Но думаю в случае твоего Гошки это первый вариант.

– О! – протянула Саша. После слов, сказанных матерью, она уже и сама удивлялась, что не додумалась до подобного

объяснения. Хотя, с чего бы ей до него додуматься? Они с Кулешовым вообще почти не общаются, так что непонятно чем она ему вдруг так понравилась.

– Ты только прояви такт, – улыбнулась мать. – Не показывай вида, что знаешь его секрет. Влюбленные, они очень ранимы...

– Да конечно не буду я ничего показывать. Я вообще не понимаю с чего я ему вдруг могла понравиться. Мы даже не дружим. Просто учимся в одном классе...

– Сашка, какая же ты еще наивная! – улыбаясь, мать с нежностью смотрела на дочь. Надо же, как быстро она выросла! Вот уже мальчишки в нее влюбляются. А она сама ничего о жизни пока и не знает, живет в своем мире танца...

– Для того чтобы человек понравился не обязательно дружить с ним или близко общаться. Порой нам нравятся те, кого мы вообще почти не знаем. Что-то привлекло в человеке неожиданно, поразило. Как вспышка. Какая-то черта, на которую мы обратили внимание, интонация голоса, фраза, затронувшая что-то в душе, бывает совсем ничего не значащий пустяк, и дальше мы рисуем образ. И влюбляемся в этот, нами же самими нарисованный образ. И он может совсем не соответствовать тому, что человек на самом деле из себя представляет. Только понимание этого приходит по-разному. Иногда довольно быстро, и тогда влюбленность проходит, как будто ее и не было. Но часто бывает такое, что мы можем долгие годы пребывать в своем заблуждении...

И продолжать любить образ существующий, на самом деле, только в нашем собственном воображении.

И мы так «прирастаем» к этому образу, что даже узнав о своем заблуждении, никак не можем с ним расстаться. Готовы и дальше обманываться...

Саша заметила, что лицо у матери стало грустное.

– Ох, Сашка, что-то я слишком углубилась в тему влюбленности, – Вера Сергеевна немного смущенно рассмеялась. – Заболтала тебя... Вообще это здорово, что в тебя влюбился мальчик. В этом возрасте, в любом случае, это очень светлое чувство.

Саша положила маленькую ладошку поверх руки матери и нежно сжала ее.

– Так было с папой? – прошептала Саша. – Ты нарисовала образ и любила его? То чего нет?

Вера Сергеевна невесело усмехнулась. В этой усмешке были и боль, и обида, и грусть

– Думаю, да, наверное, так оно и было...

Саша привстала со стула и обняла мать за шею.

– Я тебя люблю, мама. Не расстраивайся. Все будет хорошо. Папа... не прав... мне кажется, он жалеет, что все так... он всегда грустный, когда приезжает...

Вера Сергеевна кивнула.

– Ты у меня очень умная, – голубые глаза вновь заискрились, – хотя и не разбираешься пока во влюбленных мальчишках...

Глава 6

– Я знаете как спешил, Нина Витальевна! – Федька Щукин преданно заглянул в блеклые, окруженные морщинками, глаза учительницы. Биологичка не повелась и недовольно поджав губы сурово смотрела на пришедшего, в очередной раз с опозданием, Федьку.

– Там водитель прямо настоящий псих был, Нина Витальевна. Правда. А я же говорю, девочка маленькая рядом стояла, и я ее прямо из под колес, можно сказать, вытащил. В последний момент.

Войдя в образ, Федька выпятил тощую грудь вперед.

– Да ты герой, Щукин! – саркастично ухмыльнулась учительница.

Федька изобразил смущение.

– Да что Вы, Нина Витальевна. На моем месте каждый...

– Ну да. Ну да. Девочку из под колес спасти конечно бы каждый попытался. Но спас ты, Щукин. Тебе теперь медаль, наверное дадут.

Сидящие за партами ученики захихикали. Но Федька уже окончательно вжился в роль и его «несло» все дальше и дальше.

– А потом мы маму ее искали. Ну девочки, которую чуть не задавили...

Нина Витальевна изобразила притворный ужас.

– Да что ты? Чуть под машину не попала да еще и маму потеряла. Все напасти на одну бедную девочку.

Федька расплылся в улыбке.

– Мама потом нашлась. Она за хлебом ходила...

– А я уж подумала, что ее сумасшедший водитель похитил и увез на своей машине, и ты в погоне участвовал.

Класс взорвался от смеха. На этот раз Федька немного смутился. Зловредная биологичка его «переиграла», ничего не скажешь.

Пока Федька соображал что бы еще такое придумать по-оригинальнее, чтобы «вернуть лицо», дверь класса открылась и в нее заглянула Саша Суркова.

– Можно, Нина Витальевна? Извините что опоздала...

Учительница благосклонно кивнула.

– Заходи, Саша. У нас тут Шукин доклад делает о своих героических подвигах.

Ученики снова радостно загоготали.

Нина Витальевна поглядывала на еще одну опоздавшую с нескрываемым удивлением. Если с Шукиным все понятно, то Саша Суркова очень дисциплинированная девочка и вообще хорошая и способная ученица. Может что-то случилось?

– Надеюсь, тебе никого спасать по дороге в школу не пришлось? – с улыбкой поинтересовалась биологичка и не без ехидства покосилась на Федьку Шукина.

– Ннннет, я проспала. Извините... – смущенно сказала

Саша. Причина ее опоздания, по ее же мнению, была совершенно неуважительной и непростительной.

– Мелко плаваешь, Суркова, – заржал Толик Тихонов. – Щукин вон всех маленьких девочек вместе с их мамами успел спасти пока ты дрыхла.

Класс взорвался от смеха.

– Тихо!!! Успокойтесь! – Нина Витальевна постучала по столу указкой. – У нас урок, вообще-то... Садитесь, – кивнула головой обоим опоздавшим учительница и добавила. – Щукин, а тебе я очень советую больше не опаздывать. В следующий раз пойдешь директору о своих подвигах рассказывать. Думаю, он оценит.

– А чего я-то?! Я же не специально! Чего к директору-то?! Я же не выдумываю!... – запротестовал Федька.

– Все, иди уже, – раздраженно махнула рукой учительница. – И так уже пол урока потеряли с тобой.

– Суркова, вон, проспала и ничего, – бурча под нос пошел к своей парте «недооцененный» герой. На обиженном лице весело поблескивали озорные глаза. Федька очень надеялся что к доске его не вызовут. Биологичка уже получила достаточную порцию общения с ним на сегодня, авось больше не захочет...

– Суркова! Саша! А ты чего это проспала-то? Ты же никогда не опаздываешь, примерная ученица. Смотри, с этого все и начинается, – давась от смеха, погрозил Федька пере-

мазанным следами от ручки пальцем. Губы «героя-спасателя» растянулись в нахальной улыбке. – Сегодня ты проспала, завтра прогуляла, а там и вообще школу бросила. Дальше сама понимаешь...

Саша одарила одноклассника презрительным взглядом.

– Ты дурак, Щукин?

– Это, чего обзываешься?!... Ну ладно я опоздал, – не унимался Федька, – у меня причина уважительная, между прочим... А ты с чего вдруг?

В глазах Федьки, наравне с озорством читалось неприкрытое любопытство.

Из предыдущего опыта общения Саша знала, что он не отстанет. Так и будет приставать, пока не удовлетворит свое любопытство, хоть до конца учебного дня.

– Зачетное выступление было вчера. Поздно домой вернулась, утром будильник не услышала, – без особого желанья ответила Саша.

– Выступление?! Прямо на сцене?! Аааа, ну поздравляю. И как? Ты уже звезда? Слава, деньги, успех?!... Какое-нибудь «Лебединое озеро» танцевали? Ты была белая умирающая лебедь или черная противная? Видишь, Суркова, я в балете разбираюсь, – блеснул познаниями безостановочно тараторивший Федька, все также нахально улыбаясь. Саша вздохнула и одарила его очередным жалостливо-презрительным взглядом.

– Па-де-де. Парный выход, с исполнением разных вариаций

ций. Что-то вроде экзамена, в общем...

– Па де что? Чего за фигня?! Ты чего Суркова материться начала? Смотри, я же говорю, опоздание, нецензурные слова, так из отличницы и до отстающей дойдешь. А там, если школу и не бросишь, так на второй год останешься, – заржал Федька.

Саша закатила глаза. Идиот!

– Щукин, отстань, – отодвигая одноклассника в сторону и проходя вперед, сказала она. – Мне историю повторить нужно. Я не успела из-за того что проспала...

При упоминании об истории Федька сразу посерьезнел и даже погрустнел.

– Блииин!... Точно, история! Е мое! Меня Что Где Когда точно сегодня спросит! – Взглянув на Сашу он требовательно заявил. – Суркова, будешь мне подсказывать! Ты же меня заболтала со своими выступлениями, я из-за тебя не повторил домашку. Так что это ты виновата.

Саша раздраженно фыркнула и отошла в сторону, подальше от не замолкающего дурачка Федьки.

– Суркова, ну правда, если че подскажешь. Ладно?!...

Саша с сердитым видом повернулась. Глаза у нее были злые. Ну сколько можно?!

– Зачем я тебе буду подсказывать, Щукин?! Вместе на второй год останемся. Как я без тебя, буду? – огрызнулась Саша. Федька ухмыльнулся.

– Я забыл, что вы, девчонки, вечно только о себе и дума-

ете. А меня, Суркова, между прочим, в армию заберут. Тебя-то нет. А меня заберут. Так что некогда мне с тобой второгодником быть. Сама плохо учишься, так нечего других за собой тянуть, Суркова...

– Щукин, ты можешь помолчать?! Ты мне мешаешь! Тебя чего прорвало?!...

– Нормально! Не дала мне домашку сделать, болтала про свой балет, а оказывается я мешаю, – лицо несправедливо оклеветанного Федьки выражало искреннее негодование. Глаза по-прежнему озорно блестели. Было очевидно, что Федька еле сдерживался, чтобы не заржать. – «О, женщины! Коварство ваше имя!» – вновь блеснул познаниями Федька, процитировав сам не помня где услышанную им фразу из «Гамлета». И уже от себя пафосно добавил, давась от разбиравшего его смеха. – Готовы любого утянуть за собой в бездну...

– Заткнись!!!

– О! Все, началось – из отличницы в отстающие, да еще и сквернословие, грубость, агрессия. Ну пока то ты так «разминаешься», а дальше матерщина, все дела... – «закусив удила» уже просто не мог остановиться Федька. Саша взяла сумку и пошла в противоположный конец коридора, решив что разумнее не препираться с идиотом одноклассником, а просто уйти от него подальше.

Гошка, так и продолжавший оставаться на протяжении уже двух с лишним лет тайным Сашиним воздыхателем, с

хмурым видом навис над ржущим Федькой.

– Гошан, ты че?! – удивленно заморгал Федька.

– Чего достаешь?! – прошипел Гошка.

– Кого?! Чего я сделал-то? Ты про Суркову что ли? Да Суркова сама пристала со своим балетом. Я из-за нее историю не выучил, Гошан, ты чего?...

– Заткнись! – высоченный Гошка склонился к Федькиному лицу. Хмурый взгляд не предвещал ничего хорошего. – Не доставай ее, понял?!

– Чего сразу заткнись-то?! Чего я сделал-то?...

Гошка махнул рукой и пошел к классу. Не бить же дурака, в конце-то концов.

– Да ладно, Гошан, в чем проблема то?! – не унимался Федька. Ссориться с одноклассником ему не хотелось. Гошан, мало того, что на голову выше, так еще и самбист. Он, конечно, не то чтобы любитель позадираться, спортивная этика и все дела, но если что, врезать может. Мало не покажется. А Федька не хотел чтобы ему врезали.

– Чудной!... Подумаешь, пошутить нельзя... Совсем уже... – ворчал Федька, засовывая так и не раскрытую «Историю» обратно в рюкзак, решив что чего зря напрягаться, все равно за оставшееся до звонка время выучить он уже ничего не успеет.

– Эй, Соколова! Соколова! А ты Историю выучила? Если что подскажешь. Да ладно, Соколова! Ты ж не хочешь чтобы мне пару поставили...

Глава 7

Ольга порхала из комнаты в комнату.

– Думаю, всем будет удобно! Места полно. Просто повезло, что я успела его снять еще и за такую цену. Ну, с другой стороны я же умничка-разумничка, – Ольга задорно рассмеялась.

– И скромница, – улыбнулась Екатерина Андреевна. На этот раз она, на самом деле была вполне довольна и дочерью и найденным ею домом. Дом снятый Ольгой на лето, в качестве дачи, был и впрямь очень неплох. Просторный и светлый. И отремонтирован на совесть. Все аккуратно, чисто. Действительно повезло.

– Вера, а тебе как? По моему очень даже неплохо.

– Да, хороший дом, мам. – улыбнулась Вера Сергеевна. – Уютно, хорошо...

Вообще, затея провести лето вместе, «семьей», на даче, у нее особого восторга не вызывала. Она отлично понимала, что мать, оказавшись в непосредственной близости от дочерей на продолжительный срок, будет постоянно наставлять, поучать, вмешиваться во все, потому как она-то как никто другой знает как правильно. Вернее сказать, никто другой вообще не знает как правильно.

Удивительно, что Ольга согласилась на это сомнительное мероприятие. Она-то умела сказать твердое «нет» даже их

матери. Но Ольга выглядела вполне довольной, даже что-то негромко напевала. Вера Сергеевна подошла к большому окну. Вид был красивый. Перед окном была лужайка со сложенным из кирпича очагом и расставленной вокруг него уютной садовой мебелью из ротанга. Дальше за не слишком высоким забором виднелись уходящие вверх стройные сосны с пушистыми кронами. Солнышко радостно сияло с безоблачного ярко голубого неба.

– В этой комнате, Александра, тебе как раз удобно будет заниматься, – оценивающе оглядывая просторный зал с симпатичным эркером, сказала Екатерина Андреевна. – Я уже продумала для тебя программу занятий с оптимальной нагрузкой. Каникулы каникулами, а форму нужно поддерживать. Лениться нельзя...

Вера Сергеевна и Ольга переглянулись. Бедный ребенок! Никогда не имеет возможности расслабиться. И каникулы у нее не каникулы, а сплошная работа, поддержание формы...

Но сам «бедный ребенок», совершенно очевидно, ничего не имел против подобной перспективы времяпровождения.

– Конечно, бабуль. Я прекрасно понимаю, что нужно заниматься и что легко потерять форму, а потом очень сложно восстанавливаться.

– Золотые слова, Александра! – удовлетворенно кивнула Екатерина Андреевна. – Радует, что ты выросла такой ответственной. Всем бы не помешало быть такими.

Старуха одарила обеих дочерей многозначительным взглядом.

«Да, лето будет отличное...» – мысленно простонала Вера Сергеевна. Главное выдержать первые пару недель, а там под благовидным предлогом можно будет сбежать в Москву, хоть ненадолго. Сделать передышку.

– Я, кстати, договорилась с хореографом, которого мне очень удачно порекомендовали прямо перед самым отъездом. – Екатерина Андреевна с гордым видом улыбнулась. – И он согласился два раза в неделю приезжать сюда, чтобы проводить занятия с Александрой. Я-то уже старая стала, теряю навыки...

– Отличная новость! – не без ехидства заметила Ольга. – Не то что ты теряешь навыки, мам, что, уверена, совершеннейшая ерунда. Твоей энергии можно только позавидовать. А вот у Сашки будет целых два наставника. О чем еще можно в пятнадцать лет мечтать в каникулы? Разве только, чтобы еще преподаватель по математике и, скажем, по физике заглядывали сюда, чтобы подучить нашу девочку, а то вдруг чего забудет за лето... Мам! Ну тебе не кажется, что это перебор! Ну пусть Сашка отдохнет летом, как все дети! Ну, нужно заниматься, пусть занимается – ты отличный наставник, с большим опытом. Ну разве этого недостаточно?!

Екатерина Андреевна возмущенно посмотрела на дочь.

– Твое дилетантское мнение совершенно неуместно, – строго сказала она. – Альберт Игоревич прекрасный педагог.

Он в свое время танцевал на лучших сценах Европы. Очень повезло, что он согласился ездить в такую даль и нашел время в своем плотном графике. Он крайне востребован как преподаватель! – Екатерина Андреевна устремила на младшую дочь властный взгляд. – Так что учти, твоей обязанностью будет привозить и отвозить его обратно в дни занятий. Он не водит машину дальние расстояния. Считает это вредным для мускулатуры и связок... Занятия будут проходить по вторникам и четвергам.

–Что?!!! Мам! Ну на кой черт тебе понадобился этот Альфред, как его там дальше? Сашка десять лет в балетной школе отучилась. Сама уже знает все, что нужно делать. И ты прекрасный специалист. Ну зачем еще этот балерун тебе понадобился? Вредно для мускулатуры! Обалдеть! И еще для геморроя очень вредны большие расстояния, наверное тоже боится заработать.

– Что за выражения?! Что за вульгарные манеры?! И нельзя быть такой эгоисткой! Я только что объяснила, что это большое везение, что он вообще дал свое согласие. Исключительно из уважения. У Александры через год экзамен, между прочем! Нужно использовать любую возможность, чтобы как можно лучше подготовиться! И необходимо работать, работать, работать! А ты ничего не смыслишь в этом! ... Все, это не обсуждается! Альберт Игоревич будет заниматься с Александрой, и ты будешь его привозить. Дважды в неделю!

– Да чтоб он провалился этот твой Альфред Игоревич! – крикнула Ольга и кипя от злости быстро вышла из комнаты.

– Ольга!... – крикнула вслед своевольной, непокорной дочери возмущенная до глубины души Екатерина Андреевна. – Ольга!...

«Боже! И часа не прошло, как мы начали наш семейный отдых. И уже началось. Кошмар!...» – мысленно простонала Вера Сергеевна, прикидывая можно ли придумать какую-то уважительную причину чтобы уехать прямо сейчас.

– Невозможный характер! Невозможный!... – глядя на дверь за которой скрылась младшая дочь, возмущенно проворчала Екатерина Андреевна.

Колеса прошуршали по гравиевой дорожке и машина остановилась.

Холеная рука потянулась к ручке на двери машины и слегка надавила на нее.

– Ох, Оленька, Вам нужно непременно заехать в сервис, пусть посмотрят дверь. С ручкой что-то не то. У меня каждый раз потом кисть болит, после того как я пытаюсь ее открыть. А в моей профессии растяжения и повреждения, даже самые незначительные, крайне нежелательны, сами понимаете. Для меня выражение «мое тело мой храм» имеет особый смысл. Буквальный, можно сказать. – Гладкое лицо расплылось в самодовольной улыбке. – Крайне сложно выдержать такое количество занятий, которое мне приходится прово-

дить ежедневно, если что-то не в порядке с какой-либо из частей тела. Я и не водить стараюсь именно поэтому. Кстати, каждый раз прихожу в ужас, когда думаю сколько времени потеряно, чтобы добраться сюда! Кошмар! – Великий учитель сокрушенно покачал головой, демонстративно потирая при этом едва не травмированную тугим дверным запором кисть. – Но я просто никак не мог отказать Екатерине Андреевне. Вот такой я человек. Хоть для меня это и непозволительная роскошь тратить дважды в неделю по полтора часа просто, чтобы добраться до места. Да. -он издал протяжный вздох.

– Альфред Игоревич, я бы поболтала с Вами еще, но мне нужно съездить еще в одно место, – с хмурым видом глядя на не спешащего покинуть салон чрезвычайно занятого пассажира, сказала Ольга.

Великий и крайне востребованный специалист по балету игриво рассмеялся. – Оленька, Вы прелесть. Такая непосредственная и настоящая, без притворства. Мне нравится, когда люди говорят, то что думают. Многие не могут говорить прямо, как есть. Все все, я понял, что Вы заняты. Не у меня же одного крайне ограничено время, у других людей тоже есть свои дела, – продолжая болтать «гуру» балета, наконец «вынул» свой драгоценный храм из салона и направился к дому.

-Ублюдочный, ублюдочный, придурочный, самовлюбленный, болтливый слизняк, – прошипела Ольга, пуская сига-

ретный дым в лобовое стекло. Взглянув на сестру она улыбнулась. – Тебе смешно, а я этого уroda каждый вторник и четверг вожу туда-сюда. И каждый раз, каждый раз, у меня почти непреодолимое желание выкинуть его из машины, к чертям, и может еще и переехать пару раз.

– Ужас!!! – смеясь сказала Вера Сергеевна. – Ты превращаешься в маньячку. А я смотрю, машина стоит, а ты не идешь, решила проверить что тут у тебя случилось.

Легкое летнее платье выгодно подчеркивало стройность фигуры и очень шедший старшей из сестер загар. Она выглядела помолодевшей, посвежевшей и очень привлекательной. Ольга с одобрением оглядела ее стройную фигуру. Наконец-то! На человека стала похожа, а то все чахла, переживала, высохла вся, «потеряла себя». Из-за кого? Из-за ничтожества, променявшего ее на более молодую смазливую мордашку и сиськи. Да, если подумать, то того, кто делает выбор, основываясь на подобных критериях, можно только презирать и даже слегка пожалеть. За убогость мысли и узость и ограниченность чувств.

Подумав о Верном муже, и Сашином отце, оставшемся теперь в прошлом, Ольга вновь вспомнила о еще одном крайне раздражающем ее представителей мужского пола, к сожалению, пока присутствующем в настоящем.

– Сидела в машине, ждала, пока этот уродец с маман общается и уйдет заниматься с Сашкой. Чтоб не видеть, и главное не слышать его хоть до отъезда. И, заодно, специаль-

но три сигареты подряд выкурила, вот теперь четвертую, – покрутив тлеющей в руке сигаретой, злорадно сказала Ольга, – чтобы обожатель себя самого потом три дня в истерике бился по поводу полученной им смертельной дозы вредных веществ. Идиот! Как же он меня бесит!

Вера Сергеевна, смеясь, обняла сестру за плечи.

– Я смотрю, наконец нашелся мужчина, которому удалось произвести на тебя неизгладимое впечатление... Пойдем. Я пирогов напекла.

– О! Хоть что-то в этой жизни есть приятного. А то этого козла еще же обратно везти. – красивые карие глаза озорно блеснули. – Мама, конечно умеет разнообразить жизнь своих близких. Чтобы, не дай Бог, не заскучали. Просто талант!... Вот где она это чудо откопала?! Кто та добрая душа, что со сватала ей это недоразумение?...

Вера Сергеевна звонко рассмеялась. А лето «в семейном кругу» не так плохо. Да и в отличие от сестры ей-то не нужно возить неприятных типов, вызывающих желание выкинуть их из машины.

– Это была грандиозная постановка. Грандиозная! Шарман! Состав труппы был смешанным и мы выступали в паре с французской танцовщицей Элеонор Жирдо. Прекрасная танцовщица. Манефик! Весьма, весьма достойная партнерша. После нашей премьеры газеты писали, что произошло поистине великое событие. Публика была в полном вос-

торге. Постановка была так великолепна, что даже те танцоры, которые были несколько посредственны, благодаря, в том числе и нашему дуэту с Элеонор, выглядели вполне достойно. Это действительно было событие!... Я в следующий раз привезу вырезки из газет. Думаю тебе будет интересно взглянуть, Александра...

– Да, конечно, – Саша улыбнулась преподавателю. Она любила истории связанные с балетом. Правда, истории, которые просто обожал рассказывать именитый преподаватель, в основном были посвящены не столько самому балету, а скорее ему самому. Успеху, которого он достиг, таланту, блистательности, уникальности и тд. Так что уж особенно интересными их назвать было сложно. Но, тем не менее, Саша слушала внимательно. Кое что познавательное в них все же проскальзывало время от времени.

Несколько раз у Саши возникала мысль, которую она старалась тут же прогнать – в чем такой особый смысл занятий с Альбертом Игоревичем? Если час, а то и полтора, из трех, уходят на его нескончаемую болтовню. Под руководством бабушки, занятия были намного более продуктивными на Сашин взгляд.

– А вот в Ла Скала постановка оказалась менее удачной. Но мы с партнершей буквально «вытянули» спектакль. Потом она и все остальные, кто присутствовал при нашем триумфе, восхищалась и благодарила меня. Мне даже предложили контракт, но не все его условия меня устраивали. А вот

теперь я до сих пор думаю, а правильно ли я поступил тогда, не согласившись. – Альберт Игоревич испустил полный страдания вздох. – Но время упущено, как говорится. Остается только сожалеть и разумеется двигаться дальше. Да...

Этот рассказ был еще более скучный, чем все предыдущие сегодняшние рассказы. Саша нетерпеливо посмотрела на часы висевшие на стене напротив нее. Альберт Игоревич обожал говорить об Альберте Игоревиче. И это был какой-то нескончаемый процесс. Тема никогда не надоедала оратору.

– Альберт Игоревич, с чего мне сегодня начать? – робко попыталась настроить хореографа на рабочий лад ученица.

Альберт Игоревич рассеяно взглянул на Сашу.

– Думаю, после того, как ты поработаешь у станка, можно отработать тот отрывок который мы с тобой разучивали в прошлый раз. Насколько я помню я был не слишком доволен твоими арабесками если я не ошибаюсь. Очень много учеников.... Надеюсь ты поработала над тем что я сказал?

Саша кивнула.

– Да, конечно. Каждый день, когда занималась, отработывала по несколько подходов.

– Прекрасно. Прекрасно. Я тоже всегда, когда что-то не очень хорошо получалось, да- да бывало и такое, отработывал и отработывал эти свои промахи, доводя каждое движение до совершенства. Как ювелир, который превращает невзрачный камень в сверкающий бриллиант. Даже коллеги восхищались моим упорством. Талант нужно неустанно

шлифовать.— Альберт Игоревич рассмеялся, очень довольный собой.

Саша кивнула и пошла к станку, пока привыкший шлифовать грани своего таланта, и заодно подробно о нем рассказывать, Альберт Игоревич не пустился в очередные рассуждения или не начал рассказывать новую историю.

— Нет, нет и нет! Екатерина Андреевна, при всем моем уважении, эпоха позднего ренессанса несет в себе некий налет вульгарности. В нем нет эстетики. Слишком много всего, слишком тяжеловесно ... Верочка, а сливки обезжиренные? Если нет, мне не наливайте, тогда лучше коньяк. Две десертных ложки. Я в вопросе касающемся жиров крайне категоричен. Здоровое питание позволяет сохранять себя в хорошей форме. А хорошая форма это бодрость, и долголетие.

— Строите планы на вечную жизнь, Альберт? — с презрительной усмешкой сказала Ольга, демонстративно выливая в свой кофе половину содержимого фарфорового сливочника.

Хореограф театрально замахал руками и рассмеялся.

— Ольга! — негромко шикнула Екатерина Андреевна, метнув на младшую дочь сердитый взгляд.

— Ну что Вы, Екатерина Андреевна, Оленька шутит. Ваша дочь прелесть! Шарман! Стиль и харизматичность. Как у француженок. Такая свобода мысли и естественность поведения. Отрицание условностей... Помню когда мы выступали в Палас Гарнье большинство дам посещавших прие-

мы, устраиваемые после спектаклей как раз были такими «продвинутыми», современными. Острыми на язык. В этом есть особый шарм. Жена тогдашнего замминистра экономики была как раз такой «необузданной» прямолинейной особой. Такая яркая, запоминающаяся женщина, которая не давала никому спуска. Она была без ума от балета. И, надо сказать, в полном восхищении от вашего покорного слуги, – Альфред Игоревич привстав со стула слегка поклонился и игриво рассмеялся, изобразив легкое смущение. – В знак своего, как она сама это называла преклонения перед талантом великого русского танцора, каждое утро она присылала нам свежую клубнику, выращиваемую на ферме, в принадлежавшем ей поместье. И разумеется, шампанское. Настоящее французское шампанское. О этот вкус ни с чем не сравним! Славное время было... Изысканность во всем. Атмосфера. Эти улицы, где каждый камень свидетельствует о величии и подлинном культурном наследии. Обаяние и дух аристократизма. У нас такого нет. Нет. Мы до мозга костей пропитаны азиатчиной. Само понятие изысканности ни в коей мере не сочетается с нашим образом жизни и мышления. Здесь нет утонченности, возвышенности. Мы лишены индивидуальности. Масса. И народ, в большинстве своем, посредственный, серый. Как часто испытываешь неловкость, от понимания принадлежности к этой всеобщей серости, потому что даже бриллиант перестает сиять, если его окунуть в грязь, – Альберт Игоревич сокрушенно покачал головой. На

ухоженном лице отражалось страдание и грусть. – Поэтому такие семьи, как ваша истинная отрада. Редкие оазисы, так сказать, в пустыне невежества и бескультурья. На фоне масс плебеев и неотесанных хамов, те самые бриллианты, которые чудом продолжают сиять... – Альфред Игоревич вздохнул, и прервав свою нескончаемую тираду, взял с большого блюда, стоявшего перед ним, ломтик буженины. Очевидно решив, что количество жиров присутствующих в ней не нанесет непоправимого вреда его здоровью, он положил мясо в свою тарелку. – В таких странах, как Франция, Австрия, да и в Италии, не везде конечно, но в отдельных городах, где культурный уровень на достаточной высоте, и отчасти даже в не столь продвинутой в силу исторических особенностей Испании, чувствуешь себя необыкновенно комфортно. Там есть стиль, европейский шик, без налета пошлости, присутствующего здесь. Мы не умеем быть аристократами. Наше дело лишь пытаться дотянуться до их уровня и по сути быть сырьевым придатком цивилизации. Ни на что большее мы не способны. Нашему обществу, напоминающему, уж если честно, общество дикарей, глядя на тех, кто наделен цивилизованностью, нужно бы учиться у обошедших нас в развитии представителей человечества. Может быть, если приложить достаточно усердия, когда-нибудь мы и приблизились бы к ним в своем развитии. Так нет! Мы ведь даже учиться не хотим. Хватаем все по верхам. Продолжаем оставаться ничтожными и при этом еще и смешными. Словно скачу-

щие мартышки, пытаемся подражать, разумеется практически безрезультатно. И только и знаем, что ноем, какая там жизнь, а почему у нас не так?... Потому и не так! Они достойны такой жизни. Они веками ее создавали. Работали над собой. Это долгий труд, а не то что взял и захотел стать таким и жить также и на тебе, на блюдечке все готовое. Там сама атмосфера буквально пропитана этой многовековой культурой. А мы варвары, потребители, которые способны только брать готовое и рушить то что есть. Ничего не создавая, ожидая, что кто-то возьмет и нас облагодетельствует. Не желаем работать над собой. Бескультурье, настоящая чернуха на каждом шагу, отсутствие наследия, а даже то что и было хоть сколько-то ценного, более менее имеющего право именоваться культурой, мы не сберегли. Все перемололи жерновами кровавой истории. Мы не умеем ценить, не умеем использовать как должно...

Разошедшийся оратор вздрогнул от неожиданности раздавшегося громкого звука.

– Сколько можно, в конце-то концов?! Что за чушь Вы несете?! – гневно сверкая глазами сказала Ольга, прервавшая речь Альфреда Игоревича, стукнув кулаком по деревянной столешнице. Швырнув льняную салфетку на стол, Ольга поднялась со своего места. – Что за невыносимый бред?! Если Вам все здесь так ненавистно, так остались бы там, в прекрасной атмосфере возвышенности и культуры...

– Ольга!... – попыталась «образумить» дочь Екатерина

Андреевна.

Не обращая внимания на ее восклицание, Ольга решительно подошла к застывшему от неожиданности страстному поклоннику европейской культуры и слегка склонилась вперед, глядя сверху вниз потемневшими почти до черноты от охватившего ее гнева глазами.

– Ясное дело, что звук собственного голоса это для Вас величайшая музыка души. И, Бога ради, нравится болтать болтайте. Всегда найдутся те кто будет слушать даже самую несусветную чушь. Но то что Вы говорите о «них» и о «нас», об их величии и нашей отсталости это возмутительно! И как Вы, человек искусства, можете говорить про отсутствие у нас культурного наследия мне, пусть и более далекой от искусства, совершенно непонятно! Если вы действительно так считаете, то получается Вы глупы как пробка. Не знаете собственной культуры и ее величия, намного превосходящего всех, кого Вы тут перечислили. И Вы просто повторяете, как попугай, за теми кто твердит «Европа, Европа! Ах! Америка. Ах, ах! Как там прекрасно!» Я – жена дипломата! Я наблюдала и культурное наследие перевозносимой Вами Европы, И людей, по вашим словам, всех как один исполненных возвышенности и аристократизма уже от того, что они живут «там», в той атмосфере. Это бред!!! Я общалась с самыми разными людьми, побывала на десятках приемов всех уровней, и там где Вам, даже при знакомстве с женой замминистра, уверена, бывать не приходилось. И именно потому, что

я знаю эту жизнь от низов и до самых верхов, я считаю, что Вы и Вам подобные, кто имеет представление только о собственной чистенькой, комфортной богемной жизни, не смеете рассуждать о превосходстве «их» и ничтожестве «нас». А если Вы не дурак, как я сказала, и соображаете о чем говорите, так в таком случае, исходя из Ваших «хвалебных» речей, Вы самовлюбленный негодяй, которого интересует только он сам и никто больше. Для Вас нет ни совести, ни любви к собственной стране, и ни к кому вообще. Имеет значения только чувство личного комфорта. Одно, раздутое до невероятных размеров «Я». И это свое Я вы наделили такой значимостью, которая даже в малой мере не соответствует тому, что есть на самом деле. Жалкий, самовлюбленный надутый индюк! Да, и, кстати, домой Вы сегодня едете на такси. С меня хватит!!!

По натертому до блеска паркету звонко процокали каблукки. Дверь в столовую с шумом захлопнулась и в комнате воцарилась полнейшая тишина. Первой в себя пришла Екатерина Андреевна.

– О! Эээ... Альфред Игоревич, должна принести извинения за резкость и эмоциональность высказываний...

Застывший с выпученными глазами и приоткрытым ртом хореограф издал хрюкающий звук и несколько раз моргнул. Щеки у него пылали.

– Я... Эээ... ммм... Знаете ли... – оскорбленный гость прокашлялся. – Екатерина Андреевна, думаю, Вы понимаете, что дальнейшее мое пребывание здесь не представляет

ся возможным. Я... Мне... Гм... Ни разу в жизни никто не позволял себе подобного поведения в отношении меня. Да... кто бы мог подумать... в такой семье.

Хореограф поднялся и удостоив Екатерину Андреевну снисходительно-сострадавательным взглядом великодушно заявил:

– Не вините себя, Екатерина Андреевна, это не ваша вина. Я ни в коем случае...

– А я и не виню себя, Альберт Игоревич, – неожиданно спокойным полным достоинства голосом, прервала его старуха. Она еще сильнее выпрямила безупречную спину, над которой был не властен даже возраст, и еще более гордо вскинула голову. – Моя дочь была груба. Грубость недопустима и не имеет оправдания, я всегда придерживалась в этом отношении такого мнения. Но по сути сказанного она абсолютно права. И я горжусь, что моя дочь имеет смелость, говорить правду. Мною, как матерью был упущен в воспитании вопрос с вежливостью, но как человека и гражданина я воспитала дочь правильно.

– А... Это... Гхм... – хореограф вновь прокашлялся. – Прошу вызвать мне такси... Я подожду снаружи.

С оскорбленным видом Альберт Игоревич прошествовал к выходу.

– Мама! – Вера Сергеевна, все это время пребывавшая в некотором шоке от происходящего, смотрела на мать с нескрываемым восхищением. Екатерина Андреевна величе-

ственно посмотрела на дочь.

– Так ему! Молодец Олька! – с чувством сказала она.

Вера Сергеевна засмеялась.

– Мам, я вами обеими горжусь. Вы настоящие героини.

– Да уж, героини! Я боялась Ольга не ограничится словами и драться полезет... – засмеялась Екатерина Андреевна. – Она может...

Вера Сергеевна залилась звонким смехом.

– Ольга точно может!

Саша, при произошедшем во время обеда инциденте, не присутствовала. После урока танца с изгнанным, теперь уже, грозной теткой преподавателем, Саша ушла на день рождения к одному из местных подростков. С которыми, несмотря на довольно небольшое количество свободного времени, все же успела сдружиться. Все та же Ольга твердо настояла чтобы племянница ходила ежедневно купаться на речку «как все нормальные дети» и хоть ненадолго выходила на прогулки по вечерам. Ребята, жившие по соседству с их домом, оказались вполне симпатичные, и молодежь быстро нашла общий язык.

Узнав, по возвращении домой, новость о том что именитый Альберт Игоревич, так превозносимый Екатериной Андреевной, больше ее учить не будет, Саша была крайне удивлена. Особенно потому, что ни бабушка, ни и уж тем более мать с теткой этим событием явно не были расстроены.

Подробности произошедшего родственницы предпочли не разглашать. Вместе с удивлением, Саша, к некоторому своему смущению, испытала и чувство радости. Она обожала балет. И готова была терпеть злобную Гиеновну. Которая беспрестанно тиранила своих воспитанниц, но, в то же время, действительно их учила, совершенствовала умения, оттачивала мастерство. Саша готова была терпеть и манерного, самовлюбленного до невозможности, и вследствие этого, не слишком приятного Альберта Игоревича. Но ни капли сожаления от того, что он больше не будет ее обучать не было. Саша старалась не думать об этом, но все же ей каждый раз казалось, что на самом деле, большую часть времени их занятий хореограф рассуждает о себе, о собственных заслугах, достижениях. О том как он был великолепен, гениален, как его принимали, восхищались им. Ему как будто было вообще все равно насколько его ученица повысит свой уровень, улучшит технику и так далее. Ученица в принципе его не интересовала. Альберту Игоревичу был интересен исключительно сам Альберт Игоревич. Все прочее было чем-то незначительным, составляющим скорее общий фон, который подчеркивал его великолепие, его неповторимость и неотразимость «Мастера».

– Не расстраивайся Сашка, вы с бабушкой отличная команда, – попыталась подбодрить племянницу «главная виновница» произошедшей «утраты».

Саша улыбнулась.

– Да я не расстраиваюсь. Честно... – Оглядевшись, нет ли где-то поблизости бабушки она негромко добавила:

– Мне кажется, что Альберт Игоревич не совсем такой уж замечательный преподаватель, каким считала его бабуля. Правда. Я, честно говоря, ничего нового не узнала и не научилась ничему чего бы не умела или не знала уже до этого. – Саша еще немного понизила голос. – И вообще он немного противный. Только бабушку не расстраивайте, ладно? Не говорите ей.

Ольга ухмыльнулась. Вера Сергеевна, пристроившаяся рядом с сестрой на диване в гостиной, где и происходил разговор, спрятала улыбку.

– Не переживай, не будем расстраивать, – пообещала Ольга. И кровожадно ухмыльнувшись, добавила. – Надо было его все таки переехать.

Вера Сергеевна залилась звонким счастливым смехом. Давно она уже не чувствовала себя так хорошо и легко. Лето оказалось совсем не таким плохим как она предполагала.

– Пойдемте в беседку чай пить, – продолжая смеяться, предложила она. – Вечер замечательный!

– Пойдемте, – Ольга улыбнулась. – И чего покрепче нужно прихватить. Отметить мое вызволение из рабства по вторникам и четвергам. – Она подмигнула и тоже рассмеялась. Обе сестры хохотали, пока из глаз не покатались слезы. Саша с радостным удивлением наблюдала за ними. Какое прекрас-

ное лето! И какая прекрасная жизнь!

Часть 3 «Боже, какой мужчина!»

Глава 1

2010г. Москва

– Сашка, где тебя носит?! Нам сейчас выходить! – со смехом набросился Денис на раскрасневшуюся от волнения и быстрой ходьбы Сашу. На улыбающемся счастливом лице было отчетливо заметно сильное волнение. Это самый важный момент в их жизни. Они столько лет шли к своей мечте!

– Я балетку потеряла, никак не могла найти, – рассмеялась Саша. Глаза ее сияли от счастья.

– Эх ты, растяпа! – Денис притянул ее к себе и поцеловал в губы. – Санька!... Представляешь, это тот самый момент! Это начало той жизни о которой мы мечтали! Сашка, через месяц мы уже будем танцевать на парижской сцене. Представляешь! – Он сжал ее руку и Саша радостно смеясь ответила на это прикосновение, обхватив его ладонь тонкими пальцами.

– Я так счастлива, – прошептала она, задыхаясь от нежности, счастья, волнения...

– Я тоже... Пошли, наш выход...

Он быстро повел ее за собой. Саше казалось, что она слышит как стучит его сердце. Хотя, может это ее собственное

сердце стучало так громко.

Она не видела лиц собравшихся в зале. Все сливалось перед глазами превращаясь в ослепительный свет, заполнивший собой все вокруг. Заиграла музыка и они полетели, закружились в вихре. Ничего не осталось, кроме музыки и сияющего прекрасного света. Счастье, вот что такое счастье, крутилось в голове снова и снова.

– Боже мой! Боже мой! – кланяясь восторженной, неистово аплодирующей публике, повторяла Саша. По щекам катились слезы. Она взглянула на Дениса. Его щеки тоже были мокрыми. Настолько сильные эмоции невозможно держать внутри. Их нужен выход. Они переполняли до краев, доставляя радость и вместе с тем причиняя боль. Это была непередаваемая гамма чувств. Невероятная, волшебная и скорее всего неповторимая.

– Санька!... Саня!...

– Bravo!!! Bravo!!!... – доносилось из зала.

– Боже мой! – в очередной раз повторила Саша. – Мне кажется я сейчас умру!...

– С ума сошла? Нашла время умирать, – смеясь сказал Денис, склоняясь вместе с ней в очередном поклоне. – Мы еще должны покорить Париж.

Саша засмеялась, крепче сжимая сильную, влажную от волнения и физического напряжения во время недавнего танца руку.

– Сашка, это было офигенно! Я балет не люблю, но это было что-то невероятное! – обнимая племянницу, радостно сказала Ольга, даже подпрыгивая от возбуждения. – Я как в фильме «Красотка» чуть не описалась.

– Ольга! – возмутилась Екатерина Андреевна. Ну, что за наказание?! Такой момент, а она снова со своими вульгарными шуточками.

– Александра... – голос бабушки дрогнул. – Это было очень достойно. Молодцы!

Подобную похвалу из уст бывшей балерины, являвшейся строжайшим критиком, можно было считать наивысшей оценкой. Саша прижала ладони к лицу. Из глаз снова полились слезы.

– Спасибо! Спасибо, бабуль! Спасибо вам всем! Я... я так счастлива!

Она засмеялась и заплакала одновременно. Вера Сергеевна обняла дочь.

– Это было прекрасно! Невероятно, Оля права. Я горжусь тобой. Вами... – материнская рука с нежностью гладила дочь по аккуратно уложенной голове, успокаивая, подбадривая, одаривая теплом и любовью.

– Ну что, теперь в ресторан? – оглядывая взбудораженных, возбужденных происходящим родственниц бодро сказала Ольга.

– Банкет должен начаться через час. Сейчас будет по-

здравление от руководства академии, – ответила немного успокоившаяся Саша. Ольга скорчила кислую мину.

– Ну да, а то как же вы покинете академию без этой вот административной скукоты.

– Ольга! – в очередной раз шикнула на дочь Екатерина Андреевна. – Что ты за человек?

Ольга изумленно приподняла брови. В карих глазах прыгали озорные чертики.

– Александра, надеюсь ты не обижаешься на меня. Я с вами в ресторан не поеду. Устала, старая совсем становлюсь, – сказала Екатерина Андреевна. – Да вам без меня веселее будет. Я все время ворчу.

Она улыбнулась.

– Ну что ты такое говоришь, бабуль? – Саша обняла бабушку и поцеловала прохладную морщинистую щеку. – Если ты устала, конечно не нужно ехать. Конечно я не обижусь.

Екатерина Андреевна похлопала маленькую руку, обнимающую ее.

– Я горжусь тобой! Ты своим трудом, своим упорством добилась того о чем мечтала. И это твоя заслуга, твоя победа. Я уверена, что тебя ждет успех, которого ты достойна. У тебя есть талант, есть упорство и большая сила духа, без которых только один талант ничего не значит.

Саша прижалась к своей всегда строгой и требовательной бабушке, обвив ее руками, как в детстве.

– Спасибо, бабуль. – растроганно сказала она. – И спасибо тебе, что подарила мне балет! Подарила мне мечту и цель.

Глаза старухи увлажнились и она судорожно вздохнула.

– Ты тоже подарила мне балет, моя дорогая. Подарила частичку моей молодости и я будто заново ее прожила.

– Девочки, сейчас даже я уже заплачу, – сказала Ольга смеясь, но глаза ее и впрямь подозрительно блестели. – Все, прекращайте! Сегодня такой прекрасный день! В такие дни нельзя грустить, они предназначены для праздника, для веселья.

Екатерина Андреевна засмеялась.

– Тот редкий случай, когда ты говоришь что-то разумное.

– Я постепенно набираюсь ума, мам, – засмеялась Ольга.

– Девочки, я тоже с вами не поеду. – Сказала Вера Сергеевна, беря Екатерину Андреевну под руку. – Отвезу маму домой. В ресторан мне не очень хочется. Шум, суета. А вы повеселитесь. А мы, мамуль с тобой сейчас коньячка тятнем, съедим чего-нибудь вкусенького.

– Ну, тоже неплохо, – улыбнулась Ольга. – Смотрите только не переборщите с коньячком.

Ольга огляделась по сторонам.

– А твой танцевальный мальчик с нами поедет?

Саша покачала головой.

– Нет, Денис поедет с родителями, а в ресторане встретимся. Мы договорились.

– Ну, раз все обо всем договорились, поехали.

Саша радостно улыбнулась.

– Боже, мне все еще не верится!!!

– Все, поехали, а то сейчас снова начнется всякая сентиментальщина, – скомандовала Ольга.

Машина быстро летела по свободному в этот поздний час шоссе. За окном мелькали огоньки, которыми был наполнен большой город. Ольга с улыбкой смотрела перед собой, следя за дорогой. При всей своей нелюбви к балету она была страшно рада и горда за племянницу. Какое упорство, и, как правильно мать сказала, необычайная сила духа. Она ведь сама, по своей воле ежедневно ходила на эти изматывающие занятия. Стремилась к постоянному совершенствованию. Сама шла к своей цели, будучи ребенком... Из-за поворота навстречу им выскочила машина. Ослепляющий свет фар ударил в глаза. Проклиная идиота, включавшего «дальний свет», Ольга хотела сбросить скорость. Она так и не поняла как все произошло за какую-то долю секунды. Удар пришелся «лоб в лоб». Машину, в которой ехали Ольга с Сашей подбросило и с силой швырнуло под откос.

– Сашка!... Теряя сознание крикнула Ольга так громко как только могла.

Глава 2

– Я никогда себе этого не прощу. Я понимаю, что от этого тебе не легче...

Ольга закрыла лицо руками пытаясь справиться с переполнявшими ее эмоциями.

– Ты ни в чем не виновата, – голос у Саши был застывший и безжизненный.

– Сашка!... Поговори со мной... – чуть слышно прошептала тетка. – Просто поговори.

– О чем?

– О чем хочешь. Только поговори. Не держи все в себе.

По гладкой щеке скатилась слеза. Ольга уже даже не помнила, когда она плакала в последний раз. Может никогда?

– Оль, я не хочу разговаривать. Просто не хочу... Ты ни в чем не виновата. Не вини себя сама. Это тот водитель налетел на нас. Сказали, что он был сильно пьян... Ты тут ни при чем.

Ольга печально кивнула. Виноват водитель, который сел пьяным за руль и врезался в них. Но ей от этого почему-то все равно не легче. Почему-то она чувствует и свою вину.

После Ольгиного ухода, Саша прикрыла глаза. Ей ничего не хотелось. Хотелось просто перестать жить. Вот и все. Она скосила глаза и посмотрела на приподнятую на растяжке но-

гу в гипсовой повязке.

Вот и все. Прощай балет. Прощай парижская сцена. Прощай мечта и вся прежняя жизнь. Ничего не осталось... просто потому, что совершенно незнакомый человек выпил лишнего и сел за руль своей машины. Так глупо...

Черты утонченного аскетичного лица напряжены. На бледных щеках выступили желваки. Взгляд серо-голубых глаз отсутствующий. Линия красивого чувственного рта изогнулась в гримасе страдания и недовольства. Саша разглядывала лицо, каждую черточку которого она знала до мелочей и видела перед собой незнакомца.

– Ты же понимаешь, что я не могу не поехать! Такой шанс бывает раз в жизни. Ты должна это понимать... – Денис потерзал на стуле. Он, совершенно очевидно, чувствует себя «не в своей тарелке». Ему неловко, этот разговор неприятен для него, дается мучительно, с трудом. В какой-то степени, он даже чувствует себя обиженным. Почему когда все так хорошо, должно было произойти что-то подобное?! Он, кстати, тоже пострадавшая сторона. И эгоизм тут ни при чем. Совершенно ни при чем. Он много лет работал, доводил себя до изнеможения. Трудился как проклятый, пока его сверстники развлекались, пили пиво, встречались с девушками. Он работал. Он проявлял упорство и настойчивость, делал шаг за шагом и вот, наконец он у цели. И что теперь? Отказаться от всего? Глупо, да и чем это поможет? Две загубленные ка-

рьеры вместо одной. Кому будет легче от подобной жертвы? Ему, между прочим, теперь тоже придется снова проходить через определенные трудности. Почти два года они танцевали в паре. Они привыкли, они чувствовали друг друга. Были командой. Теперь придется заново привыкать, «притираться» к кому-то другому, с кем нет слаженности, понимания с полувзгляда. Конечно, в предстоящей карьере такое, в любом случае, будет происходить не раз. Но сейчас он в начале пути. Сейчас самый сложный момент. И дополнительные трудности именно сейчас очень-очень не к стати...

– Ну не смотри так! Ты же понимаешь, что я тут ни в чем не виноват...

– Я тебя не виню, – ровным голосом сказала Саша. Денис почувствовал раздражение. Ну почему все так? Чем он-то в самом деле виноват. Коварство судьбы, несчастный случай, стечение обстоятельств. И так случилось, что именно сейчас... несправедливо, ужасно. Но его вины в этом нет! Почему она ждет, что он должен отказаться от всего? Она ведь ждет. Наверняка. Но ведь должна же она понимать что это несправедливо по отношению к нему! Это даже некрасиво!...

– Ну если по честному, ты бы тоже поехала. – Денис уперся взглядом в сложенные на коленях руки. Ему хотелось просто убежать. Не продолжать этот тягостный разговор. Все кончено. Она должна это понять... Он чувствовал что ему не хватает кислорода в этой больничной палате, стерильная

обстановка которой словно тоже обвиняла его. Его вины нет! Нет его вины в случившемся! Нет! Нет!

– Когда ты восстановишься, уверен, французы с радостью предложат подписать новый контракт. Ты так очаровала их... И тогда как мы и хотели, снова будем танцевать вместе...

Губы Саши дрогнули в едва заметной насмешливой улыбке.

– У меня множественный разрыв связок и сложный перелом голеностопного сустава. И колено раздроблено. Я уже никогда не буду танцевать и ты об этом знаешь. – без какого-либо выражения сказала она.

Денис встал.

– Саш, ну что я должен сделать по твоему? Не ехать?! Чем поможет то, что и моя карьера не состоится?... – он осекся. – Извини... Я не хотел, правда...

Саша пожала плечами.

– Да все нормально. Что ты такого сказал? Так и есть. Моя карьера закончилась не начавшись...

Этот безучастный голос и взгляд «без выражения», словно потухший, выводили его из равновесия. Почему он должен чувствовать себя подлецом и предателем?... Уж лучше бы она кричала, обвиняла, закатила истерику. Он бы мог защищаться. Отвечать на агрессию агрессией. А сейчас – она великомученица, а он подлец. Ну что за бред.

– Саша, ты бы поступила точно также! Поехала бы. По-

тому что это была твоя мечта... Прости... просто пытаюсь объяснить. И, кстати я бы понял тебя. И не обвинял...

– Денис! Я ни в чем тебя не обвиняю. Разумеется, ты должен ехать... Я устала. Хочу отдохнуть...

– Да, да, конечно, отдыхай... я еще зайду... перед отъездом... – засуетился Денис, испытывая невероятное облегчение что «долг чести» выполнен и можно уходить.

Саша покачала головой.

– Не нужно приходить... У тебя дел много перед отъездом...

– Ммм... да, дел много, точно, но если получится обязательно зайду... – затараторил он направляясь к двери. – Пока... не грусти...

Дверь палаты закрылась. Саша смотрела на нее неподвижным пустым взглядом. Все. Все кончено.

– Я бы не поехала, – прошептала она.

Москва 2007г.

– Видели новенького? – поправляя балетку спросила Лида Скорохватова.

– Хорошенький, – улыбнулась Тоня Дьяченко, стараясь справиться с непослушными прядями, выбивающимися из затянутого на затылке пучка.

– А, этот, с периферии. Про которого Раз-Два-Триз говорил, – Женя Сикорская придиричиво оглядела себя в зеркало, презрительно изогнув пухлые губки. – Он из Кемеровского

филиала перевелся. Ясное дело, в Москве-то лучше...

Женя фыркнула и вполне удовлетворенная своим внешним видом, отошла от зеркала.

– Ой, да все они хорошенькие, только толку-то... – протянула Юля Быкова многозначительно ухмыльнувшись.

– Во-во, – подтвердила Аня Воробьева, самая «тяжеловесная» из всех будущих балерин. Из-за слишком высокого роста метр восемьдесят два, ее еле еле приняли в академию и мужчины танцовщики всячески старались избегать оказаться в паре с ней.

Саша слушала болтовню сокурсниц в полуха. Она мысленно повторяла свой выход. Сегодня Раз-Два-Трис, их преподаватель техники танца обещал устроить очередной «генеральный просмотр». Он был не менее придирчив и деспотичен по отношению к технике исполнения, чем оставшаяся в прошлом Гиеновна. И получить его одобрение было чем-то из области нереального. Старик всегда обязательно находил к чему придраться. Но как педагог, несомненно, он был очень очень талантлив. Саша чувствовала, что за два года в академии ее мастерство не просто возросло, а вышло на новый уровень.

– Девочки, девочки!... Давайте, давайте, не тяните время!... – нетерпеливо прикрикнул из-за двери раздевалки строгий преподаватель. Тонкие фигурки словно стайка птиц устремились к выходу. Старик не любил ждать.

Новенький, высокий светловолосый юноша и впрямь был очень хорош собой. Юные балерины строили глазки, улыбались, хихикали, за спиной, как обычно пребывающего в раздражении Раз-Два-Триса.

– Прежде чем мы начнем, хочу представить вам нового «коллегу», – старик кивком головы указал на симпатичного блондина. – Денис Ермолин, прошу любить и жаловать... А теперь начнем... Прохорова!...

Девушки уже привыкшие к такому «резкому» началу, посерьезнели, собрались, готовясь что преподаватель в любой момент может вызвать любую из них.

Катя Прохорова прошла на середину танцевального класса и заняла нужную позицию. Зазвучала музыка. Стройное тело девушки пришло в движение, превращая это движение в волшебство.

– Раз-Два-Трис сегодня прямо сам на себя не похож, – смеясь сказала Лида входя в раздевалку. Щеки у нее покраснелись. Глаза блестели озорным задором. – Мало того что не разнес всех в пух и прах, так даже похвалил в кои-то веки кого-то. А новенький правда очень даже ничего. И двигается, прямо оргазм можно получить.

Лида захохотала. Остальные девушки тоже засмеялись.

– Ты, Скорохватова, просто озабоченная маньячка, – смеясь сказала Тоня Быкова. – Нужно предупредить этого Дениса, что ты наметила его как сексуальный объект, чтобы был

поосторожнее.

– Ой, да ладно, пусть живет, – захохотала Лида. – Мне кого побрутальней. Мальчишки танцоры они очень изнеженные, тонкочувствующие натуры. Мужик должен быть мужиком. Чтоб прямо сгреб тебя своими ручищами...

– Скорохватова, прекрати развратница несчастная, – Тоня со смехом кинула в подругу балеткой. Лида ловко увернулась и балетка отлетела в Катю.

– Прекратите обе, – шикнула та, запуская балеткой обратно в ее хозяйку.

– Дурдом... – закатила глаза Женя Сикорская. Все никак не наиграются. Здоровые, а бестолковые. Закинув сумку на плечо она с гордым видом красивой походкой танцовщицы пошла к выходу.

– Пока, – бросила девушка подругам равнодушно.

– Пока-пока, – ответила Аня, скорчив гримасу вслед Жене. – Прямо бесит! Нос выше головы вечно задирает, сучка...

– Быкова, что за слова! Как ты выражаешься. Фу, как грубо! – снова зашлась от смеха Лида.

– Заткнись! – огрызнулась Аня. – Эта дура достала. Все ниже нее. Королева нашлась.

Перед ежегодным новогодним выступлением не только Раз-Два-Трис, но и остальные преподаватели гоняли студентов сильнее обычного.

Во время импровизированной репетиции на занятии по хореографии преподавательница Зоя Александровна объявила, что Саша будет танцевать в паре с новеньким Денисом. Она вообще считала, что из всей группы можно оставить только Суркову, Ермолина и еще пару девушек, у которых так или иначе есть какие-то способности. Остальных можно смело разогнать. Их потолок – подтанцовка. И то далеко не все и для этого сгодятся. Вслух, разумеется, интеллигентнейшая утонченная Зоя Александровна свои мысли не высказывала. И даже старалась не выделять как-то уж слишком способных. Мир балета, как ей было прекрасно известно из собственного почти двадцатилетнего опыта, это еще то змеиное гнездо. Зависть, ненависть к успешным, более талантливым. Даже попытки как-то навредить, пусть не физически, но с помощью вандализма или психологической травмы.

Саша ощущала тепло и силу сжимавших ее при поддержках рук партнера. Они сразу «подошли» друг другу, синхронизировались, двигаясь как одно целое, как будто танцевали вместе не в первые а уже долгое время.

– Ты знаешь, что ты самая талантливая из всех девочек? – улыбаясь спросил Денис, кружа ее после очередной поддержки. Саша засмеялась. – А знаешь, что самая красивая?

Его лицо обрамленное золотистыми кудрями склонилось к ней совсем близко. Слегка задержав поддержку он добавил

– Как только ты вошла в зал тогда, в мой первый день здесь, я влюбился.

Саша почувствовала, что воздух перестал поступать в легкие. Она сбилась с ритма и сделала ошибку в последовательности движений. Но впервые в жизни ее это не волновало.

– А потом? Что будет потом? – с улыбкой спросила она. Денис засмеялся.

– Мы поженимся. И всегда будем вместе. Чтобы ни случилось.

Она засмеялась и прижалась к широкой груди. Его кожа приятно пахла. Ей нравился его запах. Саша нежно провела рукой и приложила ее к его сердцу. Его стук напоминал ей ритм, отбиваемый барабанами. словно создавая настрой к решительным действиям.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Лицо у Дениса было бледное и расстроенное. Саша попыталась заглянуть ему в глаза, но он отвел взгляд.

– Послушай, ну это же не конец света, – мягко сказала она. Денис сердито дернул головой.

– Да, конечно. Просто столько готовились и все зря...

– Ну это же не навсегда. Врач сказал, что повреждение незначительное. Уже через месяц можно будет танцевать.

– Месяц! Саш, ты сама знаешь, что такое месяц перерыва! Потом, считай, чуть ли ни с нуля нужно будет все навер-

стывать.

Саша нежно улыбнулась.

– Не преувеличивай. У тебя такой высокий уровень...

– Ну не с нуля, – раздраженно перебил он. Вид у него был обиженный. – И выступление накрылось. Столько готовились...

Он наконец посмотрел на нее.

– Кстати, ты не сказала кого тебе дали в пару вместо меня.

Саша засмеялась.

– Никого. Я отказалась выступать. – она погладила щеку с едва заметной светлой колючей щетинкой. – Подожду тебя. В следующий раз будем выступать вместе.

Он удивленно смотрел на нее, губы тронула недоверчивая улыбка.

– С ума сошла?! Ты же так хотела там выступить. Столько сил потратила... Не нужно было отказываться.

Она пожала плечами.

– Мы договорились всегда быть вместе. Я решила, что так будет правильнее.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

– Я люблю тебя... Мы никогда-никогда не расстанемся. Спасибо...

Саша почувствовала как от счастья перехватывает дыхание. У них будет еще много выступлений. Главное, что они вместе...

– Сашка, привет!

Отец подошел к кровати и сел на стул напротив нее.

– Я... Мне очень жаль...

– Мне тоже, – безучастно сказала Саша.

– Я не смог прилететь на выпускной. Прости... я очень хотел, но не получилось...

–Ничего страшного...

Отец помолчал. Не зная что еще сказать. Что сказать дочери, которая так и не простила его. И не желает с ним общаться. И у которой только что рухнула вся ее, едва начавшаяся жизнь. Он почувствовал, что сейчас заплачет.

– Саша, прости меня, пожалуйста. За все...

Он взял тонкую, кажущуюся очень хрупкой почти невестомую руку и поднес к губам.

– Прости, если можешь. Я такой идиот...

– Пап, не нужно. Я давно простила. – Все тем же бесцветным голосом сказала Саша.

– Наверное, я сам себя не простил, – сказал отец. Сердце разрывалось от тоски и нежности. Так хотелось вернуть время назад. Изменить, исправить...

– Саш, послушай. Ты всегда отказываешься, когда я предлагаю помощь, но если тебе что-то нужно. Если нужна любая помощь, я все сделаю. Пожалуйста, скажи если будет нужно, ладно? – он почти умоляюще смотрел на нее.

– Хорошо, пап. Если будет нужно, я скажу...

– Отлично. Отлично... Я прилетел на два дня, работа...

Но когда тебя выпишут, думаю, прилечу как раз недели на две. Надеюсь, мы проведем побольше времени вместе. Если ты не возражаешь...

Сашины губы тронула слабая улыбка.

– Я не возражаю, пап.

– Хорошо...

Глава 3

– Ну, все, Александра, отпускаю тебя на волю, – улыбаясь сказал доктор, протягивая Саше документы на выписку. – Ты была моей любимой пациенткой.

Врач засмеялся. Усталое лицо приобрело задорное выражение, делающее его гораздо моложе.

– Ты никогда не капризничала, не выискивала у себя несуществующие симптомы, как обожают делать многие пациенты, и выполняла все предписания. Такой пациент отрада для лечащего врача.

Саша улыбнулась.

– Спасибо Вам, Андрей Владимирович! Вы замечательный врач. И человек.

– Ой, смотри, Александра, я ведь сейчас передумаю и оставлю тебя здесь, – смеясь сказал Андрей Владимирович. Он взглянул на Веру Сергеевну.

– Не переживайте. Дела обстоят прекрасно – молодой организм, хорошо натренированные мышцы. Процесс выздоровления идет быстрее, чем во многих других подобных случаях. К тому же Саша очень дисциплинированный и целеустремленный человек. Пока другие лежат и ждут когда же все само собой заживет, она себе активно в этом помогает – делает упражнения, не дает поблажки сдавшему сбой телу. Молодчина. Даже иногда приходилось сдерживать ее пыл,

чтобы не переусердствовала. – Доктор весело подмигнул.

– Спасибо Вам, – растроганно сказала Вера Сергеевна. – Саше очень повезло с Вами. Вы действительно замечательный врач.

– Вы, милые дамы, совсем меня захвалили. Желаю вам всего наилучшего. Не болейте. Не создавайте нам еще больше работы, нам ее и так хватает.

Посерьёзнев Андрей Владимирович добавил:

– Рекомендую в обязательном порядке массаж. Только, разумеется, у хорошего, знающего свое дело массажиста, а не у какогонибудь шарлатана. Лечебную физкультуру не рекомендую, потому что Александра сама прекрасно справляется с этой задачей. Главное не увлекайся! Через месяц жду на консультацию. Но уверен, что ничего неожиданного или неприятного я не обнаружу, а лишь положительные результаты. Все действительно хорошо. Ну, а теперь домой. Нечего тут в больничной скукоте делать такой юной, энергичной, полной сил особе.

– Такой замечательный человек, – с улыбкой провозжая взглядом врача, сказала Вера Сергеевна. Она посмотрела на дочь. – Я так рада, что ты, наконец вернешься домой.

Саша улыбнулась.

– Я тоже рада.

– Саша, – Вера Сергеевна подошла к дочери и заглянула в глаза. – Жизнь не заканчивается ни на чем. Чтобы судь-

ба нам не послала, жизнь всегда продолжается. Кто-то, кто послабее, просто опускает руки, перестает бороться... перестает чувствовать себя живым. Потому что не хочет или не может найти в себе силы справиться. Но ты не такая. Твоей силе духа, твоему упорству можно позавидовать. Я знаю, как ты долго шла к цели. Как ты этого хотела... Жизнь не дала тебе осуществить мечту полностью. Но это не значит, что все кончено и ничего нет впереди. Все только начинается. Все всегда только начинается. – Вера Сергеевна улыбнулась и обняла дочь.

– Я знаю, мам. Правда. Просто теперь будет новая мечта. – Саша рассмеялась. – Правда я пока еще не знаю какая.

– Главное, что ты знаешь, что она будет... Пойдем, дома ждут бабушка с Ольгой. У нас сегодня праздничный обед, в честь твоего возвращения.

Саша засмеялась.

– Неужели бабуля с Ольгой сами готовят? Может сказать, что я на строгой диете?

Мать тоже рассмеялась.

– Идешь по Ольгиным стопам В плане шуточек?... Нет. Готовила я, они только накрывают на стол. И я рада, что к тебе вернулось чувство юмора.

Она взяла Сашину руку в свою.

– Ольга очень переживала. Мы все переживали. Но она винит себя... Я, когда все произошло, на эмоциях накричала на нее. Потом извинялась. Я была не права. Теперь мне

стыдно за свою несдержанность... Ольга даже за руль после аварии ни разу не села. Говорит нужно отойти от всего этого. Владик прилетал из Германии. Уговаривал ее поехать с ним. Она отказалась... В общем, я за нее тоже переживаю...

– Она ни в чем не виновата. У меня даже мысли не было винить ее. Я сразу ей об этом сказала. – Саша задумчиво смотрела перед собой. – Но, думаю, я понимаю, что она чувствует. Это стресс. Надеюсь это пройдет. Она очень сильная наша Ольга.

Вера Сергеевна кивнула.

– А бабуля? – Саша взглянула на мать с некоторой обеспокоенностью. – Она наверное очень... разочарована?...

Вера Сергеевна вздохнула.

– Больше всего она беспокоилась за тебя. Сказала, Бог с ним с балетом, лишь бы с тобой все было хорошо. Она очень тебя любит, ты ведь знаешь. Мы все тебя очень любим...

Саша обняла мать. К горлу подступил комок. Она сделала над собой усилие чтобы не расплакаться.

– Я вас тоже всех очень люблю, мамуль.

– Еще салата положить? – уже готовясь наполнить тарелку дочери очередной порцией еды спросила Вера Сергеевна.

– Верка, ты хочешь чтобы ее теперь с несварением в больницу увезли? Угомонись! Вера Сергеевна одарила Ольгу укоризненным взглядом.

– Она целый месяц питалась пустым бульоном и разва-

ренными овощами. Ей нужно нормальное человеческое питание.

– Мам, я правда наелась. Все очень вкусно, но я больше не могу. Сейчас лопну.

– Мама, а тебе положить еще чего-нибудь? – не унималась Вера Сергеевна. Ей хотелось чтобы все были довольны в такой замечательный день. И сыты...

Екатерина Андреевна покачала головой.

– Нет, сколько можно есть? – Она улыбнулась. – Вы знаете, а я стала ходить в церковь. Пришла к богу в самом конце жизни...

– Мам, ну какой конец жизни? Ты у нас такая энергичная. Человек стареет когда останавливается на месте и не видит смысла двигаться вперед. Теряет интерес. Ты не такая. – Ольга улыбнулась. – а то что ты ходишь в церковь прекрасно. По нынешним временам, наверное там единственное место, где нет всего этого лицемерия, борьбы за место под солнцем.

Екатерина Андреевна покачала головой.

– Я сначала ходила в храм у себя на Маяковской. Пару раз на службу приходили такие разодетые, важные «новые хозяйки жизни». С сопровождением. Золотые кресты в половину груди, лица абсолютно далекие от духовности. Всех остальных приходан в стороны. Видно считают, что чем ближе к алтарю, тем больше благословения можно получить.

– Да, уж, – сказала Ольга возмущенно. – А батюшка что же? Ничего на это не говорил, что его прихожан в Божьем

храме к стенам оттирают?

– Батюшка очень радовался щедрым пожертвованиям. Благодарил, хвалил какие добрые христиане жертвователи.

– Ох, живем в безумном мире. Всем заправляют деньги...
– Серdito покачала головой Ольга.

– После этого я стала ездить в небольшой храм, на Соколе. Там все скромно, толстосумов нет. И батюшка мне нравится. Служит богу, а не тем кто денег побольше даст. И сам помогает тем кто нуждается. С помощью прихожан опекает детей из семей нуждающихся.

– Молодец. Нужно мне вместе с тобой съездить, – улыбнулась Ольга.

– Съезди, тебе не помешает. Никому не помешает. – Екатерина Андреевна взглянула на внучку.

– Александра, может не время спрашивать. Если не хочешь не отвечай. Я не настаиваю. Есть уже какие-то планы, чем займешься?

Вера Сергеевна встревоженно посмотрела на дочь. Она сама боялась этого вопроса, который, разумеется, тоже крутился у нее в голове.

Саша взглянула на родственниц и улыбнулась.

– Да, есть. Как раз сейчас решила, после бабушкиного рассказа. Пойду преподавать в свою балетную школу. Буду помогать идти к мечте таким девочкам, какой я сама была. – Она засмеялась. – Мы с девочками все время мечтали о доброй преподавательнице, когда нас Гиеновна гоняла. Вот я те-

перь буду доброй преподавательницей. И строгой, разумеется, но в меру.

– Думаю, это замечательно, – Вера Сергеевна с нежностью посмотрела на дочь.

– Отличная мысль, – поддержала Ольга. – Я то бы поубивала всех детишек еще на первом занятии. Но ты, думаю, прекрасно справишься. Они все будут тебя обожать.

– Я тоже думаю, что мысль прекрасная, – одобрительно сказала Екатерина Андреевна. Ты будешь хорошим педагогом. Потому что хороший педагог тот, кто искренне любит то чему обучает.

– Жизнь продолжается, – поднимая свой бокал сказала Ольга. – И я собиралась сказать раньше, но как-то обстоятельства были неподходящие. Я беременна.

– Ура! – крикнула Саша. – Жизнь продолжается! И она прекрасна. Всегда.

Глава 4

2012г. Москва

За ужином был явный перебор со спиртным. Пришлось отойти от привычной, умеренной «нормы». Пили с партнерами из Германии, отказаться было нельзя. Немцы оказались настоящими алкашами, вливали в себя все что пьется в немеряных количествах. Цивилизованная нация называется.

Голова гудела и была как будто ватная. В открытую дверь спальни пробивался свет идущий с первого этажа. Придя домой, страдающий похмельем хозяин дома, врубил полную

иллюминацию и так и забыл потом выключить. Свет действовал раздражающе, не давая уснуть. Выругавшись он повернулся спиной к двери. Встать, чтобы ее закрыть не было никакого желания.

– Пустой! Эй, Пустой!..

У окна, прямо напротив кровати стоял Клык.

– Пустой, здорово! Не забыл меня? Ты ведь тогда не по понятиям поступил со мной...

– Б...дь! Подскочил хозяин дома мигом трезвея. Он потерял затылок, в котором отдавалась тупая пульсирующая боль. Никакого Клыка, разумеется, в комнате не было. – Гребаные немцы!

Из за их любви выжрать теперь мерещится всякое. С чего вдруг Клыку вздумалось являться ему по ночам? Не до блядки же он допил, в конце-то концов. Один раз перебрал, и что? Может, усталость, стресс, вечное напряжение накопились. Хозяин дома погрозил пальцем в темное пространство.

– Ты это брось, Клык. Не нужно ко мне приходить. Я тогда все сделал правильно. Что Веник, что ты, непременно на дно бы за собой утянули. Тогда выживал, и при этом еще поднимался, сильнейший. И умный. А такие как вы шли на дно и других за собой тащили.

Он помотал головой, прогоняя остатки наваждения, и скривился от боли. Нужно было выпить аспирина. Голова раскалывалась.

– Еб...е бургеры! А еще говорят что мы алкаши, – про-

ворчал он и поплелся в ванную комнату искать таблетки.

Клык мертв. И Веник мертв. Также, как и дядька его, жадный до чужого добра мерзкий старикашка. И все это давным давно в прошлом, и забыто. Навсегда. Мертвые не возвращаются, не приходят по ночам в спальню и не требуют объяснений... Немцы, твари, чтоб они провалились!...

Запив таблетку водой, он ухмыльнулся. Не у одного же него голова завтра будет болеть. Эти западные партнеры тоже, небось, помучаются. Так им и надо!

Глава 5

Лариска скучающим взглядом окинула улицу. Тоска. Вообще ничего не происходит. Скука смертная. Вчера, в очередной раз, посабачились с матерью и она теперь запретила смотреть ее телевизор. Ну и пусть удавится, своим допотопным ящиком. Все равно все рябит и половину того, что говорят не слышно. Да и смотреть особо нечего. Сплошные новости, одна хуже другой, да сериалы про ментов да про бандюганов. Тьфу! Лариска зачерпнула из кармана очередную пригоршню семечек. Пространство вокруг скамейки, на которой она сидела, уже было почти сплошняком усеяно шелухой – результатом двухчасового Ларискиного пребывания. Дверь подъезда открылась и из нее бочком, как краб, выполз тощий пенсионер с пятого этажа. Дедок вечно с крайне озабоченным выражением маленького сморщенного личика и бессменной авоськой в руках. Размахивая авоськой, дед пошкандыбал в сторону продуктового магазина. Лариска в очередной раз сплюнула шелуху на землю, провожая старого хрыча презрительным взглядом. Каждый день ходит в магазин, вот ведь доходяга, а жрет как не в себя... И тут судьба сжалилась, наконец таки, над Лариской. Не зря сидела. Собственно в большой степени она именно ради этих моментов и морозила зад на холодной неудобной скамейке в середине ноября. «Ну какой же красавчик...» – , выпячивая вперед

и без того весьма выдающийся объемами бюст, и приосанившись, в очередной раз мысленно восхитилась Лариска.

– Привет! – пропела она с волнующим придыханием, одаривая томным взглядом подошедшего к подъезду молодого мужчину. Предмет тайной Ларискиной страсти рассеянно оторвал взгляд от телефона.

– Привет... – на ходу бросил он и скрылся в подъезде.

Ах! Лариска продолжая мечтательно улыбаться даже замурилась от охватившего ее волнения. До чего ж хорош! Тут же, в голове возникла тоже уже ставшая традиционной мысль – а вот почему красавчик сосед не разует глаза и не обратит на нее, Лариску внимания. Что в ней не так? Видная, между прочим, все при ней, не то что у этих дохлых лягушек, с которыми она время от времени его видит. Тут к подъезду подошла баба Катя, Ларискина соседка по этажу.

– Лариска! Ты чего тут опять намусорила? – строго сказала старуха.

– Да, Вам-то что! – взвилась Лариска. – Везде свой нос суёте! Можно подумать Вам убирать. Дворник подметает, ему за это деньги платят!

– Тьфу! Хабалка!... – сплюнула старуха и вошла в подъезд.

– Сама хабалка, дура старая, – не осталась в долгу Лариска. Ходят тут всякие выжившие из ума промокашки, еще учить ее будут. Настроение испортилось. «Пойду, выскажу мамаше все насчет ее гребаного телевизора», – поднимаясь

с лавки решила Лариска.

Игорек мурлыча под нос привязавшуюся с самого утра мелодию, вошел в квартиру, и не раздеваясь отправился на кухню, имея огромное желание закинуть в себя что-нибудь съедобное. По крайней мере он надеялся, что что-нибудь съедобное осталось. Можно было, конечно, сходить в магазин, но вечером его пригласил в гости друг, у которого есть жена. А раз есть жена, значит будет и что поесть – закон природы. Так что чего время тратить и идти за продуктами. Сейчас можно обойтись чем-нибудь скромным, чтобы просто утолить голод. А в магазин он завтра ходит.

В холодильнике нашлась банка сгущенки и засохший черный хлеб. Не лучшее сочетание, ну да ладно. Игорек был непривередлив в еде. Разместив на компьютерном столе кружку с чаем, сгущенку и остатки хлеба, Игорек устроился в удобном эргономичном кресле и нырнул в прекрасный мир виртуальности. На красивом лице была счастливая улыбка человека полностью довольного своей жизнью.

-Здорово! – звонил Темыч, тот самый друг пригласивший Игоря на «тусовку с хавчиком». Темыч хохотнул. – Я знаю, что ты можешь зависнуть в компе, поэтому и звоню. А то забудешь все на свете, ты же геймер-маньяк.

– Да все, все собираюсь уже, – слегка приврал Игорь, и впрямь успевший напрочь забыть про приглашение. Это хо-

рошо, что Темыч позвонил, а то он действительно слегка увлекся.

Решительно выключив компьютер, Игорек отправился в ванную. На вечеринке наверняка будут девушки. А девушки любят чистых, хорошо пахнущих мужиков. Немытые мужики в потных вонючих футболках их не привлекают.

Игорек мимоходом окинул взглядом обстановку квартиры, пребывавшей не в лучшем состоянии. Повсюду валялась одежда, диски, компьютерные запчасти. В углу коридора были свалены вперемежку шапки, перчатки, доска для катания со снежных склонов, летние кроссовки и много чего еще. Игорь почесал затылок. Завтра должна приехать мать, нужно бы хоть немного убратся, а то она опять начнет орать и выест ему весь мозг какой он неряха и тд и тп. Сейчас времени на уборку уже все равно не было, а завтра он встанет пораньше, ну по крайней мере постарается, и уберет все это безобразие. Точно-точно. Решив таким образом проблему, Игорек снова расплылся в улыбке.

– Тебе еще положить? – поинтересовалась жена Темыча, Аня с насмешливым любопытством наблюдая как Игорек доедает третью порцию жаркого с картошкой.

– Не, спасибо, – помотал Игорек головой, с наслаждением пережевывая вкусную, теплую, а не прямо из холодильника еду. – Супер вообще. Такая вкуснятина!

– Знаешь, мне холостые мужики всегда убогих напомина-

ют. Причем убогих на голову. – засмеялась Аня.

– Почему? – спросил Игорь с неподдельным любопытством.

– Ну у вас также как и у женщин две руки, две ноги, одна голова, но большая часть из вас ни накормить себя, ни убрать за собой, ни много чего еще не в состоянии. Будете ходить голодные, жить как бомжи, но палец о палец не ударите, чтобы свою же жизнь сделать хотя бы чуть-чуть более комфортной и сытой.

Игорь засмеялся.

– А, понятно! Так мы, мужчины, Анют, мы ж заняты постоянно. Дела, работа. Деньги зарабатываем. Это вы, женщины...

– Ага, а женщины ничего не делают. Не работают и дел никаких нет. Ты вон в компьютере все свободное время зависаешь. Так что не рассказывай про свою невероятную занятость, – презрительно сказала она.

– Вот именно поэтому я и не женюсь, – засмеялся Игорь. – Женщины при всех своих многочисленных достоинствах обожают нас, мужиков поучать и пилить. А мы этого не выносим.

– Ага. Нежные создания с тонкой психикой...

– Кто это? – схватив собеседницу за руку, выдохнул Игорек зачарованно глядя на вошедшую в комнату девушку.

Аня Закатила глаза и засмеялась.

– Ну все. Крышу снесло, смотрю. Ловелас, смотри шею не

сверни. Девушку зовут Саша. Мы вместе в балетной школе учились.

– Нереальная девушка! – наблюдая сияющими глазами за Аниной подружкой, восхищенно сказал Игорь.

Аня хмыкнула.

– Да, Сашка хороша. Вот достаточно ли ты для нее хорош? Она многозначительно ухмыльнулась глядя на приятеля.

– Я буду над собой работать. Уже начал, – смеясь сказал Игорь и решительно направился к нереально прекрасной Саше.

– Ну, ну, – скептически усмехнулась Аня. – Знаем мы как вы над собой работаете. Уработались все...

– Мы не знакомы, но я знаю, что Вас зовут Саша. А я Игорь. Вот, теперь познакомились. И я хотел Вам сказать, что Вы самая прекрасная девушка из всех кого я встречал.

Саша с удивлением рассматривала необычайно ретивого молодого человека. Красивый и без комплексов. Ветер в голове и болтун. Но, надо отдать должное, обаятельный.

– Здравствуйте, Игорь. Спасибо конечно за такую оценку. Игорь рассмеялся.

– Да я знаю, что звучит не оригинально. Но зато это правда. А правда она, как правило, довольно проста. И правда в том, что Вы действительно необыкновенная.

Он смотрел на ее улыбку и не мог оторвать от нее взгляда.

– Может мы перейдем на ты, а то выкать как-то не осо-

бенно удобно. Очень как-то официально.

Саша кивнула.

– Можно и на ты, если хочешь.

– Ты решишь, что я сумасшедший, но давай уйдем отсюда.

Можем поехать ко мне.

Он замахал руками, заметив как она насмешливо приподняла брови.

– Нет, ничего такого. Правда. Просто поболтаем. Попьем кофе. Правда у меня жуткий беспорядок... – засмеялся он. – Обещаю, как только захочешь уехать сразу вызову тебе такси.

Он был забавный и симпатичный. Как будто так и не перерос детско-подростковый возраст – смесь непосредственности, обаяния, некоторой наивности, нахальства и эгоизма. Саша уже хотела сказать, что разумеется никуда не поедет, и в этот момент новый знакомый состроил смешную гримасу.

– Блин, сказал про беспорядок и вспомнил, что завтра мать приедет. – Он засмеялся. – Родительница меня убьет. Каждый раз грозитя, что выгонит меня на улицу за бардак. Квартира-то ее. Но сама она живет с новым мужем в новой квартире. Так что не понятно, чего ей не нравится, меня-то все устраивает, в принципе, – тараторил Игорь.

Сама не зная почему, Саша сказала:

– Знаешь, сегодня я точно никуда не поеду, а завтра утром могу заехать на кофе, заодно помогу тебе убраться. Нельзя же допустить, чтобы ты оказался на улице, да еще и убитый.

Игорь просиял как именинник. Жаль конечно, что с сегодняшним вечером облом. Но он, честно говоря, и не особенно надеялся. Зато завтра она придет к нему. Он снова ее увидит. Супер! Жизнь прекрасна и удивительна. Как хорошо, что Темыч позвонил и напомнил про вечер, настоящий друг. А то он бы сам ни за что не вспомнил, заигрался и все пропустил. И не встретил бы ее. Самую невероятную девушку. С невероятной, сногшибательной походкой танцовщицы. Игорь почувствовал возбуждение и одновременно радость и еще неведомые ему до этого очень приятные и волнующие ощущения и эмоции.

– Отлично. Надеюсь, это не такой специальный способ отваживать поклонников. Пообещать, мол завтра увидимся, и тью-тью.

– Тью-тью, в смысле обмануть? – она посмотрела на него вполне серьезно. – Я не имею привычки обманывать, так что это не способ кого-то отвадить. Я приеду.

Игорь изобразил танец безумного папуаса. Саша расхохоталась.

– Это я от радости, – смеясь сказал он.

Дверь открылась, едва только Саша дотронулась до звонка.

– Привет! – сияя счастливой улыбкой сказал Игорек.

– Привет...

Улыбаясь ему в ответ, Саша вошла в квартиру.

– А ты оказывается врун, – оглядываясь по сторонам сказала она. Кругом все сверкало. Никакого намека на жуткий бардак. Идеальный порядок. Саша вопросительно посмотрела на него, не зная сердиться или наоборот смеяться.

– Я не мог уснуть и всю ночь убирался, – не отрывая от нее взгляда сказал он.

– Ничего себе! Ладно, тогда, раз уж я приехала, как обещал угости меня кофе. Если у тебя еще силы остались, чтобы его сварить..

– Я боялся, что ты не приедешь. Пока убирался все время думал о тебе, – улыбка у него стала озорной. – А ты обо мне вспоминала?

Саша рассмеялась.

– Ну уж точно не всю ночь.

К кофе хозяин, приведенной в образцово-показательный порядок квартиры, подал сыр всевозможных сортов, свежие булочки, конфеты и даже клубнику. Рано утром закончив уборку, Игорь обегал все магазины в поисках достойного угощения для самой нереальной девушки.

– Я очень рад, что ты приехала.

– Я тоже. У тебя отличный кофе, – Саша улыбнулась.

– Аня сказала, что вы вместе учились в балетной школе.

– Да, учились. – Саша кивнула.

– А сейчас ты чем занимаешься? Балетом?

– Если ты имеешь ввиду танцюю ли я на сцене, то нет. Не

сложилось... Я преподаю в балетной школе. Кстати в той же самой, которую мы с Аней закончили.

– Здорово! – он хотел спросить почему «не сложилось», но не стал, почувствовав что эта тема вызывает у нее не самые приятные эмоции. – А я занимаюсь компьютерным обеспечением и всякой такой фигней.

– Ясно. Я заметила у тебя в коридоре сноуборд. Катаешься?

– Да, когда получается добраться куда-то где можно покататься. В прошлом году со знакомыми в Чехию ездили. – Он засмеялся. – Но больше в барах сидели, чем катались. Как-то так вышло.

– Ну, может как-нибудь меня поучишь кататься. Мне нравится смотреть, думаю и самой понравится.

– Все, заметано, – радостно сказал он. – Даже не думай потом отвертеться. Ты сама попросила!

Было уютно и приятно сидеть так, болтать о всякой ерунде. Саша и правда не понимала с чего вдруг она вчера предложила приехать помочь с уборкой. Они практически незнакомы. Но с другой стороны, а почему нет. С момента драматически завершившегося два года назад, романа с Денисом, она ни с кем не встречалась. Сначала рана была слишком свежая и болезненная. Потом просто не было особого желания так или иначе приближаться к кому-то, и подпускать к себе, позволять хоть на сколько-то влезть в душу. Она и вчера хотела просто дать понять, что ей неинтересны его попыт-

ки «подкатить». Но он был забавный, и какой-то такой жизнерадостный, позитивный. И этим своим наивно-нахальным нахрапом он вызвал у нее симпатию. Ну и вот она здесь, а что тут такого...

– Когда мы увидимся? Мы же увидимся? Только не говори, что нет! – он театрально сложил руки в молитвенном месте и с видом несчастной сиротки умоляюще смотрел на нее.

– Ты страшный болтун! – смеясь, сказала она.

– Да?! Я?! – лицо у него было озорное и очень счастливое. – Это потому что я переживаю и нервничаю. Так я обычно не болтливый. Ты должна сама в этом убедиться, поэтому мы обязательно должны снова встретиться, а то так и будешь считать меня болтуном.

Саша залилась звонким смехом.

– Хорошо! Позвони.

– А можно прямо минут через пять, после того как ты уйдешь, позвонить? Я уже успею соскучиться. Я уже соскучился.

– Пока! Подозреваю, что все же это не от переживаний. Тебе просто нравится болтать, – выходя из квартиры сказала Саша.

– Мне нравишься ты! – крикнул он ей вслед. – Если хочешь я вообще могу молчать. Будем объясняться знаками.

Она обернулась и помахала ему.

– Пока!

– Пока... – прижавшись лбом к прохладной поверхности двери, расплываясь до ушей прошептал он. Как прекрасна и восхитительна жизнь! Как прекрасна и восхитительна девушка сведшая его с ума!

Игорь в очередной раз вспомнил, что должна приехать мать и пошел убираться на кухне. Ему не хотелось лишних вопросов. На этот раз все было серьезно. И услышать что-то вроде «опять приводил очередную подружку» в отношении Саши ему казалось оскорбительным.

В голове звучал ее голос, а перед глазами было нежное лицо и точеная фигурка с этой красивой, сводящей с ума походкой танцовщицы.

Глава 6

– Сашка, мне правда очень жаль! Это совершенно несправедливо! – пухленькие губки Сони Новиковой еще сильнее выпятились вперед от возмущения. – Ты была самая талантливая из нас. Это было всем понятно.

Красивые голубые глаза смотрели с искренним сочувствием.

– Мне тоже жаль, – помешивая ложечкой кофе, сказала Саша. Она пожала плечами. – Но, ничего не поделаешь.

– Да, жизнь, подлюка, бывает подкидывает нам поганые сюрпризы. Откинувшись на обитую искусственной кожей спинку дивана, Соня критическим взглядом осмотрела свой маникюр.

– Из всех девчонок, только Вера с Яной где-то в подтанцовке, в каком-то варьете не варьете, в общем помойка. Не высокая сцена, однозначно. Остальные кто где. Кто менеджер, кто за мужем пристроился, Ясинская тренером по синхронному плаванию заделалась. – Соня улыбнулась. – Я-то вообще никогда не хотела балетом заниматься. Это отец вбил себе в голову, что я должна быть балериной. Кто-то ему сказал, когда я еще грудная была, что у меня фигура подходящая. И он решил, что я непременно стану второй Павловой или Улановой. Умора! Очень ему хотелось, чтобы я стала знаменитой. И занималась «благородной профессией», как

он это называл. – Соня засмеялась. – Когда я после школы сказала «Хорош!», не буду поступать ни в какую академию, хватит с меня одиннадцати лет каторжного труда и высокого искусства, он целый год обижался. Ну мне-то точно ничего не светило на сцене, так что чего зря жизнь бесполезно тратить, да еще гробиться на этих занятиях ... Хотя, менеджмент тоже, конечно, не предел мечтаний.

Соня вздохнула. С момента учебы в балетной школе она из тощенькой девчушки с железными пластинами на зубах, превратилась в привлекательную женщину с не менее привлекательными формами, которые дополнительно очень выгодно подчеркивал облегающий костюм, явно от кого-то там из гуру моды.

– А помнишь, как нас Гиеновна гоняла? Мрак! Мне до сих пор иногда снится, как она орет «Тянем, тянем ногу! Девочки! Выше! Колени разогнуть!» Брр! Прямо подбрасывает в кровати.

Саша засмеялась – Соня не утратила своей способности мастерски пародировать их злобную преподавательницу.

– А тебя, наверное, малявки обожают. Мы ведь все время мечтали о такой вот доброй преподавательнице, – улыбнулась Соня.

– Ну, я тоже бываю строгая. Не как Гиеновна, конечно. Но сама знаешь, что мы так старались как раз потому что она нас так гоняла. Была бы она добрая и милая, и мы бы расслабились и занимались гораздо менее усердно.

Соня покачала головой.

– Ой, Суркова, ну скажи, как ты можешь быть строгой? Ты ж добрейшая душа. Вспомни, когда Ключева нас заложила, что мы шампанское пили, которое для членов комиссии приготовили, перед зачетным выступлением. А мы ей за это заднюю часть пачки тогда отстригли и она билась в истерику. Ты же ей тогда свой костюм отдала, а сама не выступала. Гиеновна еще орала на тебя, что ты несерьезно отнеслась к подготовке к ответственному мероприятию. А эта тварь, Ключева, кстати потом снова нажаловалась, уже из за пачки. Правда никто и разбираться не стал. Она же выступила и задом не сверкала. – Соня весело рассмеялась. – Короче тварь она была.

– Вообще, я ей костюм отдала, не потому что я такая добрая, – улыбнулась Саша. – Хотя мне было ее немного жалко, если честно. Просто я подумала, что всех накажут и поставят незачет, если она пожалуется, что ей дорогостоящую вещь умышленно испортили.

– Вот про это я и говорю, – Соня одарила подругу нежно-снисходительным взглядом. – Это и есть доброта. Ты ради подруг не пожалела себя, хотя для тебя было очень важно выступить да и зачет получить. Ты ведь, в отличие от большинства, балет по-настоящему любила, а не просто отрабатывала па и махи ногами. В общем, твоим девчонкам очень повезло. Не обязательно быть злой гримзой и учить воплями и бесконечными оскорблениями и унижениями. Можно

и большим добрым сердцем научить не меньшему.

– Ты прямо философ, – засмеялась Саша.

– Я-то да, – Соня улыбнулась. – я ж целыми днями занимаюсь продвижением того, что никому на хрен не нужно. Профессия обязывает. Становишься и философом, и психологом и фантастом, в одном лице.

Соня усмехнулась.

– Я, кстати, тут столкнулась с Клюевой, случайно. На автосервисе встретились. У нее, я слышала, муж крутой мен. Прикатила на своей ауди последней модели. Вся такая пафосная.. Орала на работяг, что у нее муж большая шишка и он их всех в порошок...

– А они что?– с улыбкой поинтересовалась Саша, вспоминая неприятную Машу Клюеву из балетной школы. Она была той «паршивой овцой» в их, на удивление, дружном девчачьем коллективе, которая почти всегда находится среди соучеников, коллег, соседей, а порой даже родственников.

– А они предложили ее крутому мужу, пойти куда подальше, в переводе на литературный, и там самому тачку чинить, если он такой деловой. Назвали ее «женщиной», так она такой ор снова подняла. – Соня расхохоталась. – обозвала всех хамами и быдлом. Короче говоря, ей старик мастер, когда она всех достала окончательно, с матюками популярно объяснил, что либо она машину оставляет и они ее делают, на тех условиях, которые они назвали, а она прекращает выступать и ведет себя нормально, либо пусть забирает свое кру-

тое неработающее авто и катится в другой автосервис, к примеру на Рублевке, где работает не быдло, а достойный ее контингент. Ничего, поморгала, пофыркала и заткнулась. Коротче говоря, как была стервозной тварью, так и осталась. А меня, сделала вид, что не узнала. Ну я и не расстроилась особо. Только позориться с такими знакомыми.

– Хорошо, что ее тогда родители в другую школу перевели, – сказала Саша. – Вообще у нас же коллектив что надо был.

– Это да! Эх, лучшее время... Если бы не Гиеновна, – Соня снова звонко рассмеялась. – Кстати, куда она делась-то? Я думала она будет вечно тиранить всех, кто обучается в школе. Поколение за поколением.

– Уехала в Прибалтику. К каким-то родственникам. Теперь там преподает.

– Повезло родственникам, и прибалтийским детям, заодно. Я думала, что у такой змеищи в принципе нет родни. Что она сама по себе появилась, как нечистая сила, – расхохоталась Соня.

– Да там какая-то непонятная история с ее отъездом и родственниками, я не вникала. – Саша махнула рукой. – Новое руководство школы ведет странную политику, многие педагоги уволились из-за этого. Зарплаты мизерные, много требований, которые только мешают работе, отнимая массу времени, много всего... Не хочу об этом говорить, на работе надоели эти проблемы...

Саша передернула плечами.

– Ясно, помойка, как и везде. Бабло правит миром. И баб-ло загребает руководство, а остальным лишь шишь с маслом и при этом еще все должны создавать видимость благолепия. Везде одно и то же. Все все знают, все недовольны, но про-должают создавать видимость «Все окей!».

– Ну, типа того...

– Ладно, Сашка, я все равно рада, что тебе нравится са-ма работа, а начальство и прочие не слишком приятные об-стоятельства – неотъемлемая часть нашей жизни. Ничего не поделаешь, такова система.

– Мне правда нравится то чем я занимаюсь. Все остальное вполне можно потерпеть.

– Привет! Я дома...

Ответа не последовало. Судя по доносившимся из комна-ты звукам, Игорек участвовал в крупномасштабном вирту-альном сражении и в надетых на голову наушниках не слы-шал обращенного к нему приветствия. Хотя, Саша подозре-вала, он бы и без наушников в данный момент ничего не услышал, даже если бы сирена взвыла прямо за его спиной.

Покачав головой, Саша направилась на кухню, заранее на-страивая себя морально, что все изменения произошедшие там с момента ее ухода утром, не в лучшую сторону.

После того, как спустя три часа, Игорь явился на кухню

за чаем и порцией «чего-нибудь пожевать», он с удивлением обнаружил, что Саша дома (а он и не заметил!). Порадовался наличию вкусного ужина, и не порадовался, а опять же удивился и даже слегка надулся из-за взбучки, за совершенно незначительные, на его взгляд, «упущения» (допущенные, исключительно по причине того, что он был страшно занят другими делами). К чему, вообще провоцировать ссору из-за такой ерунды, как оставшийся пустым холодильник? Ну да, она просила купить продукты, а он забыл сходить в магазин, и что теперь? И по поводу заваленной грязной посудой и остатками еды раковины, а также всех имеющиеся на кухне поверхностей, на которые можно что-то положить или поставить, ему тоже высказали свое фи. Хотя, что за страшная проблема? Он бы все помыл. И все убрал. Потом. После того как освободился. Что, с посудой что-нибудь случилось бы за это время? Ничего... В общем, по мнению Игоря, это был просто очередной мозго-выносящий наезд, ради наезда. Просто потому, что кому-то захотелось поворчать.

Выслушав все претензии, Игорек мужественно собрал волю в кулак и выключил компьютер. Вечер однозначно был испорчен. Сегодня его удел страдать и терпеть.

– Я вообще удивляюсь, как ты умудряешься устраивать такой бардак, учитывая, что, когда ты дома, ты не вылезает из-за компьютера, и ешь, в лучшем случае, бутерброды, – продолжила свою воспитательно-нравоучительную лекцию Саша, после того как закончила уборку кухни и прочих по-

мещений, и улеглась в кровать рядом с «зависшим», теперь уже в телефоне Игорем.

– Да, Саш, я понял, хорошо, завтра сделаю... – ответил он. Саша закатила глаза.

– Игорь, отвлекись от телефона!

– Да, я слушаю, слушаю...

– Ты помнишь, что завтра у нас в школе зачетное выступление. И ты обещал прийти. Поддержать меня и девочек.

– Да-да, Саш, конечно, завтра сделаю, я же сказал...

– И ты конечно не забыл, что туда нужно прийти без нижнего белья и держа арбуз под мышкой и прыгая на одной ноге? – разворачиваясь к нему спросила Саша.

– Да-да, Саш, я понял, понял...

Саша вырвала телефон из рук приятеля.

– Игорь! Ты можешь хоть иногда пребывать в реальности?! Как можно общаться с человеком, который вообще тебя не слушает и занят исключительно своими делами, причем в основном, идиотскими!

– Саш! Ну ты чего опять начинаешь?! Ну, отвлекся, у тебя такого не бывает? Что ты там говорила? Можно же без истерики все решить. Вот, видишь внимательно тебя слушаю!...

– Говорила, что ты достал со своими подростковыми увлечениями, вот что я говорила! Завтра зачетное выступление у моих учениц. Ты обещал прийти. Но думаю, тебе не интересно, ты лучше в компьютере или в телефоне время проведешь!

Щеки ее покраснелись от злости.

– Раз обещал, значит приеду. Что за ерунда, почему мне неинтересно? – с вызовом сказал Игорь. Что за нападки постоянно? На пустом месте...

– Мне кажется, тебе вообще ничего не интересно!

Игорь надулся.

– Саш, почему у тебя вечно какие-то претензии? Из-за ерунды. Я, между прочим, работаю и имею право иногда расслабиться.

– Как раз с иногда проблема. Это иногда занимает все твое свободное от работы время. И я тоже работаю, но вместо того чтобы расслабиться, ликвидирую хаос, оставляемый тобой повсюду, во время твоего расслабления, и еще выполняю другие, непосредственно женские обязанности в виде готовки, покупки продуктов и тд.

Игорек сердито смотрел на нее. Вот чего преувеличивать? Ну увлекается он иногда. Ну и что? Просто она не понимает. Интересы у них разные. Но он же не кидает предьявы по поводу того, что нравится ей! А если каждый раз попрекать парой невымытых тарелок, так это можно вообще рехнуться. Игорь надменно вскинул голову.

– У тебя работа – обучать девчонок ногами дрыгать и плясать. Не думаю, что это такое выматывающее физически и психологически занятие, – запальчиво сказал он.

Вообще он сразу пожалел, что сказал. Да он так и не думал. Он знал, что Саша очень ответственно относится к то-

му чем занимается. И переживает. И тоже устает. Просто она его разозлила своими нравоучениями...

Он потянулся к застывшей после услышанного Саше, собираясь, чего уж там, попросить прощения. Виноват так виноват, он готов признать, что неправ. Он такой, готов на жертвы... Оттолкнув его, Саша забрала свою подушку и вышла из комнаты.

– Саш!... Ну чего ты?!... Ну, я не подумал...

Игорек прикинул стоит ли идти за ней, но решил, что сейчас она обижена и снова начнет его упрекать. И так вечер испорчен, снова что-то выяснять ему не хотелось... Чувствуя раздражение после дурацкой ссоры, он покосился на выключенный комп, потом на дверь. Соблазн был велик, но Игорь сумел справиться. Да, ну! Сейчас сядет играть, и его опять обвинят во всех смертных грехах. Снова назовут эгоистом. Лучше уж потерпеть. И ни какой он не эгоист! Вот, он способен пойти на жертвы. Причем добровольно. Только разве подобные вещи кто-то ценит. Только промахи сразу замечают, а то и на пустом месте раздувают проблему.

Разобиженный, недооцененный во всех отношениях Игорек лег и прикрыл глаза. Ладно, раз уж так вышло, можно хоть выспаться, а то у него вечный недосып...

Глава 7

Девочки выглядели взволнованными и возбужденными. Саша и сама волновалась. Наверное даже сильнее, чем когда принимала участие в подобных мероприятиях как танцовщица.

– Александра Вячеславовна! Выдохните! Вы как лягушка – зеленая и глаза как будто привидение увидели, – преподаватель техники танца, улыбаясь приобнял Сашу за плечи. – все будет хорошо. Девочки на удивление все пластичные. Вспомните, как сами учились. Наверняка половина девиц были не гибкими, не ритмичными. А эти просто как на подбор.

Саша почти не слушала говорливого коллегу. Она мысленно «протанцовывала» отрывок каждой из учениц. У кого где были ошибки, что недостаточно хорошо получалось. Хоть бы справились...

Первая из девчушек выпорхнула на сцену. Саша перестала дышать. Сердце остановилось.

– Прекрасно, прекрасно девочки себя показали, Александра Вячеславовна! Вы проделали хорошую работу, результат налицо. – Олег Николаевич, ИО директора художественной школы расплывался в довольной улыбке, то и дело кивая проходившим мимо них представителям комиссии,

оценивающей уровень подготовки учащихся. Действительно все прекрасно. Раз выступили хорошо, значит спонсоры будут довольны – не зря денежки свои вкладывают в творческих детишек. А когда спонсоры довольны то ИО директора просто счастлив.

– Спасибо Олег Николаевич. – поблагодарила Саша спеша отойти от руководителя. Как человек он ей был крайне несимпатичен.

– Саш! Твои девчонки выступили супер! – Игорь улыбнулся. – видишь, я пришел, как обещал... Саш, прости меня, я не должен был так говорить. И я так не думаю. Просто на эмоциях как-то получилось...

Саша молчала. Лицо у нее было не сердитое, а скорее грустное. Достав из-за спины букет, Игорь протянул цветы ей.

– Поздравляю!... Я не хотел, правда. Ты умница...

Саша взяла цветы все так же молча. Это была самая крупная из их ссор. Небольшие конфликты, возникавшие почти всегда по одной и той же причине случались, много раз. Но они, как только претензии были высказаны, как-то тут же сходили на нет. Вчерашний разлад был с продолжением. Подобные ссоры, когда задевают больное, имеют обыкновение оставлять осадок. Вроде бы уже все выяснено, и примирение наступило, а неприятное «послевкусие», может быть почти и не заметное, осталось. И Саша ощущала этот непри-

ятный привкус горечи, разочарования и обиды. Она уговаривала себя, что все же и сама погорячилась. И что они оба разошлись. Нужно все забыть. Проанализировать ошибки, чтобы больше не повторять... Обида сидела глубоко-глубоко. Не такая как вчера, когда хотелось плакать, и вообще сказать прощай, раз ты способен причинить боль, обидеть. Нет, эта обида была почти неощутимой. Просто память о том, что близкий человек может, при определённом стечении обстоятельств, ранить. Новое неприятное знание, без которого представление о жизни было чуть более прекрасным.

– Спасибо, – Саша взяла цветы, не ощущая ни радости, ни обычной легкости, присутствующей в их общении.

– Ну, может сходим куда-нибудь? Отметим ваш успех. – Игорь улыбаясь смотрел на нее. Во взгляде присутствовала робость. Он чувствовал, что в Саше произошла какая-то перемена. В чем именно причина он понять не мог. Ну ведь то что случилось в общем-то ерунда. Ну поссорились, потом помирились. И все. Но что-то в его женщине изменилось. Что-то неуловимое и в то же время значимое.

– Саш, все нормально? Ты больше не сердишься?

– Нет. Не сержусь, – голос звучал ровно с непривычной прохладной ноткой.

«Ладно, отойдет, женщины они любят покапризничать. Да и ничего уж прямо такого ужасного я не сказал...» – великодушно подавив в себе зачатки раздражения решил Игорек. Пара дней и Саше надоест обижаться. А пока, ну что ж,

хочется ей драмы, пусть поиграет в драму.

Глава 8

– Олег Николаевич, – Саша твердо взглянула в глаза исполняющего обязанности директора школы. – У меня снова вопрос по поводу выездных выступлений.

Олег Николаевич тоскливо вздохнул. Молодая сотрудница, конечно очень хороший педагог, можно сказать им повезло, и, что немаловажно, повезло еще и в том, что, в отличие от остальных, она не ноет постоянно про маленькую зарплату и тд. Но, зато, она неугомонная в другом отношении, что тоже касается денег. Деньги, деньги! Где их взять?!... И вот сейчас, она в очередной раз решила поднять эту денежную тему. Олег Николаевич насупился.

– Каждый раз, когда девочки едут куда-то за пределы Москвы, родителям приходится платить достаточно крупные суммы. И не все могут себе это позволить. – Ретивая сотрудница впиалась горящим взором в лицо Олега Николаевича. – Ведь у нас есть финансирование, школе выделяют деньги из бюджета. И те выезды, а их большинство, которые являются запланированными по учебной программе, совершенно точно должны быть оплачены из этих средств.

– И, зарплаты! Что это за издевательство! Неужели не предусмотрено, что педагогам нужно платить хотя бы столько, чтобы можно было пусть и скромно жить, а не выживать на крохи, больше похожие на подачки, чтобы только с голоду

никто не умер!... – встряла Юлия Борисовна, одна из педагогов направления изобразительного искусства.

Олег Николаевич раздраженно поморщился. Началось! Стоило одной раскрыть рот, и остальные тут же подхватили.

– Давайте не будем отвлекаться от основной повестки дня, уважаемые дамы, – твердо сказал ИО. Юлия Борисовна фыркнула, очевидно собираясь «ринуться в атаку», как она обожала это делать, и в очередной раз попытаться-таки добиться хоть какого-то результата.

– Это неуважение к нам, людям с соответствующим образованием и навыками, высококвалифицированным специалистам...

Все больше распаяясь и повышая тональность, истерично завершала она.

Олег Николаевич хлопнул ладонью по поверхности стола. Несильно, только чтобы отвлечь разошедшуюся сотрудницу.

– Юлия Борисовна, успокойтесь! Все что можно руководство школы для своих сотрудников делает... – Он перевел взгляд на «поднявшую смуту» Сашу. Тоже, поборница справедливости нашлась! Вечное желание опекать сирых и убогих. У них коммерческая организация. Ну да, государственное финансирование существует... Но в более чем скромных масштабах. Выживать приходится, в основном, за счет спонсорской поддержки. Но и ее не хватает на все. Да и человеческая сущность такова, что сколько сотруднику не заплати, всегда будет мало. Все же себя так ценят! Высококвалифи-

цированные профессионалы, мать их.

– Александра Вячеславовна, я понимаю Вашу обеспокоенность, но мы живем во времена рыночной экономики. Это в Советском Союзе все оплачивало государство. Теперь каждый сам справляется, изыскивает возможности.

И то, что родителям приходится платить, так об этом нужно было подумать, когда они выбирали для своих чад занятия живописью, музыкой, балетом. Это все, естественно, и совершенно очевидно довольно дорогостоящие занятия. Нужно реально оценивать собственные возможности, смогут ли родители взять на себя подобные расходы...

– Получается, талант, если он недостаточно обеспечен материально, вообще не имеет возможности развиваться? – Не отводя глаз от сердитого взгляда ИО упрямо сказала Саша. Олег Николаевич скривился как от зубной боли.

– Давайте не будем пускаться в эти бесполезные разглагольствования. Талант, если он и вправду талант, он все равно проявится, найдет свой путь, так сказать...

– Как? Каким образом?!

– Александра Вячеславовна, если у Вас нет других вопросов, перейдем к следующему пункту который действительно нужно обсудить. На Ваш вопрос я ответил! – довольно резко сказал «не совсем» директор.

Саша презрительно посмотрела на него.

– Вообще-то не ответили...

Олег Николаевич махнул рукой.

– Все, закрыли эту тему. То что нам действительно необходимо сегодня обсудить, это обязательное предоставление каждому из сотрудников в ближайшее время сведений о....

Повернув голову, Саша смотрела, как по веткам растущего за окном дерева скачут шустрые маленькие птички. Все эти еженедельные собрания были бессмысленной тратой времени. Мероприятия «для галки». Ни разу ни один мало-мальски важный и действительно насущный вопрос не был решен ни на одном из них. Пустословие и вечные отговорки руководителя, мол денег нет, нет денег. Рыночная экономика! Саша не любила сплетен. Но то о чем обожали шушукаться между собой сотрудники наводило на размышления. Новенький «Лексус» ИО, который явно ожидал в ближайшее время изменения своего статуса «временно исполняющего обязанности» на «постоянно». А также большой дом в пригороде в престижном районе и многое другое, приобретенное и построенное явно не на одну директорскую зарплату. Даже тем, кто не любил сплетен, не считал денег в чужом кармане, не завидовал и тд, было очевидно, что деньги спонсоров, как и деньги из бюджета, в немалом количестве, утекают не в том направлении на которое они предназначаются. И это возмущало и вызывало негодование, и как бороться с явным проявлением нечистоплотности было непонятно. Олег Николаевич и ему подобные были окружены толстым наростом непробиваемой брони, образованной из отсутствия совести и представлений о морали. Я,

мне, мое – главный девиз, которому подобные деятели следуют с неизменным постоянством.

И презрение и неприязнь прочих, и порой даже неприкрытая ненависть, не трогала подобных «себяпоклонников».

– Прошу всех отнестись ответственно. Сведения необходимо предоставить к следующему вторнику. Распоряжение... – палец Олега Николаевича ткнул в сторону потолка, – так что давайте не будем создавать проблем. Отчетность дело такое, информацию нужно сообщать своевременно. Школе важно оставаться на хорошем счету. Для нас важны показатели...

«Какой же урод!» – со злостью подумала Саша. Она не любила резких суждений, но Олег Николаевич возбуждал исключительно негативную реакцию.

– Все, давайте приложим усилия, чтобы наша школа оставалась образцово-показательным образовательным учреждением. Не смею долее вас задерживать, коллеги, – радостно завершил бесполезное заседание ИО.

Глава 9

– Сашенька, ну что ты так плохо ешь? Ну твоей фигуре совершенно не повредит если ты будешь есть чуть больше! Ну так же нельзя!... – Светлана Владимировна, мать Игорька хлопотала вокруг Саши с искренним материнским участием.

– Спасибо, я правда больше не хочу. Все очень вкусно. – Саша улыбнулась. – Почему-то все постоянно пытаются меня накормить. Мама, бабушка, Вы. Как будто я произвожу впечатление умирающей от истощения.

– Так ты же такая худенькая, Сашенька! Конечно все переживают. – Светлана Владимировна тоже улыбнулась. – Мама и бабушки всегда переживают.

– Мам, Саша не худенькая, а стройная. У нее суперская фигура, сногшибательная, – с озорной улыбкой окинув Сашу многозначительным взглядом, сказал Игорек.

– Да кто же спорит, что Сашенька прекрасно выглядит. Просто чуть-чуть стать «попышнее» не помешает.

Игорь засмеялся.

– Не нужно никаких попышнее, так все прекрасно.

– Я не хочу показаться нескромной, – немного смущенно сказала Светлана Владимировна, – так что не обижайтесь... Я к тому, что вы уже два года, да уже почти три, как время летит, Боже мой!... В общем, вы уже достаточно долгое время вместе. Не пора ли уже узаконить, так сказать отношения

и, главное, о детках подумать?... – Светлана Владимировна улыбнулась с явным умилением. Голубые, слегка наивные глаза, смотрели со смесью надежды и любопытства. Светлана Владимировна спала и видела, когда обожаемый сынок сделает ее наконец бабушкой. Но сынок отчего-то не спешил. Раньше, понятно. Девушки были какие-то несерьезные, не слишком подходящие. Сменяли одна другую, не успеешь привыкнуть к одной, да даже имя толком запомнить, как у сына уже следующая подружка. Но вот, казалось бы, встретил достойную во всех отношениях девушку. И умную и красивую, и интеллигентную, и хозяйку то что нужно. И явно сам относится к ней по-настоящему серьезно. Так почему не пожениться, не родить детей?! Эти современные нравы были выше понимания Светланы Владимировны.

– Мамуль, мы подумаем, – явно только чтобы она отстала, ответил сын. Ничего конкретного. Так она внуков никогда не дождется! Светлана Владимировна обиженно вздохнула. Но раз уж она решилась завести разговор на щекотливую тему она на этот раз не будет останавливаться – нужно выяснить в чем причина. Ее сын, оболтус, не желает связывать себя серьезными обязательствами или же это его избранница не хочет официально оформлять брак и, как теперь часто бывает с молодыми женщинами, обзаводиться детьми. Многие теперь не желают ответственности, хотят жить для себя. Дети становятся помехой. Ужас конечно. Дикость! Неужели избранница ее сына такая?!

– Но вы хоть обсуждали это? – беря быка за рога требовательно спросила Светлана Владимировна. – Дети это же самое важное и самое прекрасное что дает нам жизнь! Неужели вам не хочется, как бы это выразиться, еще больше объединиться, быть еще ближе, неразрывнее. Ребенок это связующее звено, укрепляющее отношения, наполняющее их особым смыслом... Сашенька!... Ну вам обоим уже не по восемнадцать и даже не по двадцать. Пора...

– Светлана Владимировна, это действительно очень важный вопрос. Вероятно, мы еще не совсем готовы, несмотря на то что нам не по двадцать, – сказала Саша сухо. Ей не хотелось обсуждать подобные темы. Она действительно считала, что они не готовы. Вернее, что их отношения, по крайней мере такие какие они есть на данный момент, не являются самыми подходящими для появления и присутствия в них маленького человечка, который нуждается, как она считала, в атмосфере большего взаимопонимания родителей друг с другом.

– Ну уж я не знаю, когда же вы будете готовы? Раньше рожали детей и не думали готовы или нет, а теперь все как-то сложно. Так можно и всю жизнь прожить и не подготовиться...

Светлана Владимировна покачала головой. Нет, не дождется она внуков с этой молодежью. Не готовы они... что тут готовиться?!

– Мам, ну мы ж не на пенсию завтра выходим. Чего ты?

Зачем спешить? Это же действительно серьезный вопрос...
– примирительно сказал Игорек.

– Затем, что хочу внуков понянчить успеть, – сердито ответила мать. – А все идет к тому, что так и не дождусь никаких внуков.

– Мам, ну ты еще сама молодая, ну ты чего?... – бросив извиняющийся взгляд на Сашу, запротестовал Игорь. Что вдруг нашло сегодня на его родительницу?

Двери лифта закрылись. Саша весь остаток вечера просидевшая с непроницаемым лицом, взглянула на Игоря.

– Как-то все странно получилось...

Игорь улыбнулся.

– Да, мать учудила. Ни с того ни с сего. А может, в чем-то она права? Может, нам действительно пожениться? Ну и правда ребенка родить? Можем прямо сегодня заняться воплощением в жизнь второго пункта! Я прямо чувствую, что готов попробовать.

Игорь радостно рассмеялся.

– Я не знаю Вот честно не знаю, – Саша серьезно посмотрела на него, явно не разделяя игривого настроения приятеля. – Ребенок это не чей-то внук, и даже не сын или дочь. Это, в первую очередь, человек. И этот человек, если уж его родители берут на себя ответственность за его появление, имеет право явиться на свет и расти не в недопонимании и вечных ссорах, а в атмосфере любви и уважения.

Игорь обнял ее и прижался к ее щеке.

– А у нас, у нас разве нет атмосферы любви и уважения?

Она пожала плечами.

– Есть. Но есть и много того, что далеко от уважения и понимания, и желания идти навстречу. Я пока действительно не готова.

Он вздохнул.

– Наверное, я тоже. Но я сегодня понял, что действительно хочу ребенка.

Саша улыбнулась.

– Ну, начало положено. Мы задумались об этом серьезно. И даже поговорили. – она засмеялась, – но надеюсь, что больше личные темы Светлана Владимировна затрагивать не будет. Это как-то очень напрягает.

Игорь засмеялся.

– Да, согласен. Намекну ей, когда соберемся к ней в следующий раз.

Глава 10

– Девочки, а где Надя Кострова? – оглядев воспитанниц, Саша с удивлением просмотрела список группы. Названные ей имя и фамилия в списке отсутствовали.

Девочки пожалы плечами. Самая бойкая Вика Сокольченко сказала:

– Она, вроде сказала, что какие-то проблемы и она больше не будет заниматься. Родители не могут платить за школу, вроде...

– Ясно, – сказала Саша, которой, на самом деле ничего ясно не было. Надя Кострова была самой способной из всех, самой многообещающей. И одной из очень немногих из общего числа учеников школы, чьи занятия оплачивались за счет так называемой стипендии, предоставляемой государством.

– Ладно, девочки, начнем. Сегодня отрабатываем шаги, с которыми у нас были проблемы, и повороты. С ними у нас вообще какая-то беда.

– Олег Николаевич! Добрый день!

Саша стремительно вошла в кабинет, теперь уже директора школы. В большом кресле «для посетителей» вальяжно развалился ухоженный мужчина лет сорока. Одет гость был с той неброской простотой, которая свидетельствует об

очень высоком уровне благосостояния. Саша догадалась, что это очередной спонсор. Было очевидно, что она не вовремя, но Саша решила, что не будет ждать подходящего момента, которого можно и вовсе не дожидаться. Поймать на месте директора, с тех пор как его утвердили в должности на постоянной основе, стало делом крайне сложным. У него постоянно были какие-то дела «на стороне». На дела, касающиеся непосредственно школы, времени, практически не оставалось. Ничего, переживет, если она отвлечет их с очередным толстосумом из «крутых менов». Пять минут их денежные дела потерпят.

– Александра Вячеславовна, вообще я занят... но раз уж Вы пришли... Вот, познакомьтесь. Наш уважаемый спонсор Евгений Евгеньевич Шахин.

Невысокий, крепко сложенный мужчина с иронично-насмешливым выражением холеного, при этом довольно мужественного лица, неторопливо поднялся и подойдя к Саше мягкой кошачьей походкой, к ее удивлению взял ее руку в свою и бережно поднес кончики пальцев к губам, после этого отвесив легкий поклон. При этом голубые глаза без какого либо стеснения оглядывали ее лицо и фигуру.

– Если бы я встретил Вас не здесь, а в любом другом месте, я бы все равно сразу догадался, что вы балерина или танцовщица, – сказал гость. Голос у него был приятный, немного ленивый и очень «глубокий». – Только у балерин и танцовщиц бывает такая величественная осанка и особая походка,

на которую невозможно не обратить внимания.

Он улыбнулся словно довольный жизнью кот. И затем весело засмеялся.

– Уверен, что мой комплимент не оригинален. Вам, наверняка, говорили подобное уже много-много раз.

Помимо воли Саша улыбнулась.

– Говорили, хоть и не в такой изысканной форме.

Спонсор продолжал улыбаясь все также нахально разглядывать ее. Олег Николаевич, которому натерпелось продолжить прерванный разговор, расплывшись в любезнейшей улыбке обратился к Саше:

– Итак, Александра Вячеславовна, у Вас я так понимаю какой-то неотложный вопрос. – Лягушачьи губы расплзлись до самых ушей, но взгляд был сердитый и колючий. Чертова балеринка со своими вечными глупостями! И пришло же ее именно сейчас...

– Я по поводу Нади Костровой. Это девочка из средней группы, которая обучалась у нас за счет госфинансирования. У них многодетная малообеспеченная семья. Надя самая способная из всех моих учениц. Многие из тех чьи родители сейчас платят за обучение, распрощаются с балетом сразу по окончании школы, если вообще доучатся до окончания. У них нет способностей и они не пойдут дальше. Не смогут. А Надя из тех, кто одарен от природы. И этого нельзя получить ни за какие деньги. – На нежной коже щек от волнения проступил румянец. Евгений Евгеньевич явно оце-

нил очень шедшее очаровательной девушке преобразование. – Надина мама, с которой я только что говорила, сказала, что им предложили заниматься на платной основе, потому что у школы больше нет возможности обучать даже тех нескольких учеников, на кого выделялась стипендия. Финансирование сократили. – Саша гневно сверкнула глазами. – Когда его сократили? На основании какого распоряжения?

Олег Николаевич раздраженно потер ладонью лоб. Вечно эта Суркова лезет. И в неподходящие моменты... Надоела хуже горькой редьки. Интеллигентка правдолюбка...

– Вы, Александра Вячеславовна в финансах не разбираетесь, – стараясь говорить как можно более спокойно, сказал директор. – Так легко рассуждать, не зная положения дел. А побыли бы на моем месте... Жаль конечно девочку, но ничего не поделаешь. Мы действительно больше не обучаем учеников на бюджетной основе. У нас коммерческая организация и Вам это известно...

– Знаете, Олег Николаевич, я терпеть не могу сплетни, домыслы и попытки считать чужие доходы. Но я не слепая и не глухая. И как и все, прекрасно вижу и слышу, как вы постоянно решаете свои собственные дела. Заказываете кирпич грузовиками, не стесняясь сотрудников, беседуете с дизайнерами, обсуждая какой цвет хрусталя должен быть у люстр заказанных в Италии для Вашего дома. Какой плиткой выкладывать бассейн... Ради Бога! Имеете полное право, если у Вас есть возможность. – Саша развела руками. – Но хоть

иногда изыщите возможность, и как руководитель, сделать что-то на благо школы и ее учеников. Например заменить шкафы в раздевалках, пока никого не придавило, если эти шкафы в конце концов рухнут. Помочь действительно талантливым детям, не имеющим возможности развивать свой талант. Как можно думать только о себе и собственной выгоде?!...

– Да как Вы смеете?! Вы забываетесь!... Девчонка!... – вскочив со своего кресла Олег Николаевич гневно сверкал глазами, всеми силами сдерживая себя, чтобы не заорать «Вон!». Эта наглая дрянь его взбесила.

– Александра! Какое красивое имя – Александра! В нем есть что-то величественное, как и в Вашей гордой осанке. – Евгений Евгеньевич, ставший свидетелем неприятной сцены, не выглядел ни смущенным ни раздраженным, его произошедшее явно позабавило. – Я бы хотел помочь этой девочке и взять на себя расходы по ее обучению. Талантам нужно помогать. Вокруг столько посредственностей, что талант необходимо лелеять, давать ему возможность пробиться. Ну а остальные противоречия, надеюсь, вы решите между собой.

Он широко улыбнулся.

– О, Евгений Евгеньевич, душа человек!... – любезнейшим тоном затараторил директор, обрадованный, что неловкая ситуация немного сглажена.

– Вот видите, Александра Вячеславовна, все можно ре-

шить. Без нервов. И без необоснованных обвинений, – Олег Николаевич многозначительно посмотрел на «мятежную» сотрудницу, вышедшую за рамки. – Вы же интеллигентная женщина, я всегда уважал в Вас Вашу принципиальность и нежелание опускаться до слухов и глупых сплетен. Злые языки, знает ли, они есть повсюду. На каждый роток не накинешь платок, как говорится. – Олег Николаевич несколько натянуто засмеялся. Он надеялся, что конфликт исчерпан и глупая девчонка, закатившая сцену, наконец уйдет.

– До свидания Евгений Евгеньевич, спасибо Вам, – кивнув гостю, сказала Саша. Она взглянула на самодовольное лицо спонсора, продолжавшего с явным удовольствием внаглую разглядывать ее. – Я надеюсь, что Вы не забудете своего благого намерения. Знаете, часто бывает, люди занятые крупными делами забывают о мелочах.

Евгений Евгеньевич расплылся в еще более широкой и радостной улыбке.

– Обижаете, Александра! Я никогда ни о чем не забываю. Если пообещал, значит сделаю – он засмеялся. – Иначе ведь вы и мне взбучку устроите.

Олег Николаевич выдал натужный квакающий смешок. Его выходка этой дрянью несколько не позабавила.

Глава 11

– Игорь! Что у нас на кухне?!!!

– Что?! Что?! Где... – оторвавшись от компьютера и сдвинув наушники с одного уха Игорь нетерпеливо взглянул на Сашу. Всклопоченные волосы, рассеянный взгляд и раздраженно-нервное выражение лица ясно говорили, о том, что она выбрала очень неподходящий момент. Сейчас он очень-очень занят. Еще сильнее очень, чем обычно. Ему не до каких либо разговоров, если только никто не умер или не произошло к примеру стихийное бедствие вселенского масштаба.

– Саш, что?!... Сейчас момент важный в игре... что случилось? Можно побыстрее...

– Можно. Могу побыстрее сказать, чего не случилось. Пожара в квартире. Чудом не случилось! – сердито сказала Саша.

Игорь с обреченным видом вздохнул. Было ясно, что «побыстренькому» решить вопрос не получится. В эту «катку», команде придется сходить без него. А жаль, только все так удачно начинало складываться...

– Я понял, понял... Да, неудачно вышло. – Предвосхищая события, признал вину Игорь. Потому что чистосердечное признание, оно, как известно, смягчает наказание. – Поставил суп разогреваться, и забыл, – он пожал плечами. Ну так

получилось, что теперь?

– Там оставалась половина кастрюли! Сколько времени понадобилось чтобы все это выкипело и кастрюля обуглилась? Ты что запаха не чувствовал? Вся кухня пропахла горелым!

– Саш, ну я же говорю, что отвлекся! Ну ты что никогда ни о чем не забываешь?

– Нет, так не забываю. – отрезала Саша. – Но даже если ты забыл, как ты говоришь, когда вспомнил, почему не убрался? Там все в брызгах, которые пригорели и просохли намертво. Даже на потолке брызги супа!

– Я был занят! Говорю же! Некогда было убирать. Собирался попозже убрать все. Плиту выключил, а потом снова забыл. Ну и что?! – повышая тональность возмущенно сказал Игорь. Чего каждый раз ему как мальчику выговаривают из-за любой фигни. – Саш, чего из ерунды целую трагедию устраивать? Иногда кажется, что ты специально ищешь повод придраться!

Игорь уже вполне искренне был убежден, что Саша просто намеренно провоцирует ссору.

– Эй, Чел, где ты там? Ты вообще в игре?... – послышалось из наушников.

Сверкнув глазами, Саша со всей силы шарахнула почерневшей кастрюлей по клавиатуре.

– Чел в игре! Просто живет в ней! – крикнула она в сдвинутый наушник.

– Саш, с ума сошла! Клавиатура семь штук стоит!... – завопил Игорек, скидывая кастрюлю на пол и испуганно оглядывая подвергшуюся проявлению вандализма крутую игровую «клаву». Визуально все было нормально.

Ну вот что такое? Ну почему нельзя без наездов? Ну что она за человек?!... Еще и психует, как истеричка...

Быстро поправив наушники, Игорь крикнул:

– Все, я здесь, отвлекся немного. Да, вижу, вижу прикрываю... Давай мочи его. Мочи! Аааа!... Справа, справа!...

«Нужно было в голову кидать», – хмуро глядя на орущего приятеля, подумала Саша, поднимая с пола испорченную кастрюлю, иначе так и будет валяться всю оставшуюся жизнь рядом с компьютерным столом.

Глава 12

2013г. Польша, Закопане

Сверкающий в лучах солнца снег слепил глаза. Невероятной красоты, словно сказочный пейзаж окружал небольшую базу для любителей покататься по горным склонам. Саша с восторженной улыбкой смотрела вокруг.

– Потрясающе! – выдохнула она. – Так красиво! Как в сказке!

Игорь засмеялся.

– Тут и спуски обалдеешь какие! Получишь безумное количество удовольствия и адреналина.

– Ну что, какая программа? – поинтересовался Антон, один из членов их команды друзей-единомышленников, любителей покататься и повеселиться. – Переодеваемся и на склон или сначала немного посидим в баре?!

Антон засмеялся. Представительницы прекрасного пола сморщили носики и запротестовали.

– Знаем мы ваше немного посидим, – сказала Вика девушка Антона, и легонько пихнула его кулачком в грудь. – Сейчас по пиву выпьете и засядете до закрытия. Мы сюда кататься или пить приехали?

Антон ухмыльнулся.

– Так одно другому не мешает...

–Еще как мешает, – задиристо сказала Эля, лучшая по-

друга Вики и девушка скромного молчаливого Юры, коллеги Игорька.

Антон оглядел товарищей в поисках поддержки. Все молодые люди были с девушками, поэтому в некотором роде подкаблучники. Игорек, встретившись с приятелем взглядом, пожал плечами и скорчил смешную гримасу, ясно говорившую: «Я братан и рад бы помочь, но сам понимаешь...»

На склоне мужчины сразу забыли свое легкое разочарование с неудавшимся походом в бар. Все были веселые, радостные, в предвкушении получения приятных эмоций и бодрящей дозы адреналина.

– Отличная погода, – радостно сказал Антон, уже забывший про то что ему так сильно хотелось пива. Щеки у него разрумянились, из под шапочки выбивались золотистые кудряшки. Вика с ревнивым видом поглядывала на девушек, оказывавшихся в непосредственной близости от ее бойфренда. Саша подошла к началу спуска и застегнула крепление.

– Давай, смотри, аккуратно, – крикнул Игорь. Саша махнула рукой и понеслась вниз.

За три часа проведенных на склоне компания вдоволь накаталась. Навалилась в снегу. Все были в прекрасном настроении.

– Ты чего хромаешь? – идя к подъёмнику, когда они возвращались на базу, спросил Игорь, заметив, что Саша слегка прихрамывает.

– Да, наверное небольшое растяжение. Внизу пока отстегивала доску, в меня Вика въехала, как то неудачно скатилась и не смогла затормозить. Вместе упали. Видимо я лодыжку потянула.

Игорь с озабоченным видом смотрел на нее.

– Нужно посмотреть в номере что там у тебя.

Саша лукаво улыбнулась.

– Я думаю все нормально, но не имею ничего против того чтобы ты посмотрел.

Игорь радостно засмеялся.

– Тогда быстро спускаемся и идем смотреть.

Пять дней в Закопане пролетели словно они только только приехали и уже пора прощаться с красивейшими горами, уютным отелем и беззаботным отдыхом, наполненным весельем, радостью и атмосферой праздника и волшебства.

«Как здорово! И как жаль, что это словно другая вселенная, другая реальность, лишь на коротенький отрезок времени, – полулежа в большом плетеном кресле, под теплым пледом с горячей кружкой вкуснейшего глинтвейна, думала Саша. – Почему повседневная реальность так отличается от того, что здесь? Почему в привычной жизни почти не бывает ощущения настоящего праздника. Ведь мы те же самые и здесь, и там. Так в чем же дело? Почему там мы не так близки, не так счастливы, и крайне редко понимаем друг друга?...» Мысли были достаточно грустные, но Саша не ис-

пытывала грусти. В настоящий момент мысли о том как все «там» казались нереальными и неважными. Казалось, что на самом деле, существует только это место. Горы, снег, состояние покоя и радость, наполнявшая собой все. «Как хорошо!...»

Москва встретила снежной метелью. Машины еле ползли по занесенным дорогам. Снегоуборочная техника не справлялась. На всех трассах образовались нескончаемые пробки.

Глядя в окно такси на ударявшуюся в стекло кружащуюся снежную мглу Саша старалась подольше удержать в памяти чувство беспредельной свободы, легкости, счастья, возникавшие просто так, без повода. Она еще помнила их все, но уже не ощущала. Видно, все это нельзя взять с собой. Все закончилось и волшебство осталось где-то там среди снежных склонов...

У подъезда, на своем привычном 'посту» восседала Лариска. Утоптаный снег под ее ногами чернел от измененной нагрызенной ею шелухи. По случаю зимнего времени, на Лариске была шуба из каракуля, каким-то чудом кое как сходявшаяся на необъятном бюсте. Поверх шубы был намотан пуховый платок. На голове была игривая шапочка с помпоном. Пока Игорь с Сашей выгружали вещи из багажника такси, Лариска с любопытством наблюдала за ними. При виде досок для катания, Лариска решила, что подобные развлечения

исключительно для полоумных. Она бы никогда в жизни на такой страсти не поехала бы. Видела она по телевизору соревнования таких ненормальных. Это ж ужас! Жуть жуткая.

– Из отпуска? – пропела Лариска, игриво улыбаясь Игорю.

– Угу, – пробормотал Игорь, обвешанный сумками.

– Здравствуйте, – без особого пыла поздоровалась Саша. Соседка, вечно заплевывающая своими нескончаемыми семечками все пространство возле подъезда и постоянно ругающаяся с пенсионерами, не вызвала у нее симпатии. Лариска услышав приветствие «сушеной воблы», с которой «шарится» по непонятной причине красавчик Игорек, презрительно фыркнула и демонстративно отвернулась.

– Меня эта страшная тетка пугает, – смеясь сказал Игорь, протискиваясь со своей поклажей в двери лифта.

Саша засмеялась.

– Ну, пугать она должна меня. В тебя, как мне кажется, она влюблена. А вот меня, как соперницу, ненавидит. Каждый раз смотрит на меня так, как будто хочет убить.

Игорь наклонился вперед и чмокнул ее в нос.

– Видишь, какой тебе мужчина достался, даже страшные соседки от меня без ума.

– Смотри, если она узнает как ты ее называешь, она и тебя захочет убить, – смеясь ответила Саша. Игорек с нежностью посмотрел на нее.

– Хорошо отдохнули. Жалко что мало.

Саша улыбнулась.

– Да, жалко...

Глава 13

– Александра, что у тебя с ногой? – строго спросила Екатерина Андреевна. – даже мне с моим зрением видно, что ты наступаешь на левую ногу намного более аккуратно. Я сама всегда делала так, при травмах, в те времена когда танцевала.

– От тебя, бабуль, ничего не скроешь, – усмехнулась Саша. Когда отдыхать ездили, ногу потянула на одном из спусков. Но все, вроде, прошло. А на днях с девочками разучивали сложную вариацию. Никак не получалась в одном месте последовательность, все время сбивались. Пришлось показать. Видимо неудачно поставила ногу после прыжка и снова потянула. Без практики теряю навык, – улыбнулась Саша, при этом вспомнив то пьянящее чувство, когда она парила по танцевальному классу, показывая своим воспитанницам как нужно правильно исполнять отрывок... – Ничего страшного. Делаю компрессы, как в детстве. Все пройдет...

– Крайне безответственно по отношению к собственному здоровью! Кататься на этой ужасной доске по горам, кому только в голову пришло такое нелепое изобретение. Не только больную ногу можно потянуть, а и здоровые переломать. Да и вообще шею свернуть. Непонятное увлечение! Дикость какая-то! К своему здоровью нужно относиться серьезно. Тебе ясно сказали никаких чрезмерных нагрузок на ногу, и особенно избегать резких движений. Александра, ты

же уже взрослая женщина! Нужно быть ответственной! И нужно срочно показаться врачу.

– Бабуль, я и компрессы делаю, и массаж. Мне же всегда помогало. Несколько дней и как новенькая...

– Помогало когда у тебя нога не была собрана по частям. Да и чем человек становится старше, тем дольше и сложнее происходит процесс восстановления. Ты уже не девочка, между прочим, пора бы это понять и стать серьезнее! – сердито сказала Екатерина Андреевна. Худощавое, будто истончившееся лицо старухи выражало недовольство и обеспокоенность. За последние годы Екатерина Андреевна заметно сдала. Ее величественная и в то же время легкая походка стала не такой уверенной и бодрой. Лишь идеально прямая осанка и гордая посадка головы, с будто припорошенной инеем, безупречной прической остались неизменными.

– Вера, срочно займись этим сама! – скомандовала она. – Молодежь склонна к легкомыслию и забывчивости. Нужно чтобы ногу осмотрел специалист.

Вера Сергеевна кивнула. Она и сама заметила, что дочь едва заметно прихрамывает, и тоже была обеспокоена этим. Но решила не спрашивать о причине, при матери. Зная, что та начнет читать нотации, как оно, собственно, и вышло. Сашка верно сказала – от ее матери ничего не скроешь.

– Я позвоню врачу, мам. Завтра с утра. Андрею Владимировичу, который занимался Сашинной ногой в больнице. Он очень хороший специалист.

Екатерина Андреевна удовлетворенно кивнула.

– Хорошо... Александра, а как там твой молодой человек? Не надумали пожениться, греховодники? – Екатерина Андреевна не высказывала явного неодобрения в отношении Игоря, но совершенно очевидно и особой симпатии к нему не питала. «Поскакун» называла она его. И еще изредка «никчемушник».

– Все нормально, бабуль. Пока насчет женитьбы планов нет, – аккуратно ответила на раздражающий ее вопрос Саша. Что все так озабочены этим узакониванием отношений? Что это меняет, кроме того, что все будет официально с юридической точки зрения.

– Когда отвечают нормально и планов нет, это означает, что больше и сказать нечего. Нормально это то же самое, что «никак», а следовательно и не может быть никаких планов. – Пожала плечами Екатерина Андреевна. У нее сегодня с самого утра ныли суставы и временами кружилась голова и видимо из-за не слишком хорошего самочувствия было особенно поучительно-ворчливое настроение, Саша, как раз попала «под раздачу». – Мне никогда не были понятны ваши отношения. И не потому, что вы не в браке, хотя я и не одобряю этих современных нравов. Но этот твой поскакун занят только собой. И ты для него как приятное приложение к его жизни, а не как одна из главных ее составляющих. Уж извини за прямоту. Он оболтус, чего уж там. И лентяй. А такие мужчины страшные эгоисты...

«Надеюсь, хотя бы тема детей не будет затронута» – подумала Саша. Обсуждать их взаимоотношения с Игорем у нее желания не было, особенно в таком направлении.

– Мне кажется, пора попробовать пирог, – бодро сказала Вера Сергеевна. – Испекла по новому рецепту. Сейчас будете оценивать. Давайте тарелки. Должен быть вкусный...

Саша благодарно улыбнулась матери. Очень надеясь, что после дегустации пирога бабушка не вернется к теме ее отношений с ленивым, эгоистичным оболтусом поскакуном.

– С какой начинкой пирог? Выглядит ужасно аппетитно...

Екатерина Андреевна усмехнулась, раскусив обеих родственниц. Но у нее и у самой не было желания дальше углубляться в тему отношений внучки с никчемным, на ее взгляд, смазливym охломоном. Может и лучше, что они не женятся. Муж это опора. А этот внучкин «вечный мальчик», ну какая он опора? Ему бы самому на кого опереться, чтоб ему нос вытирали и с ложки кормили. Поскакун...

Молоденькая медсестра, крепко прижимающая к себе растрепанную стопку бумаг, торопливо подошла к Саше.

– Вы к Андрею Владимировичу? Суркова? Александра?

Саша кивнула.

– Андрей Владимировича срочно вызвали на операцию...

– медсестра нахмурила бровки и поправила начавшие окончательно «расползаться» бумажки. – Андрей Владимирович просил предупредить, что Вас осмотрит другой врач. Алек-

сандр Александрович.

«Мне прямо везет в последнее время на мужчин с совпадающими именами и отчествами, – усмехнулась про себя Саша. – А этот еще и тезка»

– Вам нужно пройти в третий корпус. Сто шестнадцатый кабинет. Сейчас обход, так что придется подождать... – уже на ходу крикнула медсестра.

Ожидание доктора, к которому была «перенаправлена» Саша, затянулось. Пришлось звонить в школу, чтобы предупредить что она задерживается и не успеет к началу занятий. К счастью, преподаватель по ритмике был свободен и их занятия поменяли местами. Наконец к двери кабинета очень стремительно подошел высокий худощавый мужчина, в костюме из тонкой хлопчатобумажной ткани, цвета индиго, ясно говорящем о профессии его владельца. Поверх коротко стриженных волос была надета, лихо сдвинутая назад шапочка из той же ткани и того же цвета.

– Вы пациентка Андрея Владимировича? – на ходу бросил он. – Пойдемте.

Быстро и со знанием дела осмотрев больную ногу, доктор неожиданно сказал.

– У вас хорошее тело, -Саша приоткрыв рот удивленно уставилась на него. Хирург усмехнулся.

– Я не в том смысле. Просто мы, хирурги, любим такие

тела.

Он засмеялся, заметив еще большее замешательство на лице пациентки.

– Я не маньяк, не волнуйтесь. Такое строение тела, как у Вас настоящий подарок для хирурга. Сразу видишь каждую мышцу, каждое сухожилие. Поверьте, когда место, требующее хирургического вмешательства или даже просто обычного осмотра, скрыто за слоем жира, это очень затрудняет задачу. А когда оперируешь, особенно.

Сполоснув руки, он вернулся к уже успевшей «привести себя в порядок», Саше.

– К счастью, Вам никакое хирургическое вмешательство не требуется. Ничего такого ужасного я при визуальном осмотре не нахожу. Застарелая травма и в данный момент в месте, где она была, присутствует небольшой воспалительный процесс, очевидно вызванный каким-то нежелательным механическим воздействием. Но не более того. Нужно провести обследования, чтобы была понятна более конкретная картина. Ну, и тогда уже будем смотреть. – Он слегка прищурил серо-голубые глаза и улыбнулся. – Кстати, Андрей Владимирович теперь у нас зав. отделением и у него невероятная загруженность и времени совсем нет. Так что наблюдать Вас буду я. У меня тоже нет времени, но тем не менее...

– Хорошо, спасибо ... – сказала Саша. А что еще можно было сказать. Александр Александрович производил впечатление компетентного специалиста. Так что, наверное, дей-

ствительно хорошо...

Доктор быстро нацарапал направления и сунул Саше.

– Когда все пройдет, снова ко мне на прием. Среда, пятница с десяти до одиннадцати пятнадцати. В другое время приходить бесполезно. У меня не будет времени Вас осмотреть... – он взглянул на часы. – Мне нужно идти, у меня через двадцать минут операция...

Он все делал стремительно, и говорил и двигался.

– Спасибо!...

– До встречи Александра... А мы ведь с Вами тезки, – уже на ходу бросил он.

Глава 14

Вечер был из тех, что можно назвать не иначе, как катастрофой. Перед самым началом выступления Даша Чижова, которая шла первой, заявила, что у нее страшно болит живот. Она согнулась пополам и всячески давала понять, что умирает. Пока носились с заболевшей Дашей, решали вызывать скорую или нет, время начала выступления было пропущено, пришлось объявить, что выступление, в связи с возникшими непредвиденными обстоятельствами начнется на десять минут позже намеченного. Потом, вышедшая первой, вместо Даши Инга Берг потеряла балетку во время пируэта. Девочка смутилась, растерялась и страшно расстроилась, пришлось успокаивать теперь ее. К счастью, Даша со своим животом к этому времени чувствовала себя уже нормально. Следующая участница, очевидно сильно разволновавшись из-за всего, что предшествовало ее выходу, перепутала па и застыла посреди сцены, явно готовая разреветься.

«Да что же это такое!» Саша понимая, что необходимо спасти провальное во всех отношениях выступление вышла на сцену и взяв продолжавшую пребывать в неподвижности девочку за руку вместе с ней поклонилась публике и ослепительно улыбаясь сообщила, что юной танцовщице необходим небольшой перерыв, и сейчас свою вариацию будет представлять следующая ученица балетного класса, а Инна

выступит позже...

– Надя, умоляю, не волнуйся, соберись! Спасай этот чер... ужасный вечер. Я на тебя надеюсь!

Надя – та самая способная девочка, опекать которую, с недавних пор, взялся лично Евгений Евгеньевич Шахин, их нынешний основной спонсор, вскинула маленькую головку с туго затянутым на затылке пучком и грациозно выпорхнула на сцену. Выступление самой способной ученицы прошло безупречно. Саша облегченно выдохнула.

После того как все участницы оттанцевали свои отрывки, они вместе с хореографом вышли на сцену, на традиционный поклон. Публика уже забыла случившиеся в начале небольшие недоразумения. Девочкам хлопали с воодушевлением. Саша благодарила Бога, что все закончилось, при том вполне благополучно. В какой-то момент, бросив взгляд в зрительский зал, Саша встретила глазами с насмешливо-ироничным взглядом Евгения Евгеньевича. Спонсор расплылся в улыбке до ушей и стал аплодировать еще громче и энергичнее. Саша быстро отвела взгляд.

Перед тем как маленькие балерины вместе со своей наставницей должны были покинуть сцену, на нее поднялись двое дежурных, традиционно назначавшихся для подобных мероприятий из учащих старших групп. Юноши несли большую плетеную корзину заполненную цветами. Поставив невероятный букет возле Саши, мальчишки элегантно отвесили легкий поклон и с достоинством покинули сцену. С лю-

бопытством покосившись на необычайно роскошные цветы Саша вместе с девочками склонилась в последнем, прощальном поклоне.

«Обладательнице прекрасной походки танцовщицы». Саша сунула карточку обратно в букет. На всякий случай она мысленно даже начала продумывать вежливый отказ от предложений, вроде, «продолжить вечер» или встретиться в какой-нибудь другой день, но Евгений Евгеньевич никаких попыток пообщаться лично не предпринял. Сразу после окончания оаций, он покинул зал и больше его Саша не видела. Судя по всему, спонсор уже уехал. Она почувствовала облегчение и одновременно с тем что-то вроде легкого разочарования. Мысленно обругав себя за последнее, Саша пошла в преподавательскую за пальто.

Уже на выходе из школы, ее поймал запыхавшийся Игорь.
– Саш! Прости, прости, прости!... – он приложил руку к груди, тяжело дыша от быстрого бега. – Я знаю, что сам предложил прийти... Я не забыл, честно! У меня на работе аврал. Вызвали на фирму, у них там сервер полетел. Все программы и базы снесло, они в панике. Финансовая компания, для них это катастрофа... Кое как удалось восстановить большую часть... Саш! Ну честно, я правда собирался приехать, просто не получилось...

Саша засмеялась.

– Видно сегодня у всех день такой, катастроф... У нас тут

тоже все не совсем гладко прошло, по крайней мере в начале. К счастью, закончилось все благополучно.

Она взяла его под руку.

– Пойдем в ресторан. Отметим окончание сумасшедшего дня.

Он поцеловал ее. Лицо у него сделалось мальчишеское, радостное и беззаботное, как когда они только встретились.

– Я голодный как волк! Вообще ничего сегодня не ел, представляешь?! Так что ресторан это то что надо. .

Саша засмеялась.

– Может, тогда это не такая хорошая мысль насчет ресторана? Наш бюджет выдержит голодного волка?

Игорь обнял ее и прижал к себе.

– Представляешь, я так спешил, что забыл цветы на заднем сидении. Только сейчас вспомнил. Но они ждут тебя там... Видишь, я готовился... – он взял ее маленькую ладонь и крепко сжал. – Саш, я знаю, ты иногда на меня обижаешься. И, наверное, вполне заслуженно. Но я... я люблю тебя. Правда. Ты ведь знаешь...

Она остановилась и заглянула ему в глаза. Испытывая одновременно и нежность, и радость, и грусть.

– Я тоже люблю тебя... И пойдем уже скорее есть. Я тоже проголодалась.

Глава 15

– Александра Вячеславовна! Один из наших спонсоров обратился к нам с предложением дать концерт в интернате для детей с ограниченными способностями. Их компания, является попечителем данного учреждения. Да... И он полагает, вполне справедливо, полностью с ним согласен, что таким детям нужно особое внимание. И поддержка, разумеется. И не только материальная поддержка, но и духовная, так сказать.... Так что нужно подготовить выступление. Мда...

Директор старался не смотреть на раздражавшую его преподавательницу. С момента их ссоры Олег Николаевич затаил обиду. Девчонка перешла все допустимые границы. Будь его воля он распрощался бы с ней еще тогда. Вот так. Но она хороший педагог, результаты работы налицо. Почти во всех проводимых в последнее время конкурсах и на показательных выступлениях ученицы ее балетных групп получают высокие оценки от комиссий и жюри. Даже из мэрии прислали письмо, отметили школу и ее вклад в развитие культуры и искусства и воспитание подрастающего поколения. Да и родители маленьких балериночек необычайно довольны. И главное, и пожалуй самое непреодолимое препятствие, для того чтобы распрощаться с не в меру ретивой дамой, то что их основной на сегодняшний день спонсор, господин Шахин очень впечатлен этой маленькой дрянью, разыгравшей свой

идиотский спектакль как раз перед ним. И он даже так и сказал в своей прямолинейной манере состоятельного человека, привыкшего к тому, что его слушают и выполняют его пожелания : «Надеюсь прекрасная Александра ни коим образом не пострадает вследствие возникшего между вами недопонимания. Хотелось бы, посещая Вашу школу, Олег Николаевич, иметь удовольствие лицезреть очаровательную даму, с ее невероятной походкой и столь неукротимой жадной справедливости» И потом рассмеялся своим смехом крокодила-людоеда. И попробуй ее теперь тронь. Спонсор возьмет и перекроет финансирование. Он такой. Запросто может. А это очень приличные деньги. Даже очень-очень.

Олег Николаевич вздохнул. Тяжела его доля. Многое приходится терпеть. Под многих подстраиваться. Да еще собственный коллектив настоящее змеиное гнездо...

– Прекрасная идея выступить перед детьми из интерната. Мы, разумеется, подготовим программу. Когда запланировано мероприятие? – поинтересовалась раздражающая директора особа своим обманчиво милым голоском.

Саша тоже не имела ни малейшего желания смотреть на директора. Поэтому она смотрела мимо него, «в пространство». Голос ее звучал ровно и сухо. Человек сидевший напротив нее был ее руководителем, и она была вежлива и сдержана. Но этот руководитель был ею глубоко неуважаем. Поэтому ни доброжелательности, ни хоть мало-мальской

симпатии по отношению к нему Саша не испытывала.

Олег Николаевич сообщил, что на подготовку программы у них есть три недели. На этом, к обоюдному удовольствию, они наконец расстались.

Глава 16

– Угу... – изучая рентгеновский снимок и результаты прочих обследований, протянул Александр Александрович. – Ну, что я могу сказать. Так как у Вас в прошлом было сильно повреждено сухожилие, кости голеностопного сустава и коленная чашечка, то, в результате излишних нагрузок это естественно сказывается. – Он посмотрел на Сашу своим немного насмешливым взглядом. – На сегодняшний день ничего страшного. Но вообще, разумеется, стоит избегать подобных ситуаций. Последствия могут быть куда более серьезные и неприятные. Необходимо не забывать, что травмированную ногу нужно беречь. О чем Вам, уверен, говорили уже множество раз. Но я повторяюсь. Такие вещи, почему-то очень легко забываются. Можно жить нормальной вполне активной жизнью, даже заниматься спортом, но помнить об осторожности. Физические упражнения и нагрузки без фанатизма, и главное, избегать переутомления и резких нагрузок. Надеюсь Вы понимаете о чем я говорю.

Саша кивнула. Она понимает. Ей не хуже доктора известно о разнице между умеренно и фанатизмом, когда работаешь на износ, выкладываясь полностью до изнеможения. И как раз этого ей ужасно не хватает. Как не хватает сцены, не хватает ощущения волшебства полета во время танца... Она высоко вскинула голову, справляясь с нахлынувшими

совсем некстати эмоциями.

– Сейчас выпишу Вам противовоспалительный препарат. И нужно будет поделаться внутримышечные инъекции, чтобы остановить воспалительный процесс. Если есть кому колоть, можно дома. Ну или придется приезжать сюда.

– Думаю, я найду кого-нибудь, кто будет делать уколы, – сказала Саша. Ездить в процедурный кабинет через пол Москвы совсем не хотелось.

– Через полгода на осмотр, – протягивая нацарапанные неразборчивым почерком рекомендации, сказал врач. Внезапно он улыбнулся. Возле глаз возникли едва заметные морщинки и вид у него стал озорным.

– А ведь Вы та самая балерина, про которую Андрей Владимирович рассказывал.

Заметив ее удивление Александр Александрович засмеялся.

– Никаких врачебных тайн Андрей Владимирович не раскрывал, не волнуйтесь. Он приводил интернам примеры, как пациенты могут помочь организму ускорить процесс выздоровления при правильном настрое. И самым запоминающимся из этих примеров, была история прекрасной юной девушки балерины, которая обладая огромной силой воли и самодисциплиной, сумела за крайне короткий срок восстановиться после очень серьезной травмы. Никаких имен он ни в одном из приведенных примеров не называл. Насчет Вас, это я уже сам догадался. У вас такая особая осанка и

отлично развитая мускулатура, что я вспомнил ту историю про балерину...

– Как балерина я не состоялась, – спокойно сказала Саша.

– Жаль, – вполне искренне сказал доктор. – Уверен, вы добились бы успеха. У вас очень пропорциональное сложение и двигаетесь вы очень легко. Думаю для балерины это важно. Хотя я и не разбираюсь в балете, если честно.

Саша улыбнулась.

– Главное, что вы разбираетесь в своей профессии. Спасибо Вам.

Доктор махнул ей на прощание.

– Через полгода на осмотр. Не забудьте. Кстати, я понимаю почему Вы были любимой пациенткой Андрея Владимировича, – смеющийся серо голубой глаз с мальчишеским озорством подмигнул Саше.

Глава 17

– А я тебе говорю, что не поеду! И я против того, чтобы мой сын обучался в другой стране. Ты не имел права, не посоветовавшись со мной, заключать со школой контракт. – Ольга со злостью швырнула книгу, которую читала перед приходом мужа.

– Ну что опять начинается? – раздраженно спросил муж. – Оль, что за детский сад? Поеду-не поеду... У меня работа, между прочим, предполагает наличие супруги...

– Наличие супруги?! Работа предполагает наличие рядом с тобой жены, раз уж она имеется? По правилам этикета?! Да?! Да к черту твой гребаный этикет и твою гребаную работу! Возьми свою крашеную тупую шлюху! Отмоешь, причешешь и пойдет, главное, чтобы рот не раскрывала. А так, будет помалкивать, даже могут подумать, что молчит не потому что дура, а потому что умная! – Ольга вскочила с дивана и подлетела к мужу, гневно сверкая глазами. Тонкие ноздри раздувались от злости как у норовистой лошади.

– Если ты не в состоянии не волочиться за всеми подряд, ну хоть бы выбирал нормальных. Или нормальные понимают что ты из себя представляешь?

– Оль! Прекрати!... Скажи, почему ты не хочешь ехать? В чем дело? Что вдруг взбрело тебе в голову? Это же не игрушки.

Ольга одарила супруга презрительным взглядом и отойдя от него вновь опустилась на диван.

– Надоело. Все надоело. И лицемерие это, из которого состоит твоя чертова работа, и ты со своим вечным враньем и со своими бабами надоел. И все что там, вся эта фальшивая блестящая обертка, за которой ничего нет, тоже надоела.

– Хочешь сказать здесь лучше? А что здесь хорошего?! Что?! Там ты живешь в цивилизации, а тут что? И сын наш будет ходить в хорошую частную школу, не с наркоманами и уголовниками, а с детьми из культурных состоятельных семей. Что тут плохого? Почему ты против? Что за придурь?

– Я смотрю ты патриот своей страны, для дипломата это крайне важно, – с презрением глядя на него, язвительно сказала Ольга. Муж сморщил нос.

– Оль, прекрати. Что за ерунда? Патриот, не патриот. Я реалист...

Она снова поднялась и подошла к нему. Слегка склонив голову, глядя на него равнодушным взглядом она холодно сказала:

– Я никуда не поеду. И наш сын, раз уж ты заключил этот чертов контракт, отучится в Барселоне два года и вернется в Россию. Если ты вздумаешь продлить контракт на его обучение я устрою такой международный скандал, что ты станешь персоной нон гранта. Ты меня знаешь. Я до сих пор не подала на развод только потому, что ты обеспечиваешь Никите ту жизнь, которую я хотела для своего ребенка. А мне обеспе-

чиваешь ту жизнь которая мне удобна, и которая в какой-то степени компенсирует мне то, что мой муж врун, лицемер и бабник, который таскается за каждой пустоголовой смазливой девкой, готовой раздвигать ноги перед любым. Так что насколько бы я тебя не неуважала, наш брак меня вполне устраивает. Но я без всякого сожаления поставлю точку. Я материалистка, но не настолько, чтобы не найти в себе силы отказаться от удобного, хорошо обеспеченного образа жизни. Если ты перейдешь черту окончательно. Ясно?!

Муж дипломат матерно выругался и быстро вышел из комнаты. Несколько секунд спустя хлопнула входная дверь. Ольга ухмыльнулась «Ублюдок».

– Мне кажется ты сегодня какая-то расстроенная, – с беспокойством глядя на тетку, сказала Саша. Она обняла ее и прижалась щекой к плечу, обтянутому приятным на ощупь кашемиром. – Я с детства считала тебя самым счастливым человеком. Поэтому сразу заметно что что-то не так...

Ольга засмеялась.

– Берешь пример с бабули? Она тоже сразу все замечает. Глаз алмаз. – Она тряхнула густыми каштановыми волосами. – Все нормально. Никто не может быть постоянно счастлив. – Ольга подмигнула. – Даже я.

– Так значит все нормально? Я не хочу лезть не в свое дело. Просто волнуюсь...

Ольга улыбнулась.

– Все хорошо. Разве у меня может быть по другому? – она достала из сумочки сигареты и закурила. – Просто немного грущу из-за того, что Никитка будет учиться два года в Испании. Влад заключил со школой в Барселоне контракт. Я буду скучать по моему мальчику.

– А ты разве не поедешь с ними? – удивленно спросила Саша.

Ольга покачала головой.

– Мне до чертиков надоела заграница. Я не поеду. Вся эта жизнь, как в рекламном ролике – такая же красивая и такая же ненастоящая. Не хочу снова всего этого... А у тебя как дела?

Саша обвела взглядом небольшой уютный зал рестораника, в который они зашли перекусить. Почему-то на заданный ей вопрос было очень сложно ответить. По крайней мере честно. Она сама не знала как у нее дела. Ольга явно имеет ввиду их отношения с Игорем. А она не знает что сказать.

– Если ты про работу, все нормально. Скоро каникулы, – Саша отвела взгляд, прекрасно понимая, что сбить тетку с толку не удастся. – И я и мои девочки ждём их с нетерпением...

Ольга махнула рукой и рассмеялась.

– Знаю я какие каникулы у девочек из балетной школы. Будут также горбатиться до седьмого пота, только не в школе, а дома или где-то еще.

Саша кивнула и рассмеялась.

– Ну, да. Нельзя терять форму. Ты же помнишь..

Ольга закатила глаза.

– О, да! Каждый раз когда ты как робот повторяла эту фразу в своем детстве, мне хотелось встряхнуть тебя и пинком отправить гулять с твоими ровесниками детишками... Ну, а не на работе как? – Ольга внимательно посмотрела на племянницу и слегка пожала плечами. – Если не хочешь, не отвечай. Я же не бабушка.

Саша вздохнула.

– Я не знаю. Вроде все нормально. И все как-то странно... Мы как будто чужие. И чем дальше, тем сильнее отдаляемся друг от друга. Мы, вроде бы и любим друг друга, и в то же время, не понимаем... Я бываю несдержанной. Мне кажется, что Игорь живет своей жизнью и ему совершенно не интересна моя. – Саша говорила все быстрее и быстрее, она ни с кем не делилась накопившимися переживаниями и теперь, когда она начала говорить, все что было внутри нее словно начало выплескиваться, освобождая измученную сомнениями душу.

Ольга пожала плечами.

– Ну бабушка же не зря окрестила его поскакуном, – она улыбнулась, но тут же вновь стала серьезной. – Она имела ввиду, что существующая между вами разница сразу заметна. Дело не в том, что люди не могут быть разными. Могут конечно. Но когда одна сторона исключительно принимающая, очень сложно не прийти к тому, что эта разница пре-

вратится в противоречие, в разделяющую пропасть. Когда один человек на одной стороне этой пропасти, а второй на другой. И им никак не дотянуться друг до друга. Особенно учитывая то, что тот кто только принимает не прикладывает особых усилий. Я не знаю, Сашка, как уж там в подробностях обстоят у вас дела, но знаешь, я совершенно точно знаю одно – когда в отношениях кажется что что-то не так, значит так оно и есть. Что-то на самом деле не так. Когда все хорошо, не задумываешься так у тебя или нет, а просто наслаждаешься тем что есть.

– Я не знаю, – повторила Саша. – Все как будто... бессмысленно...

– Никто не может давать советов другому как поступать. Это твоя жизнь и только ты сама можешь в ней разобраться. Я только могу сказать, что я с тобой. Всегда. – Ольга потрепала племянницу по волосам, как в детстве. – И что бы ни случилось, я тебя поддержу.

– Ты самая классная тетя во всем мире. – улыбнулась Саша.

Ольга рассмеялась.

– Боже, как давно это было, когда ты мне так говорила, будучи смешной тощей девчонкой с разбитыми коленками, и со своей любимой фразой «Нельзя терять форму».

Глава 18

Выступление в интернате для детей с ограниченными возможностями было встречено его обитателями так восторженно и с такой теплотой, как ни разу за всю многолетнюю Сашину практику. Глядя на детишек с тяжелыми, и судя по всему неизлечимыми заболеваниями, радостно следящими за легкими порхающими движениями девочек балерин, у Саши комок вставал в горле и глаза затуманивались от едва сдерживаемых слез. Взяв себя в руки она улыбалась, объявляла очередную из участниц и название балета, отрывок из которого она должны была исполнять. В заключительной части небольшого концерта, все девочки вместе с Сашей исполнили пару обычных не относящихся к балету танцев. Все были в восторге. Евгений Евгеньевич, присутствовавший на выступлении одарил каждого из обитателей интерната подарками. Персоналу тоже вручили по пакету с презентами. Каждой из юных балерин детишки, из тех, кто мог передвигаться самостоятельно, преподнесли цветы. Саше букет вручал сам Шахин. Намного более скромный чем в прошлый раз, учитывая особенности места где проходило сегодняшнее выступление, но не менее изысканный.

– Александра, позвольте пригласить Вас на обед, – улыбнулся он, галантно подставляя ей свой локоть. Обед, устраиваемый тут же в интернатской столовой, был запланирован

ной частью программы, так что никакого повода отказываться у Саши не было.

– С удовольствием, – улыбнулась она, беря Евгения Евгеньевича под руку.

– Вы прекрасно справились с подготовкой. Отличное выступление, – сказал он. – Я и не сомневался в Вас, как в педагоге. И вы очень талантливая танцовщица, это сразу件нятно. Как только Вы начали танец, стало ясно, что Вы просто созданы для этого. Такая естественность и легкость, что кажется, что проще ничего быть не может. Когда со стороны не заметно ни малейшего усилия, это признак высочайшего мастерства.

Он смотрел на нее широко улыбаясь, как обычно, без всякого стеснения, откровенно разглядывая ее.

– Спасибо. – стараясь не обращать внимания на его слишком нескромный взгляд, сказала Саша. – Вы здорово придумали, решив организовать для этот праздник. Я... у меня слезы наворачиваются, когда я смотрю на этих детей. Ничего не могу с собой поделать.

Он легонько сжал ее руку.

– Жизнь, порой, бывает очень несправедлива. И эти дети вынужденно являются вечными борцами. Они молодцы. Не в каждом человеке, кто здоров и имеет все возможности и преимущества, найдется подобная стойкость и сила духа.

Саша с некоторым удивлением взглянула на него.

– Честно говоря, не ожидала услышать что-то подобное

от Вас.

Он засмеялся.

– Я в Вашем представлении бессердечный делец. Один из лагеря коварных антогонистов.

Саша засмеялась.

– Не преувеличивайте. Уж злодеем я вас точно не считаю. А в остальном, я Вас попросту не знаю. И могу судить лишь по впечатлению, которое Вы производите.

Он расплылся в улыбке, как и при первой встрече напомнив Саше довольного кота.

– И какое же впечатление я произвожу? Знаете, не так часто встречаешь людей, способных говорить действительно то, что они думают.

Саша улыбнулась.

– Мне Вы представляетесь как уверенный, жесткий и достаточно эгоистичный человек, который любит потешить свое самолюбие, совершая время от времени ради этого поступки, которые в глазах окружающих выглядят добрыми и благородными. Вы хотели услышать правду. Так что уж извините.

Его глаза горели задором.

– Вам не за что извиняться. Вы описали меня таким какой я есть на самом деле. – Он рассмеялся. – Так что можно считать Вы меня прекрасно знаете. А хотите я скажу какой я вижу Вас?

– Я даже не знаю, хочу ли я, – смеясь сказала Саша. Они

вошли в столовую и заведующая, расплываясь в самой любезной улыбке, проводила их к одному из уже накрытых столов.

– Проходите! Прошу! Прошу! Места для почётных гостей... Прошу вас... – повторяла она суетясь вокруг.

– Когда вы ворвались тогда в кабинет своего шефа, – склонившись к самому уху Саши, сказал Евгений Евгеньевич, после того, как они, наконец уселись и заведующая отошла от их стола. – я подумал – вот женщина, которая несмотря на внешнюю хрупкость и утонченность, обладает невероятно сильным характером и способностью преодолевать трудности. И мужеством пытаться добиваться того, что представляется ей правильным. И еще я подумал, что она на удивление хороша. Так что я сразу решил, что Вы восхитительная женщина, во всех своих проявлениях.

Саша усмехнулась.

– Думаю, что Вы обманываете. Ничего такого вы не подумали. Уверена, вы оценили внешность, ну и я возможно позабавила Вас своей пламенной речью и реакцией на нее Олега Николаевича.

– Ошибаетесь, – Сашину собеседнику явно доставляла удовольствие их болтовня. Он засмеялся. – Это как раз один из редких случаев, когда я говорю чистую правду. Я подумал именно так как сказал. Красивых женщин очень много, решительных тоже хватает, и сильных женщин достаточно, да

таких, что мужчинам впору поучиться. При желании, можно легко найти женщину на любой вкус. Но чтобы все эти качества сочетались в одной и той же женщине, да к тому же утонченной и аристократичной, такое бывает достаточно редко.

– А давно вы помогаете интернату? – решив сменить тему, становившуюся слишком личной, поинтересовалась Саша. Шахин ухмыльнулся, отлично разгадав ее «хитрость».

– Четыре года назад ко мне обратилась бывшая заведующая. Тогда у них практически не было финансирования. Она стучалась во все двери. Никто ее не слушал и не желал помогать. Я не обладаю какой-то невероятной добротой, как Вы правильно заметили Александра, и меня нельзя назвать особенно чувствительным. Но просьба этой женщины нашла во мне отклик, скажем так. Думаю, нынешней директрисе я бы отказал. Но так сложилось, что тогда я решил помочь. Теперь положение не такое бедственное. Пошли, наконец, какие-то отчисления от государства. Но, конечно, детям, лишенным не только родительского внимания, но и многих радостей доступных их сверстникам, кто здоров, нужно что-то, что поддерживало бы их. Помогало в их борьбе, про которую я уже говорил. Так что теперь это мое обязательство перед ними, если хотите.

– Жаль, что не до всех кто имеет возможность помогать можно достучаться, – сказала Саша. Если бы каждый делал хоть что-то, хоть капельку доброго и нужного, мир стал бы

намного лучше, в нем было бы гораздо меньше страданий.

Евгений Евгеньевич улыбнулся.

– Ко всему, что я о Вас сказал можно прибавить еще долю романтизма, предающего женскому образу дополнительное очарование. Женщина должна быть доброй и сострадательной. Это мужик должен быть твердым, жестким и трезво оценивающим реалии этого мира. Женщина обязательно должна быть хоть немного мечтательницей. Верить в торжество добра, и делиться этой верой с нами, мужчинами, циничными прагматиками.

Евгений Евгеньевич и на этот раз не предпринял никаких попыток «продолжить», «продлить общение», «поближе узнать» и т.д. Сразу после обеда он уехал, сославшись на неотложные дела, требующие его непременно присутствия.

«Ну и хорошо» – подумала Саша. Как-то сегодня они слишком приблизились к некоей грани. Не нужно этого, совершенно не нужно. Ей, так точно...

Глава 19

– Игорь, ты помнишь что в субботу мы едем к бабушке?

– Ммм... к бабушке?

Саша не отрываясь смотрела на своего мужчину, который, в свою очередь, не отрываясь смотрел на экран своего телефона, в другой руке держа ложку, «занесенную» над тарелкой с уже успевшим остыть супом. То ли почувствовав ее взгляд, то ли все же краем сознания уловив, что Саша задала вопрос и теперь ждет ответа, Игорек, наконец, оторвался от смартфона и рассеянно взглянул на подругу, а также на позабытый им суп.

– Да, Саш, я не понял что ты спросила?

– Неужели? Я думала, ты как Цезарь сразу несколько дел разом можешь делать.

Игорь фыркнул. Начинается!

– Я спросила помнишь ли ты, что в субботу мы едем к бабушке. У нее юбилей. Восемьдесят пять лет.

– Да?! – удивление приятеля было столь неподдельным, что Саше захотелось треснуть ему по лбу. И посильнее. Несколько дней назад они обсуждали этот вопрос. Причем Игорь тогда даже не смотрел ни в телефон, ни в компьютер.

– А да, точно, ты что-то говорила, – реабилитировал себя приятель.

– Мы обсуждали что будем дарить. В пятницу. Сегодня

вторник. Я понимаю, что за четыре дня можно все забыть...

Игорь вскинул голову и посмотрел на нее с долей высокомерия и негодования.

– Саш, у меня вообще-то голова много чем занята. Думаешь я только и делаю, что помню все о чем ты сказала?...

– Думаю, что ты вообще не помнишь о том что я сказала, будь то юбилей моей бабушки или просьба сходить в магазин или починить выключатель.

Игорь надулся.

– Саш, а что так трудно напомнить? Ну забываю иногда что-то. Что тут такого? У меня на работе проблем хватает...

– Да и дома тоже. Нужно успеть пересмотреть весь бред в интернете и решить сложнейшую задачу за кого тебе сегодня играть за воина, за колдуна или еще за кого-нибудь несуществующего персонажа. Действительно где уж тут запомнить еще и всякую ерунду из скучной реальной жизни.

Игорь отодвинул тарелку и встал из-за стола.

– Что-то мне есть перехотелось. Когда на тебя постоянно наезжают и давят аппетит пропадает. Ты просто не можешь когда все хорошо и спокойно, обязательно нужно начать выяснять отношения, придирааться, упрекать. Прямо кайфловишь от этого...

Бросив на Сашу взгляд истомленного жизнью страдальца Игорь с видом оскорбленного достоинства вышел из кухни.

Саша застыла, не зная как реагировать. Голова была как ватная. Обрывки мыслей разбегались, не складываясь во

что-то вразумительное и цельное. К собственному удивлению Саша почувствовала что плачет. Слезинки просто выкатывались из глаз, бежали по щекам. Изю всех чувств осталась только обида и усталость. Она устала. От недопонимания. От этого несправедливого равнодушного хамства. Взяв себя в руки Саша принялась убирать со стола.

Когда поздно ночью Игорь лег рядом с уже успевшей уснуть Сашей и начал извиняться, самым большим и искренним ее желанием было действительно ударить его чем-нибудь, наорать, высказать все, вообще все...

– Ну, Саш, ну извини, не дуйся... – сильная рука нежно гладила ее обнаженное плечо, настойчиво перемещаясь к более интимным участкам тела.

– Ну все, ты больше не обижаешься? – промурлыкал Игорь. «Урод, идиот, тупой самовлюбленный эгоист! Как ты меня достал!» – хотелось заорать Саше. Впервые в жизни в ней клокотала ярость. К ней примешивалась обида, неприязнь и еще целый букет исключительно негативных эмоций.

– Сашка, ну хватит дуться, – целуя ее в шею прошептал Игорь. – Ну, я соскучился, а ты?

– Я хочу спать, – убрав его руку и отодвинувшись сказала Саша. Чувствуя как слезы опять подступают к глазам.

Игорь обиженно запыхтел и развернулся к ней спиной. Спустя пару минут Саша услышала мерное посапывание.

Промучившись в течение часа, переворачиваясь с боку набок, Саша встала и пошла на кухню. Игорек спал безмя-

тежным сном, на красиво очерченных чувственных губах играла улыбка. Очевидно ему снились приятные, очень хорошие сны.

Так как последняя ссора плавно переросла в стадию молчаливой отстраненности, и каждая из сторон считала, что первый шаг должен сделать другой, а семейное торжество по случаю восьмидесяти пятилетия Екатерины Андреевны неумолимо приближалось, Саша решила купить подарок, не советуясь больше с Игорем. Тем более, что ему, судя по всему, вообще было фиолетово и на подарок и на само празднование. В четверг после занятий Саша поехала за покупками.

Что нужно человеку, отмечающему свое восьмидесяти пятилетие. Одежда, украшения, предметы интерьера – большинство людей, достигших столь солидной жизненной отметки, вся эта дребедень уже не слишком интересует. Остаются отдельные небольшие радости. Которые, все еще доставляют удовольствие. Приятные мелочи. Кто-то любит хороший чай, кто-то иногда выпить бокальчик хорошего вина, кто-то, сохранив любовь к сладкому, с удовольствием ест конфеты, мед. Кого-то порадует не то что естся или пьется. Теплая шаль, мягкие и уютные меховые тапочки. Возможно, какая-то вещь, на замену нужной и постоянно используемой, но вышедшей из строя. Возможно, кто-то продолжает питать страсть к текстилю, в виде красивого постельного белья, или вышитых салфеток. Так что выбор того чем можно порадо-

вать близкого человека в любом возрасте, имеется. Главное знать что именно, помимо проявления внимания, доставит радость.

Саша наметила себе маршрут. Сначала она собиралась заехать за обожаемым Екатериной Андреевной китайским чаем. В небольшой магазинчик, специализирующийся на продаже элитных сортов чая. Затем нужно было съездить за хорошим красным вином. Которое, в совсем небольших количествах, именинница тоже уважала. И последним пунктом была покупка теплой, красивой шали.

Выйдя из магазина торгующего чаем, Саша пошла к метро, чтобы доехать до приличного винного магазина.

Увидев впереди вывеску кофейни, Саша решила, что чашка кофе не помешала бы. Погода противная, промозглая и горячий кофе то что нужно, чтобы взбодриться и заодно согреться. Дойдя до кофейни, Саша уже собиралась открыть дверь и нырнуть в приятное тепло. И тут сквозь большое оконное стекло ее внимание привлек знакомый силуэт. За столиком сидел Игорь. В компании с незнакомой Сашей девушкой. Возможно, его коллегой, решила Саша. Остановившись на пороге она раздумывала стоит ли заходить внутрь. Хочет ли она встречи и общения с приятелем, с которым они продолжают находиться в состоянии молчаливой ссоры. Решая заходить-не заходить, она рассеянно наблюдала сквозь стекло, как Игорь что-то оживленно рассказывает своей спутнице. Лицо у него было веселое, радостное. Саше

стало грустно. Как давно они сами не болтали друг с другом вот так непринужденно. Они... Они достаточно давно и не ходили никуда вместе. Саша решила, что не пойдет внутрь, обойдется без кофе. Скорее всего встреча будет натянутой. И при постороннем человеке вряд ли получится как-то сгладить сложившуюся ситуацию и уж тем более помириться. Отойдя от двери она еще раз взглянула в окно. Рука Игоря коснулась щеки незнакомки и задержалась на ней. Улыбаясь девушке своей обаятельной улыбкой Игорь склонился к ней и поцеловал в губы долгим очень чувственным поцелуем.

Саша застыла на месте. Сердце бухало в груди, а в области живота сплелся тугой узел и возникло такое чувство что ее со всей силы ударили под дых и она не может дышать. За стеклом Игорь оторвался от губ девушки и прижал ее к себе. Девушка обвила его шею тонкими руками, положив голову ему на грудь. Чувствуя, что сейчас задохнется, Саша судорожно вздохнула. Руки у нее дрожали. Отвернувшись от окна она пошла в сторону метро.

Глава 20

– Привет... – Игорь с удивлением огляделся. Ни на кухне, ни в комнате не горел свет. Он даже проверил время на телефоне, мало ли. Двадцать ноль три. Саша так рано никогда не ложится. – Саш! Ты дома? Чего у нас такая темнота?...

Может пошла по магазинам или встречается с подружкой? Они же не разговаривают, поэтому, видимо решила, что не зачем и предупредить о своем отсутствии. Продолжает разыгрывать из себя обиженную... Игорь прошел в комнату. Что-то было не так, но он не мог понять что. Он дошел до ванной, заглянул на кухню и снова вернулся в комнату. И тут странная, невозможная и совершенно абсурдная догадка что же не так, наконец пришла -Сашиных вещей нет. И нет не потому, что в комнате идеальный порядок и она просто все убрала. Их не было на своих привычных местах, там, где они находились всегда. Игорь подошел к шкафу и распахнул по очереди все створки. Его одежда лежалат на привычных местах, висела на вешалках, а Сашиной одежды не было. Вообще ничего. Две пустых полки в одном отделении и пустые вешалки в другом. Игорь пытался осознать что произошло. Новый бзик? Очередная стадия безумия? Крышу сорвало и на этот раз решила не ограничиваться скандалом, а еще показать какая она решительная и независимая? Что за фигня?!!! Почему женщины так любят разыгрывать

драмы? Почему им не живется спокойно, без истерических выпадов?... Охватившая его злость почти сразу исчезла. И на смену ей пришло другое, непонятное и очень неприятное чувство. Страх? Но страх по поводу чего? Что она не вернется? Что так разозлилась на него что решила уйти? Да нет, ну это же глупость. Бред! Он сам становится параноиком. Уйти из-за такой ерунды, как банальная ссора? Люди не уходят из-за таких вещей, иначе уже вообще все давным-давно бы разошлись... Или уходят? У женщин вообще ничего не поймешь. Их действия лишены логики... Игорь вновь огляделся. Вообще ничего не оставила, ни одного напоминания о себе, словно ее и не было. Если бы она хотела его припугнуть, стала бы она забирать все? Игорь достал телефон и застыл, не набрав номер. Нужно пару минут подождать, чтобы успокоиться. Во время разговора нужно вести себя спокойно и сдержанно. Иначе она может и вправду не вернуться, если он вдруг сорвется, начнет говорить с ней не так как ей нравится.... Она может, может так сделать? Или нет?...

Мобильный в его руках ожил, завибрировал, заиграла зажигательная латиноамериканская мелодия. От неожиданности Игорь вздрогнул и едва не выронил телефон из рук. Он испытал разочарование увидев номер входящего звонка. Он думал, что это Саша... Он был зол, раздражен, растерян. Сейчас было совсем не подходящее время разговаривать со звонившим ему абонентом. Телефон продолжал надирать-ся жизнерадостными аккордами.

– Да...

– Приивеет!... Хотела сказать, что завтра и послезавтра я занята. Так что планируй что-то не раньше воскресенья. О кей?!. – нежное мурлыканье сменилось игривым смехом.

– Я не могу разговаривать... – охрипшим и каким-то деревянным голосом сказал Игорь.

– Ой!... Извини... Что-то случилось?...

– Случилось... я... заболел. Сильно...

– Когда? Чем?... Ты же был в порядке...

– Я не могу говорить! Я же сказал!!!...

– Почему ты кричишь?! У тебя что-то серьезное?

– Серьезное...

Он нажал отбой. Он не хотел слышать ее голос. По крайней мере сейчас. А может никогда...

– Саш, привет... я пришел домой, а тебя нет... И твоих вещей нет. Что происходит? Зачем ты забрала свои вещи? В чем дело?!

– Я от тебя ушла, – ответила Саша спокойно и буднично.

И голос звучал так словно ей вообще неохота говорить с ним, но все же они прожили вместе три года и как человек порядочный она не может попросту проигнорировать его звонок и уж совсем не ответить... Игорь почувствовал как горло сдавило словно тисками, так, что стало больно дышать. И все, вообще все, непонятно почему стало каким-то другим, потерявшим смысл. Словно ничего не осталось. Вот он

жил, жил, был вполне доволен своей жизнью, ну не считая отдельных моментов, и вдруг эта привычная жизнь оказалась ничем. Вообще ничем. Ничего нет, пустота...

– Саша... – с трудом проталкивая слова через сведенное болезненным спазмом горло, свистящим шепотом сказал он. – Что ты придумала?... Саш... что за ерунда?...

– Все кончено, – все тем же «никаким» голосом ответила она.

Игорек сглотнул. Он с шумом впускал и выпускал воздух из легких. Горло наконец отпустило, но от этого не стало легче. Он понял, что она серьезно. Это ни сиюминутная придуришь. Это насовсем...

– Саша! Почему?! Что случилось? Ну поссорились и что? После каждой ссоры расставаться? Саш! Так нельзя, мы же взрослые люди!...

– Так можно, – сказала она и дала отбой.

Игорь зажмурил глаза, продолжая сжимать в руке бесполезный телефон. « Ушла... Ушла... совсем... как такое может быть?... И что теперь?... Ушла... » Он опустил на ковер и заплакал. Почему все так?!... Почему...

Часть 4 «Пируэт»

Глава 1

2016г. Москва

– Саша, Суркова! Ты?!...

На Сашу улыбаясь смотрел Федька Щукин. Вечный двоичник, обожавший списывать домашку у всех.

Саша улыбнулась.

– Привет. Тебя не узнать...

Федька засмеялся. Место лохматого, неряшливо одетого подростка занял симпатичный и очень даже привлекательный мужчина. Одетый явно дорого, по последней моде.

– Саш, ты стала еще красивее. Правда, – ухмыльнулся Федька. – В тебя всегда половина мальчишек была влюблена, потому что ты балерина и красивая. Но сейчас ты еще лучше стала.

Саша засмеялась.

– Ты тоже изменился. В лучшую сторону. Прямо неотразимый мачо.

– Саш, я так рад тебя видеть. Честно. Как твои дела? Ты, наверное уже знаменитость? Я просто балет не смотрю...

– Нет, я не танцую. Я хореограф. Преподаю в балетной школе, в которой сама училась.

– Аааа, – протянул Федька. – А чего так?

– Так получилось, – спокойно сказала Саша.

– Извини... – смутился Федька, почувствовав что затронул неприятную для нее тему.

Саша снова рассмеялась.

– Все нормально. Я смотрю ты после окончания школы преобразился не только внешне. Стал чутким и тактичным.

Федька тоже рассмеялся.

– Я повзрослел. И, наверное, как и все, немного поумнел.

– Ты молодец. Жаль, что далеко не все взрослеют и умнеют, – улыбнулась она.

– Может зайдём куда-нибудь, перекусим? Заодно поболтаем, – предложил Федька.

– Хорошо, пойдём, – беря его под руку сказала Саша. – Только не надолго, а то у меня занятие через час.

– Какая же ты красивая! – повторил он, одобрительно поглядывая на стройную фигуру и нежное, словно озаренное каким-то внутренним светом, лицо бывшей одноклассницы. Тут в Федькиных глазах блеснул знакомый Саше еще по школе озорной огонек.

– А я ведь теперь артист!

Саша засмеялась.

– Ты и раньше был артист... Что серьезно снимаешься или в театре играешь?

Федька изобразил смущение.

– Снимаюсь. Так, немного. В сериалах, в основном в ду-

рацких. Не то чтобы главные роли, но нормально, вполне востребован на рынке индустрии по производству «мыла».

– Здорово! Я, вообще телевизор не смотрю, но скажешь как называются сериалы посмотрю обязательно.

Федька радостно засмеялся.

– Честно говоря, если не согласишься, ничего не потеряешь. Туфта. Но сейчас жду предложения в нормальном фильме сняться. Роль небольшая, но хорошая. Надеюсь утвердят...

– Федь, ты правда молодец. Честно говоря ты такой оболтус был, что я думала ты навсегда таким и останешься.

– Да я сам так думал... А ты с кем-то из наших видишься? Нужно как-нибудь собраться всем...

После встречи с бывшим одноклассником настроение у Саши было прекрасное.

– Александра Вячеславовна! Здравствуйте! – выпорхнув навстречу преподавательнице звонко крикнула Зина Марченко. Два передних зуба у нее отсутствовали, и улыбка до ушей делала ее очень забавной, похожей на мультяшного бурндука из Чип и Дейла. – Олег Николаевич сказал передать, чтобы Вы зашли к нему сразу, когда придете!

– Спасибо...

Олег Николаевич, очевидно почувствовал, что у нее хорошее настроение и решил это исправить. Не горя особым желанием встречаться с директором Саша пошла по направ-

лению к начальственному кабинету.

– А, Александра Вячеславовна! Проходите, проходите...
– проявляя неожиданную любезность и не менее неожиданное расположение, улыбаясь чуть ли не до ушей, затараторил директор.

«Что-то ему сильно от меня нужно», – подозрительно подумала Саша.

– Александра Вячеславовна, сегодня звонил Евгений Евгеньевич и предложил устроить благотворительный бал. Он хочет, чтобы подготовкой занялись Вы. – Директор многозначительно ухмыльнулся. – Ну организацией мероприятия, разумеется, будут заниматься другие, но то что касается танцевально-музыкальной части программы он просил поручить именно Вам. Это прекрасная возможность для Ваших воспитанниц эм... зарекомендовать себя, попасть на глаза, так сказать, нужным людям, кто имеет влияние и авторитет в сфере искусства. И это, разумеется, полезно для школы. Серьезное мероприятие подобного уровня – хорошая реклама, возможность показать результаты того, что мы делаем с лучшей стороны, ну Вы сами понимаете...

«Деньги!» – глядя на расплывающееся в довольной улыбке лицо директора, ехидно подумала Саша. «Единственное, что тебя интересует – это деньги. И этот бал прекрасная возможность получить их в еще большем количестве».

– Так что займитесь этим, Александра Вячеславовна, в

приоритетном порядке, так сказать... Все подробности, Евгений Евгеньевич обсудит с Вами лично. Позвоните ему. Ну или он сам позвонит Вам. Он человек очень занятой, руководить крупной компанией, это сами понимаете. Не всегда есть возможность выделить время для разговора....

– Я понимаю, – заверила директора Саша. Несмотря на удивительную сегодняшнюю любезность руководителя, она не имела желаний задерживаться в его кабинете. Сидевший напротив нее человек давил на нее, был неприятен, противен, хотелось поскорее выбраться «на волю», подальше от фальшивой улыбки и лицемерия.

– Евгений Евгеньевич крайне расположен к Вам... – хихикнул Олег Николаевич при этом слегка дернув глазом, словно он собирался подмигнуть. – И он по достоинству оценивает ваши способности педагога и наставника. И я, разумеется, тоже...

– Спасибо... Я Вас поняла и займусь подготовкой, как только мы обговорим детали с господином Шахиным.

Директор вновь энергично закивал.

– Прекрасно, прекрасно!... – Маленькая дрянь может оказаться весьма полезной. Не зря он ее терпит.

Глава 2

– Александра, рад Вас видеть. Прекрасно выглядите! – Евгений Евгеньевич «традиционно» скользил откровенно-изучающим взглядом по красивой фигуре и лицу Саши. – Я был уверен, что идея с балом Вам понравится.

Саша улыбнулась.

– Разумеется, прекрасная идея. И она понравилась не только мне. Олег Николаевич от нее просто в восторге.

Шахин засмеялся.

– Ну, он печется о благе школы и ее учеников. И конечно о размерах денежных средств поступающих на счет организации, которой он руководит. Всей душой болеет за дело, – он подмигнул Саше.

Встреча происходила в ресторане. Евгений Евгеньевич заверил, что днем у него такой плотный график, что обсудить вопрос касающийся предстоящего мероприятия он может исключительно вечером. Саша не знала врет он или говорит правду, но, собственно говоря, ей было все равно. В конце концов, это деловая встреча, и это все же ресторан, а не номер в отеле, куда ее пригласили под предлогом обсуждения важного вопроса.

– Я давно собирался вырваться чтобы приехать к вам в школу и все никак не получалось. Постоянно какие-то дела. И пока решаешь одни, тут же наваливаются новые. И все все-

гда нужно срочно. – Он помотал головой. – Иногда хочется свободы. От всего. От обязательств, от проблем, от вечных стараний не потерять, не упустить, не сойти с дистанции. В этом мире мы, в основном, живем не для удовольствия, а чтобы вечно гнать на полной скорости вперед, вперед, вперед, ничего не успевая, не замечая более важного и нужного, что мы не способны оценить в своей нескончаемой гонке. Уже даже не понимая зачем мы стремимся вперед, ради чего. И чем больше человек имеет, тем больше он несвободен...

Саша улыбнулась.

– Я постоянно забываю, что Вы философ. Образ дельца скрывает другие стороны личности.

Он внимательно посмотрел на нее. Самодовольная улыбка кота, сменилась на более мягкую и очень обаятельную.

– Я при каждой нашей встрече с Вами собирался пригласить Вас на ужин. – Он засмеялся. – Сам не знаю, что меня останавливало. Какая-то робость может быть. Даже сам не думал, что мне присуще подобное чувство.

Саша улыбнулась.

– Насчет робости, уверена, это преувеличение. Но, в любом случае, я бы отказалась, – спокойно добавила она.

Его брови приподнялись вверх. В глазах было не столько удивление, сколько любопытство.

– Вот как! – он снова засмеялся. – И в чем же причина интересно? Мне казалось, что наше общение не доставляет Вам неприязни. Даже надеялся, что наоборот...

Саша пожала плечами.

– Нет, никакой неприязни. Вы интересный человек, мне действительно приятно общаться с вами. Просто у меня были отношения. Серьезные. И я не сторонница, пусть даже и невинных встреч «на стороне». В этом все равно есть доля предательства.

Евгений Евгеньевич вновь расплылся в своей кошачьей улыбке.

– А знаете чем Вы больше всего привлекли и заинтересовали меня?

– Нет. Не знаю. Вы непохожи на других и очень сложно угадать ход Ваших мыслей, – улыбнулась она. – То о чем Вы говорили раньше, уверена, все же не было действительно правдой.

Он рассмеялся.

– В чем-то Вы правы. Вы красивы, умны, как я уже и говорил, в Вас есть некая утонченность. Уверен, Вы всегда привлекаете внимание мужчин, особенно, учитывая то, что сама Вы к этому не стремитесь, как многие женщины. И это очень заметно. Мужчины охотники, им нравится завоевывать, добиваться, а не брать то что предлагают. Но меня больше всего привлекло не то, что есть и во многих других женщинах, как я уже говорил. А ваша искренность. Вы не способны на притворство. Даже когда притворство сулит большую выгоду чем откровенность, вы выбираете откровенность. Уверен, даже, порой во вред себе. Это редкое качество. Большинство

людей притворщики и лицемеры.

– А Вы относитесь к большинству? – с улыбкой спросила она.

Евгений Евгеньевич рассмеялся.

– Конечно! Я вообще страшный притворщик и постоянно вру. Я же воротила бизнеса, безжалостная акула, как тут недавно окрестила меня в своей статье одна не слишком оригинальная журналистка. Чему их только учат на журфаке, – ухмыльнулся он.

– Значит Вы всегда врите и Вашим словам нельзя верить? – засмеялась Саша.

– Не всегда, конечно. Например сказав, что вы мне очень нравитесь, я говорю правду. Я так понял, Ваши серьезные отношения остались в прошлом. Сегодняшний ужин нельзя назвать свиданием. Эта наша болтовня просто немного необычная прелюдия к деловому разговору. Поэтому, пока мы не начали обсуждать серьезные вопросы я хочу, наконец, пригласить Вас на настоящее свидание.

Он улыбнулся.

– Я не стану торопить события, обещаю. Так что надеюсь Вы не откажетесь.

– Думаю, я рискну, – улыбнулась Саша.

Он засмеялся.

– Мне уже вообще неохота обсуждать этот дурацкий бал. Видите, я сегодня сама честность.

– Надеюсь, идея с балом не была частью хитроумного

плана заядлого притворщика? – с некоторым возмущением, смеясь сказала Саша. Шахин радостно расхохотался.

Глава 3

Дом был большим и очень светлым. Саше нравилась «воздушность» пространства, не переполненного ни лишней мебелью, ни «коллекцией» скапливающихся у большинства людей ненужных им вещей, из разряда «ну не выкидывать же». Все было просто, чуть ли не по-спартански. И было совершенно очевидно, что эта простота очень-очень дорогостоящая. Минималистичный шик. И сад, окружавший дом и уходивший к окружающему участку с трех сторон лесу, тоже был воздушным и легким. Словно растущие в нем деревья кружились в танце. «Если бы я представляла себе дом своей мечты, я бы, наверное, представила его именно таким», – думала Саша. Она никак не могла до конца привыкнуть к этому простору и тишине, царившей вокруг, после городских квартир с их скромными габаритами и суетливой, шумной жизни города. Ей нравилось само место. Не то чтобы оно вызывало у нее чувство «дома», скорее ощущение свободы. Она сравнивала его с балетом. С тем, какой свободной и легкой она чувствовала себя во время танца. Полет и необъяснимая заполняющая собой все вокруг радость.

Роман, задержавшийся со своим началом, развивался быстро и как-то очень естественно, и теперь уже казалось, что никакого другого варианта развития и не могло быть. Все было предопределено...

Впервые в жизни Саша чувствовала в отношениях именно легкость без всяких «но». Впервые она не задумывалась, а что будет потом. Как все будет меняться. Каким станет какое-то время спустя. Она просто жила. Словно паря, словно оставив все сомнения, переживания и неприятные мысли. Она даже не знала любовь ли это. Это была связь. Не физическая, не материальная, не связанная с теми или иными действиями и поступками. Она не могла объяснить значения этой связи, дать ей названия. Она просто была. Особенная, не похожая на все, что происходило с ней раньше, что она наблюдала в отношениях других людей.

– Мы, наконец, получили разрешение на застройку большого участка на северо-западе Москвы. Как всегда проводочки и бюрократия. Каждый ждет своей порции «корма» и пожирней, и еще дополнительно тянет, набивая цену, – намазывая подрумяненный тост джемом, сказал Шахин. – Будет строиться элитный жилой комплекс. Строительство будет вестись в несколько этапов, так что план долгосрочный, так как проект очень масштабный.

Он улыбнулся своей улыбкой Чеширского кота.

– И, соответственно очень прибыльный. Элитное жилье – всегда востребовано и всегда прибыльно. Мне вот пришла такая мысль, почему бы для названия не взять что-то связанное с балетом. Как тебе такая идея?

Саша засмеялась.

– Неожиданно. И здорово, наверное. Я не разбираюсь в элитном жилье и его названиях, но это необычно.

Он взмахнул ножом для масла как дирижерской палочкой.

– Именно, в этом и суть идеи. Все необычное всегда привлекает. Я сам тоже не знаток в данной области, я больше по части жилья, хоть элитного, хоть нет, – он рассмеялся. – Так что может подкинешь идею? Будет такой творческий тандем. Это же прекрасно созидать совместно.

– Я подумаю, ладно? Это очень ответственное задание, – улыбнулась Саша. – Но идея мне нравится, правда.

– Подумай. Кстати, как там еще один любитель «прикорма», твой обожаемый директор, не дурит?

Саша покачала головой.

– Что ты, он так боится, что ты лишишь его финансирования, что ведет себя образцово-показательно. Даже какие-то более менее приличные деньги на саму школу стали выделяться.

Шахин изобразил жест «я слежу за тобой»

– Ну, он же не дурак. Знает, что он «под присмотром», – смеясь сказал он. – Честно говоря, кормить эту ненасытную пиявку у меня особого желания нет, так что пусть старается на благо детишек.

Саша с интересом посмотрела на него.

– А почему ты вообще стал спонсировать нашу школу? Ты не особенно любишь балет, живопись или классическую

музыку. Почему тогда ты сделал такой выбор. И почему вообще решил заняться спонсированием?

Евгений Евгеньевич пожал плечами и быстро покончив с остатками тоста сказал:

– Это полезно для бизнеса. Вот и все. Благотворительность всегда является плюсом. Располагает, создает благоприятное впечатление, придает дополнительную респектабельность и надежность статусу компании. Благотворительностью, в широком смысле, занимаются те, кто твердо стоит на ногах. А благотворительность в области искусства, да еще связанная с поддержкой юных талантов, это вообще беспроигрышный вариант. Удачный пиар-ход. Порой бывает очень полезно, упомянуть, что твоя компания занимается благим делом.

– Ты ужасный человек! – полушутя, полусерьезно сказала Саша.

– Я деловой и прагматичный человек. Поверь мне, в большинстве случаев благотворительность не имеет никакого отношения к доброте. По крайней мере благотворительность в тех масштабах о которых мы говорим. Это часть все того же бизнеса. И это всегда продуманное вложение денег, с обязательной отдачей и пользой для того, кто жертвует. – Он пожал плечами. – Таков этот мир.

– Кошмар! Лучше бы я не спрашивала!

Евгений Евгеньевич вновь пожал плечами и улыбнулся.

– В следующий раз сокру что-нибудь приятное, чтобы не

расстраивать тебя и не рушить твои иллюзии, моя прекрасная богиня.

Саша засмеялась.

– Все-таки ты ужасен.

– Да. И я с этим не спорю. Но зато ты прекрасна и мы друг друга дополняем. Свет и тьма, добро и зло. Полная гармония...

Он взглянул на часы:

– Все, пора бежать. Труба зовет. И кстати, классическую музыку я люблю. – Он засмеялся, – хоть и не разбираюсь в ней, как ты правильно заметила.

– Сашка, а ты счастлива? – Ольга с искренним интересом смотрела на племянницу.

Они забрались с ногами на большой обитый зеленым бархатом диван в Ольгиной гостиной и пили кофе. Уютная обстановка располагала к откровенности.

– Я не знаю. Наверное... Раньше мне много раз казалось, что я счастлива. Но это было по другому. Сейчас мне хорошо. Легко... Я чувствую себя свободной.

Ольга засмеялась.

– Ты – счастлива! Очень немногие люди чувствуют себя свободными. Большинство, постоянно что-то тянет, что-то мешает сбросить груз проблем, страхов, переживаний. Мы все время чего-то боимся. Боимся упустить, недополучить, да вообще просто жить. Чувствовать себя свободной – это

счастье.

– А ты счастлива?

Ольга усмехнулась.

– Да. – точеные плечи сделали плавное движение. – Счастлива. Но не так как ты. По другому. Я счастлива, потому, что я живу. Потому, что у меня есть близкие люди. И я люблю их. И они любят меня. Но это такое «общее счастье», в силу характера и мироощущения. Такое счастье, которое есть у многих, просто они его не замечают и поэтому не умеют ценить. Всю жизнь могут прожить и так и не понять, что были счастливы. Я счастлива, но при этом, я не чувствую свободы...

На несколько мгновений лицо ее стало серьезным, но тут же промелькнувшая во взгляде грусть сменилась привычным жизнерадостным озорным огоньком.

Глава 4

В воскресенье Шахин повез Сашу в загородный клуб. У него была назначена встреча, Сашу он взял просто потому, что не захотел с ней расставаться в единственный, по сути выходной. И, заодно, чтобы она могла хорошо провести время. В клубе был отличный бассейн, сауна, СПА. Саша любит плавать. Сходит на приятные процедуры. Так что всем будет хорошо.

Саша подошла к краю бассейна и уверенно оттолкнувшись от кафельного покрытия с легкостью нырнула в бирюзово-голубую воду, стремительно заскользив под ее поверхностью гибким, натренированным телом.

Роман Геннадьевич проводил стройную фигуру плотоядным взглядом.

– Хороша! – причмокнув толстыми губами, сказал он восхищенно. – Повезло тебе, какую куколку отхватил.

Он погрозил пальцем и хрипло рассмеялся.

– Я собираюсь жениться на ней, так что прояви чуть больше уважения, – многозначительно ухмыльнулся Шахин. Роман Геннадьевич насмешливо скривил рот.

– Зачем тебе жениться? Я женат тридцать лет, и могу сказать точно, что ничего хорошего в браке нет. Одни проблемы. Конечно, твоя избранница молода и хороша собой, но

это все проходящее явление. Если ты до сих пор не совершил глупость и не женился, так к чему сейчас ее совершать? Все приедается. Через какое-то время найдется более молодая, красивая, сексуальная, а ты уже связан...

– Я не считаю, что в данном вопросе лучший вариант искать от хорошего что-то еще более хорошее, что кстати, в большинстве случаев оказывается полной ерундой. Под красивой оберткой нет ничего из того что ожидалось. Шиш с маслом, вместо желанной мечты. Похоть отключает разум, и когда руководит она, это не делает чести тому, кто не в состоянии ее обуздать и готов превратиться в идиота при виде очередной пары сисек или упругой задницы. В отношении, как и в бизнес необходимо вкладываться. И не только материально. Так какой смысл тратить силы, средства и время, если какое-то время спустя нужно будет начинать все заново, – голубые глаза смотрели на собеседника с холодным презрением. Роман Геннадьевич почувствовал себя не вполне уютно под этим словно проникающим в душу взглядом.

– Мы по разному смотрим на подобные вещи, – примирительно сказал он. – Я-то не развожусь только потому, что себе дороже. Делить то что нажито не очень-то хочется, сам понимаешь. Так что то что ты имеешь, друг мой, превращается в настоящие кандалы, держит не отпуская. Я именно с этой точки зрения тебе говорю насчет брака. В молодости-то не задумываешься о таких вещах, когда еще терять нечего. А с возрастом умнеешь, да уже поздно. Ты с ног до головы

повязан...

– Ладно, что там по нашему вопросу с застройкой? – спросил Шахин. Жирный, вечно недовольный, на этот раз, собственным браком Роман Геннадьевич его раздражал.

Страдающий супруг, с тридцатилетним стажем, а также чиновник, занимающий свое хлебное местечко почти так же долго, расплылся в самодовольной улыбке.

– Все нормально. Ваш вопрос на первой очереди, все уже на стадии согласования, никаких неожиданностей быть не должно. Нужно дать миллион-полтора, чтобы еще все ускорить. Так что я жду от тебя бабки и потом сразу запускаю процесс на полную, подключаю к делу нужных людей...

– Завтра деньги переведут. Нужно действовать поактивнее. Время слишком дорого стоит.

– Разумеется, разумеется, – закивал Роман Геннадьевич продолжая следить взглядом за красивой подружкой собеседника. Вот ведь везде поспел, мерзавец! Бывают же такие, во всем удачливые...

– Не люблю такие места, – лениво произнес Евгений Евгеньевич, лежа рядом с Сашей на одном из шезлонгов возле бассейна. – Самодовольные рожи. Все пропитано неестественностью и лицемерием. Как стая пираний, только и ждущих, где что урвать. – он засмеялся. – Я сам такой, поэтому все остальные меня и раздражают.

Саша с некоторым удивлением посмотрела на него.

– Зачем тогда приезжаешь на встречи в такие места, где тебе не нравятся и раздражают себе подобные, – улыбнулась она. – Можно встречаться в офисе или еще где-то.

Он провел кончиками пальцев по гладкой упругой, невероятно приятной на ощупь коже ее спины.

– Некоторые вопросы лучше решать в таких местах, пафосных, но при этом достаточно интимных, где намного меньше любопытных глаз и ушей.

– Секреты? – засмеялась Саша.

Он пожал плечами.

– Просто часть процесса. Любой бизнес это множество секретов.

Перевернувшись на спину он разглядывал ее, как и раньше, откровенно нескромным взглядом.

– Ты никогда не рассказывала почему не сложились твои прежние отношения.

– С чего вдруг тебя это заинтересовало? – пожала Саша плечами. – Это не самая приятная тема. И я вообще уже не думаю об этом...

Он дотронулся до ее губ и осторожно провел по ним кончиком пальцев.

– Любопытство. И может быть желание учесть ошибки прошлого и не допускать их самому. Мало ли...

– Я увидела своего молодого человека с другой женщиной. Случайно. – Саша дернула плечиком. – Причина расставания была в этом. Возможно, мы бы и так расстались

позже из-за отсутствия понимания. Скорее всего так и было бы. Просто это ускорило процесс...

Он задумчиво кивнул.

– Измену мало кто способен простить. Особенно женщина.

– Дело не в измене. Дело в утрате доверия. Если оно исчезает то уже ничего не может быть...

– Ясно. Наверное я соглашусь с тобой. Когда лимит доверия исчерпан, отношения связанные с духовной близостью, в том числе, обречены.

– Да... Не хочу об этом говорить, – поднимаясь со своего места, сказала Саша.

– Извини. Но я рад что ты рассказала. Вообще очень неожиданно, если честно. Тот парень очень глуп, если так поступил...

– Ты первый кому я об этом рассказала. И я больше не хочу об этом вспоминать. Это все в прошлом... – сказала Саша и пошла к бассейну.

«Какая же невероятная походка!...» – взглянув ей вслед, в который раз подумал он. «А парень-то и правда, идиот. Как раз из тех кто от хорошего ищет еще лучшего, а в результате оказывается в полном дерьме...» Он прикрыл глаза, наслаждаясь короткой передышкой в сумасшедшем ритме нескончаемой гонки жизни.

Глава 5

Они стояли в набегающей легкими, почти невесомыми волнами воде. Приятная прохлада обволакивала ступни ног, лаская их нежными прикосновениями и вновь исчезала, с шуршанием уносясь обратно в океан, чтобы несколько секунд спустя вновь вернуться.

Шахин закатал широкие льняные штаны до колен и с улыбкой смотрел на расстилающуюся до горизонта ярко-голубую водную гладь. Он успел сильно загореть, черты лица разгладились и он выглядел гораздо моложе своих лет, почти что Сашиним ровесником. Кончиками пальцев он едва касался ее пальцев. И они оба чувствовали необыкновенную легкость и состояние покоя и умиротворения.

– Я думаю мне пора сделать тебе предложение, – сказал он, как будто речь шла о выборе места где им сегодня поужинать.

Саша засмеялась.

– На тебя так подействовала романтика места? И если это действительно предложение, оно странно звучит. Необычно, по крайней мере. Как будто тебе вдруг пришла неожиданная мысль.

Он тоже засмеялся.

– Это не предложение. Пока... И, на самом деле, я давно об этом думал. Но, возможно это старомодно и выглядит ка-

кой-то причудой, но я считаю, что просить руки нужно, как это делалось раньше, у твоей семьи. Мне кажется это правильно. Хотя, сейчас это уже и не принято...

Саша обняла его за талию.

– Ты вообще очень необычный человек, – в ее голосе слышалась нежность и легкое вполне безобидное подтрунивание.

– Кстати, мне кажется, что вообще предложение делается для родственников, а между собой этот вопрос нужно обсуждать заранее. Иначе, когда мужчина решившись предложить руку и сердце, стоит на коленях в свете луны и с замиранием сердца ждет ответа своей избранницы, возможны три варианта развития событий. Первый, вполне счастливый, к обоюдной радости и согласию друг с другом. Она говорит «да», потому что действительно хочет так сказать и все, хеппи энд, по крайней мере на данный отрезок времени. Второй вариант, она не знает, что сказать, или она скорее даже хотела бы ответить «нет», но не может найти в себе силы, боясь обидеть его своим отказом и в результате говорит «да». Естественно, вероятнее всего, никакого хеппи энда тут не будет. Оба будут несчастны, может не сразу но через какое-то время. И третий вариант, она честно говорит «нет», и отвергнутый мужчина чувствует себя униженным и обманутым в своих надеждах. Согласись – счастливый конец истории из расчета один к трем, это слишком низкий процент везения. Лучше просто обсудить все, без излишней театральности и

драматизма, чтобы никто не чувствовал себя неловко.

Саша расхохоталась.

– Боже, ты прагматик во всем. Я уже даже не знаю, что я тебе отвечу, когда ты сделаешь свое официальное заявление моей родне.

– Подумай, у тебя как раз есть время, – он улыбаясь смотрел на нее, любуясь гладкой загорелой кожей, смеющимся озорным взглядом серых глаз, наполненных внутренним светом, стройной фигурой в белом легком платье, забрызганном каплями соленой воды.

– Хорошо, я подумаю...

Глава 6

– Идиотское интервью, на х... оно кому-то нужно. Не нужно было давать согласия. Пустая трата времени, – Евгений Евгеньевич, вокруг которого суетился гример, сердито зыркнул на зама, сидевшего в соседнем кресле.

– Ну что ты такое говоришь, Жень?! – усмехнулся зам, над совершенствованием внешнего вида которого, колдовал другой мастер по гриму. – Для престижа компании важна реклама такого уровня. А она известная журналистка. У ее программы хороший рейтинг.

– Нахрена нужна такая реклама, с помощью дебильного шоу блондинки сплетницы?! Ее программа отстой, сам, надеюсь знаешь, – отпихивая рукой окончательно надоевшего ему стилиста рывкнул Шахин. – Думаешь без так называемой рекламы этой крашеной дуры люди перестанут жильё покупать?

Зам засмеялся.

– Да брось. У программы Варвары Писаренко, которую ты называешь крашеной дурой очень большая аудитория. Люди любят такое, слегка со скандальным душком, – зам засмеялся. – Чем тебе помешает, что о нас, лишний раз упомянут в СМИ. Публика любит эту крашеную дуру. Она освещает волнующие людей вопросы. А тема жилья, как раз очень интересуется общество склонное плодиться и размножаться и

имеющее постоянную потребность в наличии все новых и новых площадей. Жить всем где-то нужно, а тем у кого есть бабки хочется не просто жить где-то, а жить дорого, с комфортом. И не меньше обывателей интересуют крупные компании, в принципе. Как там все происходит, как зарабатываются астрономические по их меркам деньги... Ладно, ничего не случится из-за пары часов потраченных на съемки.

Какое-то время ушло на то, чтобы наиболее «выгодно» расположить участников съемки, чтобы картинка, в целом, смотрелась эстетично. Журналистка и телеведущая Варвара Писаренко, не так давно взошедшая на «Олимп» популярности и признания, придавала «композиции» очень большое значение. Считая, что, как минимум треть успеха именно в эстетике зрительного восприятия. Публика с гораздо меньшим интересом смотрит сюжеты снятые как попало, с плохо выбранным ракурсом и не цепляющей глаз компоновкой изображения.

Интервью, по мнению Евгения Евгеньевича, как он и ожидал, было ни о чем. Журналисточка, правда, неплохо подготовилась. Быстро пробежалась по истории компании. Как она создавалась, как шло развитие. Попутно задавая довольно оригинальные «не избитые» вопросы первым лицам – гендиректору, одновременно являющемуся и владельцем, и его заму. Потом опять же достаточно бегло, чтобы не утомлять

зрителя прошлась по основным достижениям, по построенным объектам, а также планам на ближайшее будущее. Приправляя рассказ любопытными подробностями и умело, достаточно умеренно используя «современный слэнг», чтобы еще сильнее расположить и завлечь зрителя. Ослепительно улыбаясь камеру, она, словно говорила: «Вот, посмотрите, большой бизнес, а ведь точно такие же люди, как и все, и такие же проблемы, просто немного масштабнее». Со своей задачей облечь даже не особенно интересную тему в форму небольшого шоу она прекрасно справлялась. Евгений Евгеньевич, по прежнему считал все это действительно пустой тратой времени, но он ясно понимал почему журналистка и телеведущая, не отличающаяся каким-то особым умом или оригинальностью высказываний и истинным журналистским талантом, приобрела популярность и признание. Варвара Писаренко однозначно, обладала очень полезным в ее работе умением – давать публике то, что ей понятно, чего она ждет, информацию, не важно о чем, но обличенную в форму сплетни, «перемывания костей между своими». Возможность «ощущать себя в теме» очень востребована. Большинству плевать не только на саму компанию, но и на сферу ее деятельности в целом. Но «подноготная» того каким образом крутятся большие деньги, неизменно привлекает. И неважно, что ничего «такого», из ряда вон, сказано журналисткой не было. Она мастерски создавала видимость раскрытия настоящих секретов и тайн. Шоуумен, одним сло-

ВОМ.

Евгений Евгеньевич чувствовал себя крайне раздраженным. На весь этот цирк ушло не два часа, как было обещано, а полдня. Да еще жарница в студии была невыносимая. Он чувствовал как под дорогим пиджаком не менее дорогая рубашка равномерно и неприятно прилипла к телу по всей поверхности спины. Он уже вынашивал планы, что именно выскажет ретивому заму, которому взбрела в голову придурь «позвездить» на ТВ.

В конце интервью Варвара Писаренко, традиционно выдала небольшой заключительный монолог.

Пристроившись рядом с гостями хорошенькая ведущая ослепительно улыбаясь и трогательно хлопая бесконечно длинными ненатуральными ресницами, радостно защебетала:

– Сегодня мы в очередной раз убедились , что название нашей программы совершенно верно утверждает – «Все в твоих руках!»

Ведущая ткнула указательным пальчиком в сторону воображаемой зрительской аудитории и покачивая бедрами двинулась вперед, «на камеру». Сделав несколько шагов и приняв непринужденно-эффектную позу она продолжила:

– Какой бы нереальной не казалась нам наша мечта, нужно твердо верить в успех и идти к намеченной цели. Наш герой – человек, воплотивший нереальные мечты в реальность. Он

успешен, богат и получил все то, чего добивался, начав свой путь фактически с нуля. Он выбрал «свою цель». И как мы видим, этот выбор был абсолютно верным.

Тот же, кто изначально делает ошибку в выборе и от того идет не по той дороге, в результате, приходит в никуда. Как, например, некогда близкие товарищи нашего героя, с которыми они вместе росли. В одних и тех же условиях, в одно и то же время. Жили в одном дворе и учились в одной школе. В то время пока наш герой делал первые шаги к успеху, товарищи по детским играм совершали совсем другой путь. В финале – драматичная развязка. Не та цель, не та мечта. И вот жестокая реальность перемалывает своими жерновами судьбы тех кто совершил ошибку и шел не туда.

Важно помнить – то что мы получаем в итоге, это результат того, что мы сами для себя выбираем.

Мечтайте, стремитесь, идите к цели. Делайте правильный выбор и верьте в успех. С вами была Варвара Писаренко.

Смотрите нас. Мы раскрываем неизвестные стороны жизни большого города и рассказываем то, о чем не расскажут другие – подробности и интересные факты о тех, кто меняет этот город, задает его ритм. А к лучшему ли эти изменения или нет, решать вам.

Пока, пока, увидимся! Чао!

Главный герой программы даже не заметил, как к нему подошел работник студии чтобы отстегнуть прикрепленный

к лацкану пиджака микрофон. Духота сделалась непереносимой. Казалось, что в воздухе не осталось кислорода. Идиотская программа, тупая корова ведущая, с ее кукольным лицом и бессмысленной болтовней...

– Мне нужно ехать, – резко сказал Шахин вновь подплывшей к нему своей сексуальной походкой ведущей .

– А я думала, мы еще побеседуем, – прощепетала она, кокетливо улыбаясь и хлопая ресницами, размером с крыло бабочки. – Я подумала, что можно написать еще статью о Вас и Вашей компании. Мне кажется это будет интересно. У меня довольно обширная читательская аудитория. Буквально несколько вопросов...

– В интервью достаточно информации, – сухо сказал Евгений Евгеньевич, и не обращая внимания на продолжавшую что-то вещать журналистку пошел к выходу. Его зам, занимавшийся переговорами относительно съёмок, и успевший слегка пофлиртовать за это время с ведущей, с многозначительным видом развел руками и поспешил за боссом.

Глава 7

По субботам Евгений Евгеньевич, если была такая возможность, предпочитал работать дома. За неделю накапливалось большое количество документов, которые необходимо просмотреть, доработать, и тд. С понедельника по пятницу он был в постоянных разъездах, либо проводились какие-то совещания, либо нужно было решать текущие вопросы, и на бумажную ерунду времени не оставалось. Так что суббота, в любом случае, была для него рабочей, но, по крайней мере, ехать никуда не было нужно.

У Саши шла подготовка к очередному зачетному выступлению и на две ближайшие субботы у нее тоже были назначены занятия.

Саша с самого утра чувствовала себя не очень хорошо. Ее морозило и голова была словно набита ватой. Она провела четыре запланированных часа занятий, по два с каждой группой участниц выступления. Сложно было сосредоточиться, все время хотелось присесть. Саша взяла себя в руки и кое как закончила вторую пару, хотя у нее уже было только одно желание добраться до дома, залезть в кровать и уснуть.

Включился видеофон, установленный на воротах при въезде на участок.

– Евгений Евгеньевич! – пропела телеведущая Варвара Писаренко. – Прошу прощения, что без предупреждения. Мне нужно поговорить с Вами. Важный разговор, много времени я у Вас не отниму, обещаю.

Девушка кокетливо улыбнулась.

«Чтоб ты провалилась!» – нажимая кнопку открытия ворот, мысленно пожелал незваной гостье Шахин.

Варвара вошла в гостиную с интересом осматривая минималистичную роскошь. На ведущей был элегантный брючный костюм из гладкой черной ткани, красиво облегающий и подчеркивающий достоинства фигуры.

– Чем обязан? – буркнул Евгений Евгеньевич без всяких предисловий, пока гостья рассматривала все вокруг.

Варвара улыбнулась, но в глазах отражалась тревога и напряжение.

– У Вас красивый дом, – сказала она подходя к большому дивану и плавно опускаясь на него. Было впечатление, что она разыгрывает роль светской львицы и крайне уверенной в себе женщины, но на самом деле все это маска и она просто изо всех сил старается не показать что сильно нервничает.

– Я работаю, – почти грубо сказал хозяин дома. – Так что это за неожиданный, визит?

Девушка рассмеялась нарочито весело и беззаботно.

– Господин Шахин, так случилось, что я до недавнего времени, снимала квартиру, в которой когда-то проживал некий

Вениамин Прилепский.

Она внимательно наблюдала за лицом собеседника. Но оно оставалось непроницаемым. Лишь линия рта как будто стала чуть жестче.

– Квартиру мне сдавала сестра этого самого Вениамина Прилепского. От нее я и узнала об этом человеке. Она слегка чудаковатая женщина, но не суть...

– Послушайте, Вы считаете что мне нечем заняться кроме как выслушивать идиотские истории, которые Вам, по непонятной причине, захотелось мне поведать, да так сильно захотелось, что Вы притащились сюда, в мой дом? – взгляд хозяина дома был злым и голос тоже. – Я слышал, что вы сидите на наркотиках. Может Ваш визит это результат принятия очередной дозы?

Она вздрогнула. Улыбка сползла с миловидного лица.

– Я прекратила прием наркотических средств. Это тут ни при чем... – ее взгляд тоже стал злым и колючим. – Я думаю, в Ваших интересах выслушать меня. Я специально приехала к Вам домой, потому что это не тот разговор, который уместен в офисе или в ресторане. Думаю Вы и сами со мной согласитесь.

Шахин взглянул на часы.

– У Вас пять минут.

Она почти надменно вскинула голову.

– У меня столько сколько понадобится. Повторяю, в Ваших же интересах меня выслушать.

Она небрежным движением расправила складки пиджака. Шахин заметил, что руки у нее слегка дрожат.

– Я рассказывала о своей квартирной хозяйке. Время от времени она приходила ко мне убираться и пока она занималась уборкой, все время что-нибудь рассказывала. Она очень большая любительница поболтать. А я люблю послушать людей, в силу своей профессии. Даже таких чудаковатых. Порой узнаешь интересные вещи. И так оно и вышло на этот раз. Эта моя квартирная хозяйка очень часто рассказывала мне о своем брате. Венике. Про его детские годы, про то как он учился в школе. И рассказала как в начале девяностых он трагически погиб. Сгорел в машине вместе со своим другом Максимом Ступко. Судя по всему они были связаны с криминалом и кто-то с ними разобрался. Как это часто тогда бывало. Как-то она принесла фотографии брата. Совсем детские и постарше. И там была хорошо сделанная школьная фотография. Очень удачная и четкая. Лицо одного мальчика показалось мне знакомым. Я совершенно точно уже видела это лицо, но только повзрослевшее. Несколько раз попадались статьи в интернете об этом человеке. Моя квартирная хозяйка подтвердила, что моя догадка верна, имя мальчика Женя Шахин, и он был другом ее брата Веника. А в следующий раз она, видимо окончательно проникшись доверием ко мне, принесла дневник своего брата. Оказывается он вел дневник чуть ли не с шестого класса и до самой смерти. Ну с точки зрения литературы, это скорее короткие

разрозненные записи, в основном о сексуальных желаниях и фантазиях автора и всякой другой ерунде. Но в самом конце было несколько довольно длинных записей, более менее напоминавших связное повествование. В одной из них говорилось о двух калмыках, которым перерезали горло. Особых подробностей не было, но все же было понятно, что Веник был участником событий, ну или представлял себя им. А дальше была запись о большой сумме денег, обозначенной автором дневника буквой X и о том, что эти деньги они собирались пустить в дело вместе с дальним родственником. И Веник явно переживал по этому поводу, потому что опасался неких П. и К. Я осторожно поинтересовалась у своей хозяйки по поводу родственника и она рассказала любопытную историю. Этот их родственник, приходившийся им чуть ли не четвероюродным дядей, спешно переехал из деревни, в которой прожил всю жизнь, и никто из родни не знал куда именно он уехал. А через пару лет объявилась его жена и сообщила, что ее муж исчез. И так и не нашёлся. Пропал бесследно. Интересно правда? Но самое интересное, что как раз вскоре после этого загадочного исчезновения дальнего родственника трагически погиб сам Веник. И как-то сразу в голове возникает цепочка деньги-исчезнувший родственник-смерть Веника. Тех или того, кто убил Веника и его приятеля так и не нашли. Да, думаю, особенно и не искали. Такие времена были...

Журналистка пристально смотрела в глаза хозяина дома.

– И к чему вся это, по прежнему идиотская история? – угрожающе спросил он.

Она натянуто улыбнулась.

– Не стану утомлять Вас подробностями. Я кое что выяснила по своим каналам. Не слишком значимые подробности. Но из всего вместе сложилась вполне определенная картина, при сопоставлении определенных дат и имен – Вы причастны к смерти всех этих людей. Уверена, этот дальний родственник тоже давно мертв и умер явно не своей смертью. И деньги, про которые писал Веник, думаю, это тот первоначальный капитал с которого Вы начали свое дело. И именно из-за них умерли все эти люди. Так что Вы очень даже причастны к их убийствам.

– Вы сумасшедшая?! – голос Евгения Евгеньевича звучал холодно и совершенно спокойно.

– Как я и сказала, я действительно прекратила употреблять наркотики, но я наделала долгов. Так вышло. И мне нужно расплатиться... Предлагаю Вам сделку. Я отдаю Вам фотографию и дневник Вениамина Прилепского за восемь миллионов. Для Вас это не такие большие деньги.

Евгений Евгеньевич подошел к барной стойке и налил себе немного коньяка. Сделав глоток он посмаковал напиток и взглянул на свою странную гостью.

– Послушайте, госпожа журналистка. Вообще, самым разумным было бы вышвырнуть Вас из дома. Не знаю сумасшедшая Вы, или наркоманка, или просто Вам пришла в го-

лову такая фантазия с невинно убиенными, с шантажом и прочим, потому что Вам очень нужны деньги. Мне глубоко насрать в чем причина. Вся эта история полный бред. Но даже если предположить, что все то что Вы тут рассказали правда. Даже в этом случае, Вам должно быть понятно, если Вы не конченная дура, что глупо ждать, что Вы получите от меня какие-то деньги за бесполезную писанину человека связанного с криминалом и давно уже мертвого. И уж тем более за старую школьную фотографию, доказывающую лишь факт того, что я учился в одном классе с тем о ком Вы рассказали., как и еще двадцать пять наших одноклассников. И даже если бы все на самом деле было так как вы себе это вообразили, неужели Вы думаете, кто-то стал бы ворошить давно закрытые дела и выяснять что же там произошло?

– Нет, – ответила девушка. – Я не думаю, что даже если все это предать огласке, начнется следствие. По крайней мере, не сразу...

Шахин презрительно смотрел на словно сжавшуюся в комок и похожую на нахохлившегося воробья журналистку. Ей было явно не по себе, но она с вызовом продолжила:

– Но Вы сами не хуже меня знаете, как, порой, слухи могут навредить человеку. Вы застройщик. Как Вы думаете, как отнесутся партнеры по бизнесу, и все с кем Вы связаны в сфере своей деятельности если всплывет информация о вашей, пусть и возможной причастности как минимум трем убийствам? Еще ведь есть история с зарезанными калмыками и

она, наверняка тоже как-то связана с Вами. Возможно, даже можно установить эту связь, если серьезно взяться и иметь возможность это сделать. И помимо партнеров, есть еще и конкуренты, которые с радостью попытаются извлечь максимальную выгоду из такой скандальной истории. А у Ваших конкурентов есть деньги и нужные связи, чтобы попробовать «копнуть» серьезно. И наконец, то, что, думаю, тоже немало важно для Вас. Как я слышала, Вы собираетесь жениться. А как, интересно, отнесется ко всему этому Ваша прекрасная подруга балерина? Кажется, она сейчас обучает очаровательных девчушек. Представляете реакцию родителей этих девочек? Вы же еще и благотворитель школы юных талантов. У меня очень много информации о Вас, и думаю, вам проще всего заплатить за мое молчание. Скандал Вам не нужен...

Хлопнула входная дверь.

– Жень, я пришла!...

Евгений Евгеньевич одним прыжком преодолел расстояние между ним и его собеседницей.

– Закрой свой рот, тварь! Если ты сейчас же не уберешься отсюда и вякнешь еще хоть слово... – глаза у него были страшные. Журналистка попятилась и зацепившись каблук за ножку дивана начала падать, больно ударившись локтем о подлокотник. Она вскрикнула.

Хозяин дома неподвижно стоял глядя на нее сверху вниз, не делая попытки помочь подняться.

– Пошла вон, сука! – прошипел он.

Девушка всхлипнула и бросилась в прихожую.

– Здравствуйте, – с удивлением глядя на гостью, сказала Саша. Это ведь та журналистка которая недавно делала программу о строительной компании... Она как будто чем-то сильно расстроена... Мысли словно в тумане медленно вращались в голове. Что тут делает Варвара Писаренко ее сейчас не слишком сильно волновало.

– Здравствуйте... Извините, я очень спешу, – пробормотала гостья и схватив свое пальто, быстро вышла из дома.

Саша еле переставляя ноги поплелась в гостиную.

– Я заболела, – сказала она шелестящим шепотом.

Шахин выглядел немного странно, но Саше сейчас было и не до этого. Слобно выйдя из оцепенения он быстро подошел к ней.

– Пойдем, я тебя уложу. – Он коснулся ее лба прохладной рукой. – Ты вся горишь. Сейчас принесу лекарство. Думаю, нужно вызвать врача?

Саша вяло покачала головой.

– Не нужно врача. Я просто очень хочу спать...

Напоив Сашу жаропонижающим и горячим чаем, Шахин укрыл ее одеялом и убедившись, что она уснула осторожно вышел из спальни и плотно закрыл за собой дверь.

– Валера!

– Да, Евгений Евгеньевич...

– Ты все еще имеешь желание переехать к родителям во Владик?

В трубке послышалось сопение.

– Да, конечно... Только, Вы же знаете, что для этого деньги нужны. А у меня нет столько...

– Я могу тебе помочь. Есть разговор...

Саша открыла глаза. За окном уже начинало светать. За ночь температура спала. В голове немного прояснилось. Но очень сильно болело горло и страшно хотелось пить. Возле кровати стояла кружка с чаем, оставленная для нее Шахиным. Саша жадно выпила все ее содержимое. Но пить по-прежнему все еще хотелось, хоть и не так сильно. Саша накинула халат и пошла вниз. В доме было темно и очень тихо. По пути Саша заглянула в приоткрытую дверь кабинета. Хозяин дома спал на широкой кушетке. Рядом с кушеткой на полу, лежала стопка документов, которые он вероятно просматривал перед сном. Саша подумала стоит ли его будить, чтобы он пошел досыпать остаток ночи в спальне. Но решила, что раз уж уснул, пусть спит тут.

Она спустилась на первый этаж и заварив горячий чай уселась на диване в гостиной. Во всем теле была противная слабость. Она давно не болела серьезно, с температурой, с таким отвратительным состоянием. И сейчас это было очень-очень не вовремя. Скоро выступление и нужно готовиться,

а не болеть... Хотя у них всегда или какое-то выступление, или концерт, или еще что-то важное. Думать ни о чем не хотелось. Саша допила чай и решила, что нужно идти спать. Возвращаться на кухню было лень, она поставила чашку на журнальный столик и в этот момент заметила лежащий возле ножки дивана небольшой предмет. Саша наклонилась и подняла с пола малюсенький диктофон. Она знала, что Шахин никогда не записывает речи заранее. И деловые письма тоже составляет «экспромтом» безо всяких заготовок. Саша вспомнила журналистку, с которой она столкнулась, прийдя домой. Очевидно это ее диктофон. Наверное выпал из кармана. Саша сунула диктофон в карман и пошла спать. Нужно будет потом отдать диктофон Жене, чтобы он передал его владелице, подумала Саша, укладываясь в кровать и почти мгновенно провалившись в сон.

Наутро снова поднялась температура чуть ли не до сорока градусов. Горло болело так, что глотать было почти невозможно. Евгений Евгеньевич вызвал врача.

– Ангина, – сообщил тот, осмотрев Сашу.

Весь день Шахин опекал больную. Делал полоскание для горла, заваривал чай. Даже сварил куриный бульон, который посоветовал доктор, сказав что бульон полезен и питателен во время болезни, когда организм ослаблен и нет особого аппетита. К вечеру Саше стало немного лучше.

– Спасибо, – улыбнулась она, когда Евгений Евгеньевич

принес очередную кружку с еще дымящимся, ароматным чаем. – Если бы я знала, что ты так хорошо ухаживаешь, наверное раньше заболела бы.

– Ну все, вижу ты идешь на поправку, чувство юмора возвращается. – он присел рядом с ней и обнял за плечи. – Ты меня напугала. Ни разу ничем не болела, а тут вдруг раз и температура сорок. Я уж не знал что и думать... А может, когда ты поправишься, махнем куда-нибудь хоть на пару дней, погреемся на солнышке, поплаваем.

– Ммм... как приятно звучит, – улыбнулась она.

Глава 8

Варвара смотрела на плавающих возле самого берега уток. Небольшой пруд, находился в парке недалеко от дома где она жила. Ей нравилось приходить сюда. Народу в парке было немного. Можно было сидеть, размышлять спокойно. кормить птиц.

Суэта большого города утомляла. Иногда хотелось просто тишины..

Сегодня, правда, чувство привычного умиротворения так и не пришло. Она никак не могла отойти от вчерашней поездки. Если бы не крайние обстоятельства, она бы, наверное и не решилась так поступить. Она так нервничала, что на обратном пути пришлось останавливаться. Ее несколько раз вырвало. И потом еще минут пятнадцать она сидела не трогаясь с места, ожидая когда пройдет противная дрожь во всем теле. Сейчас Варвара пыталась решить что ей делать дальше. Она сделала шаг и отступить уже поздно, нужно идти до конца. Тем более, что выбора у нее нет. Нужно вернуть долг. В запасе у нее есть только пара недель. Если она не заплатит, последствия будут очень неприятные. Ей ясно дали это понять.

Варвара пыталась угадать заплатит ли ей за имеющуюся у нее информацию Шахин. Для него сумма, которую она потребовала действительно не значительна. Зачем ему все те

неприятности, которые она так подробно ему описала? По хорошему, ему проще заплатить ей и жить спокойно. Если история всплывет, кто знает, возможно, в конце концов, правоохранительные органы и впрямь подключатся. И очень может быть, что такой человек, как он кому-то мешает и в таком случае тот, кто заинтересован в том, чтобы убрать его с дороги, тоже обладающий деньгами и возможностями, приложит определенные усилия, чтобы старым закрытым делам дали новый ход. Мир большого бизнеса использует любые средства ради собственной выгоды.

Жаль, конечно, что она потеряла запись разговора. Кое что интересное там несомненно было. Видимо диктофон выпал у нее из кармана, когда она зацепилась за диван и упала. Она была по настоящему напугана, хотя сейчас это казалось даже странным. Чтобы он сделал ей при своей подруге? Но у него были такие страшные, словно бы неживые глаза. Варвара непроизвольно сжала лежавшую на коленях сумку, при воспоминании об этом взгляде.

Но у нее, в любом случае есть дневник и фотография. Если Шахин все же упрется и не заплатит, нужно подумать кому еще можно продать имеющуюся у нее информацию. И дадут ли ей за нее столько, сколько она потребовала у Шахина. Включив телефон, Варвара стала просматривать информацию про крупные, а затем и чуть более мелкие строительные компании, пытаясь выяснить, кто из их владельцев может быть наиболее заинтересован в устранении конкурента.

По дорожке огибающей пруд шел высокий симпатичный молодой человек. Дойдя до места где сидела Варвара, молодой человек свернул с дорожки, подошел к скамейке и тоже сел, с улыбкой глядя на пруд и плавающих по нему птиц.

– Красивое место, – сказал он. У него была очень приятная и располагающая улыбка и не менее приятный голос. Варвара улыбнулась в ответ.

– Да, здесь очень красиво, – сказала она.

– А вы часто здесь бываете?

– Время от времени.

– Вы очень симпатичная. – его улыбка сделалась еще шире.

– Спасибо...

Жаль, что сейчас ей не до знакомств пусть даже с очень симпатичными мужчинами. Нужно разобраться сначала с проблемами, а все остальное оставить на потом.

– Вы видели какие толстые утки здесь плавают? – сделал очередную попытку продолжить общение симпатичный незнакомец. Варвара решила, что пора уходить из парка. Ей действительно сейчас не до него.

– Вон, вон, смотрите, какие огромные плывут, видимо их здесь хорошо подкармливают, – сказал он, и махнул в направлении птиц рукой, слегка задев сидевшую рядом Варвару.

– Ох, извините... – сказал он как-то через чур пристально глядя на нее.

Варвара хотела подняться и уйти, но почувствовала как

что-то острое через одежду болезненно кольнуло ее в бедро. Перед глазами все поплыло. Лицо незнакомца сделалось расплывчатым. Она заметила как он вкладывает какой-то предмет в ее руку. Варвара попыталась рассмотреть его. Это было очень похоже на шприц, но она не была уверена, сознание словно растворялось, мысли не складывались в голове. Все вокруг закружилось в сумасшедшем вихре. Солнечный свет быстро угасал, превращаясь в сумерки и затем все погрузилось в непроглядную тьму. Тело девушки начало медленно оседать и клониться вбок на сидение скамейки. Молодой человек поднялся и неторопливо зашагал по тропинке в сторону выхода из парка. Утки деловито крякали тыкаясь плоскими клювами в илистый берег...

– Я все сделал. Все прошло ок. Никаких неожиданностей.

– Хорошо... Я обналичу деньги и затем открою валютный счет на твое имя. Надеюсь, ты понимаешь, что Москва для тебя теперь закрытый город? Я, в случае чего, шутить не стану, ты знаешь...

– Да, я понял...

– Прекрасно. Начинай паковать чемоданы.

Глава 9

Саша проболела больше недели. Первые несколько дней то и дело поднималась температура. Она чувствовала себя ужасно. В понедельник Шахин не пошел на работу, отменив все встречи. Саша пробовала протестовать, но он сказал, что ему плевать на все и на всех и он останется с ней. Во вторник она уже более менее передвигалась по дому и уговорила его ехать по делам и не беспокоиться.

На работу Саша вышла только в середине следующей недели. Времени на подготовку к выступлению оставалось катастрофически мало. «Может отказаться от участия», – подумала она. Но девочки готовились, для них это важно. Саша решила, что они поднажмут. Ничего, она одиннадцать лет выносила Гиеновну с ее занятиями «на пределе возможного». Придется и ее девочкам разок поднапрячься больше обычного.

В перерыве между занятиями позвонила Вера Сергеевна, узнать как дочь себя чувствует.

– Саша, ты можешь поискать в интернете травяной чай для бабушки, – выяснив вопрос с Сашиным самочувствием, попросила она. – Ни в одной аптеке такого нет. Кто-то ей посоветовал, и она теперь считает, что он просто жизненно необходим ей. Такая возрастная причуда видимо...

– Конечно мам, поищу. – Саша улыбнулась. – Ты так и не

подружилась с интернетом?

– Нет, – смеясь ответила Вера Сергеевна, – видно у меня тоже возрастная причуда.

Придя домой Саша включила ноутбук. Она начала вводить в поисковике название столь необходимого Екатерине Андреевне чудодейственного чая и тут ее привлек заголовок в разделе новостей, идущем после погоды и информации о пробках. «Причиной смерти известной журналистки и телеведущей Варвары Писаренко официально признано... Саша изумленно смотрела на экран ноутбука. Она видела эту девушку в их доме чуть больше недели назад. Здоровой и цветущей. Может быть немного расстроенной. Саша нажала на вкладку с печальной новостью. Все еще надеясь, что это очередной «сенсационный» заголовок, чтобы привлечь внимание, а вообще информация совершенно о другом.

«23 марта на территории одного из столичных парков было обнаружено тело известной журналистки Варвары Писаренко, которая также являлась ведущей телепрограммы «Все в твоих руках». Сегодня версия о причине смерти в результате передозировки наркотическими средствами, выдвинутая еще в самом начале расследования, подтверждена официально. Известно, что в прошлом Варвара Писаренко употребляла наркотики. После курса реабилитации журналистка полностью отказалась от пагубной привычки а также перестала употреблять алкоголь, активно занялась спортом и последние полтора года вела исключительно здоровый об-

раз жизни. Причина по которой Варвара Писаренко решила вновь вернуться к наркотикам неизвестна. Поговаривают, что у журналистки были долги, кое-кто даже предположил, что произошедшее ни что иное, как суицид...»

Кто-то предположил, что Варвара Писаренко покончила с собой... Саша не знала эту молодую женщину, но ей казалось, что такие как Варвара не кончают жизнь самоубийством. Она слишком любила жизнь. Саша видела пару ее программ, одна из которых была с Шахиным. Ведущая была кем угодно но только не самоубийцей. Энергия буквально выплескивалась из нее.

Да, возможно все эти шоу это игра, в какой-то степени притворство. Но взгляд полный жизни, эту кипучую энергию нельзя сыграть. Она была такой не на камеру. Но даже если это не было попыткой самоубийства, почему вдруг женщина, нашедшая в себе силы справиться со своим пристрастием, полностью изменить образ жизни и в принципе имеющая все к чему стремилась – популярность, признание, работу, которая совершенно точно доставляла удовольствие, решила вновь вернуться к тому что смогла побороть, благодаря твердому желанию, силе воли, наверняка приложив очень большие усилия для этой борьбы. Не каждый может справиться, для этого нужно обладать твердостью, целеустремленностью, понимать, что этот путь, если продолжать по нему идти, ведет в никуда... Порой в жизни случаются, казалось бы, совершенно неожиданные вещи, настоль-

ко неожиданные, что, до того как они произошли невозможно даже представить, что такое вообще может быть. Что-то такое произошло именно в тот день, когда журналистка была здесь, или на следующий, когда ее нашли мертвой в парке. Саша смутно вспомнила расстроенное лицо и брошенное на ходу «Извините, я очень спешу...»

Вскочив с дивана Саша побежала на второй этаж. Халат, в котором она заваривала себе ночью чай когда заболела, и как раз после встречи с журналисткой, по прежнему висел в ванной комнате. Найденный на полу в гостиной диктофон, про который Саша совсем забыла со своей болезнью, находился в одном из карманов. Саша нажала на значок «пуск»

«... так случилось, что я до недавнего времени, снимала квартиру, в которой когда-то проживал некий Вениамин Прилепский...»

Телефон издал звук оповещения о новом сообщении. Саша взглянула на экран пустым невидящим взглядом..

«Наш салон с огромным удовольствием сообщает, что мы будем рады видеть Вас на очередной примерке Вашего платья. Ждем Вас в любое удобное время с 10 до 18...»

Саша отодвинула телефон в сторону. Примерка... Платье...

Евгений Евгеньевич вошел в дом. Настроение у него было не самое хорошее. Адский день. Такое впечатление, что его

окружают одни идиоты. Бывает, у кого-то руки из задницы, а бывает такое, что мозги из этого самого места. Никто не может ничего сделать нормально.

В последние дни он находился в заметном напряжении, плохо спал. Эта тупая тварь, выбила его из колеи. Как-то очень неожиданно все произошло...

У него закралось подозрение по поводу нее еще во время интервью, когда она, не понятно к чему, упомянула друзей детства, избравших не тот путь. Но он даже не думал, что эта крашенная дрянь действительно «глубоко» капнула. Видно и само интервью было частью ее идиотского плана с шантажом. Дура. Доигралась, безмозглая курица...

– Моя прекрасная богиня, мне срочно нужно лицезреть твой дивный образ после отвратительного дня... – как обычно с сочетанием нежности и иронии сказал он.

Евгений Евгеньевич вошел в гостиную. Саша сидела на диване, держа спину как всегда очень прямо, но на этот раз ее поза казалась неестественно застывшей и напряженной. Она смотрела не отрываясь на его лицо. И взгляд у нее был такой же застывший как и тело.

«Черт! Неужели старуха померла?...» – мелькнуло в голове Шахина. Смерть близкой родственницы была бы очень некстати перед самой свадьбой. Вот старая карга! Приспичило ей именно сейчас отдать Богу душу... Может даже придется все отложить. Черт возьми, почему все так одно к од-

ному...

– Саша, что случилось? Что-то с бабушкой?...

Саша раскрыла сжатую в кулак ладонь и положила на журнальный столик маленький диктофон.

«... так случилось, что я до недавнего времени, снимала квартиру, в которой когда-то проживал некий Вениамин Прилепин...»

Шахин почувствовал, что внутри него разрастается ледяной ком.

За все время, с момента его прихода, и после того как несколько минут назад закончилась запись, она не произнесла ни слова. Так и сидела неподвижно все в той же позе.

– И что теперь?! – нарушил затянувшееся, словно какое-то вязкое и невыносимо тягостное молчание Шахин. Саша слегка вздрогнула. Ресницы задрожали и по бледным щекам покатались слезы.

– Ведь она говорила правду?... – едва слышно сказала Саша. Ей казалось, что ее голосовые связки утратили способность воспроизводить звуки, слова. – Ты... причастен к смерти этих людей...

Серо-голубые глаза казались огромными. В них отражались и боль, и ужас, и отвращение, и презрение и разочарование...

– Саш, прекрати! Что ты несешь?! – закричал он.

У него было желание задушить ее. Не потому что она может его «заложить», или навредить, доставить ему неприятности, как эта чертова кукла журналистка. А потому, что судя по ее виду, она со своим вечным стремлением к справедливости готова разрушить все. Из-за чего, ради чего? Из-за никчемных идиотов, у которых у самих не было не только мозгов, но и ни на грош такого понятия, как совесть. Жалкие ничтожества, что были, что нет, никто даже и не заметил... Или из-за наркоманки шантажистки, которой было плевать на справедливость, на торжество добра над злом... Ей нужны были деньги. Только деньги, больше ничего. И она так и тянула бы их и потом, потому, что она была беспринципная, алчная дрянь, готовая, подобно многим, присосаться как пиявка и тянуть, тянуть, тянуть. Потому что всегда будет хотеться еще... Так почему нужно разрушать свою жизнь и отказываться от всего что есть из-за недостойных, ничтожных созданий, лишь по недоразумению, называющихся людьми. Они ничто! Каждый из них, не задумываясь, переступил бы через любого, ради своих жалких интересов. А у них, у него и у нее есть все. Все что нужно чтобы жить. Хорошо жить, быть счастливыми. Он просто проложил путь к этому счастью. Пусть и таким образом. А чем его путь хуже, чем у всех прочих? Святых вообще нет. Может, вот только она, со своим до невозможности наивным представлением о том как все устроено. До сих пор верящая в силу добра, в справедливость, в глупое благородство. Нет никакого благородства!

Каждый сам за себя. Каждый вырывает у этой жизни свой кусок, и порой, эта борьба принимает не самые приятные формы. Но это жизнь. Она так устроена. Ей пора научиться принимать это...

Никогда она не научится. Она уже все решила он это видел. Знал... Как жаль... Как невероятно глупо и нелепо все устроено в этой жизни. Почему сейчас? Почему именно сейчас?!...

– Саша!...

– Это правда? – голос ее звучал безжизненно и в то же время очень твердо.

– Саша, эта женщина – наркоманка. И, очевидно, еще и сумасшедшая...

Саша дернула головой. Щеки были мокрыми от слез, которых она, судя по всему, даже не замечала.

– Она мертва... – голос у нее дрогнул. – К ее смерти ты тоже имеешь отношение? Ведь так?! Скажи!!! Так?!... Она была младше меня! Она...

Он отвернулся от нее. За большими окнами «в пол» догорал оранжево-багряный закат. Как жаль...

– Я тебе повторяю, она наркоманка и сумасшедшая...

Саша рассмеялась истерическим, совершенно не свойственным ей смехом.

– Ты даже не пытаешься сказать, что все это неправда! Что это не ты... ты повторяешь, что она сумасшедшая...

Она заплакала. Громко, как плачут дети, или те взрослые,

у которых случилось непоправимое горе, когда ничего уже нельзя исправить и они не в состоянии терпеть боль.

Он холодно смотрел на сотрясающуюся от рыданий тоненькую фигурку. Понимая, что утешать ее бесполезно. Она не примет утешений от него. Она не примет от него ничего. Она его не примет. Никогда больше...

– Даже, если бы это было правдой, и что?! Все эти люди, они ничтожества. Пустое место. Ты можешь разрушить свою жизнь, нашу... все то что есть, и что еще может быть, только потому, что считаешь, что я совершил что-то нехорошее, миллион лет назад?...

– Нехорошее?! Лишить жизни другого человека – это не нехорошее, это чудовищно...

Он сделал шаг к ней. Нужно попробовать объяснить, нужно попытаться как-то сделать так чтобы она поняла, чтобы открыла глаза, взглянула в лицо реальности. Пока еще не слишком поздно... Это жизнь, и она бывает и такой, она должна понять это. Должна!...

– Не подходи ко мне! – заорала Саша. Глаза у нее были безумные. Она вскочила и оттолкнув его выбежала из комнаты.

Слезы застилали глаза мутной пеленой, не давали видеть дорогу. Она задыхалась от рыданий и быстрого бега. В какой-то момент ей показалось, что сердце сейчас выскочит из груди. Она остановилась и уселась прямо на обочине, про-

должая плакать. Пока она бежала она начала чувствовать боль в ноге, но не обращала внимания. Сейчас ей казалось что от кончиков пальцев и до середины бедра ногу пронзили раскаленным железным прутом. Боль была настолько сильной, что перед глазами поплыли круги. Саша стиснула зубы и начала бить маленькими кулаками по земле. «Нет! Нет! Не хочу! Нет! Нет!..»

Ночью пришло сообщение. Не читая, Саша удалила его и затем удалила номер отправившего его абонента.

На следующий день водитель, взятый несколько дней назад вместо внезапно уволившегося Валеры, привез Сашины вещи. Аккуратно сложенные. С очевидным проявлением заботы... В одной из коробок вместе с косметикой и прочей мелочевкой лежала записка «Очевидно, лимит доверия исчерпан... Мне жаль. Правда...»

Саша смяла записку и отшвырнула ее от себя.

Глава 10

Капли дождя расходились кругами в образовавшихся на асфальте лужах. Помешивая соломинкой латте, Саша безучастно смотрела, на дождливую серость, окутавшую пространство за окном. Дверь распахнулась. В кафе вошел молодой мужчина, одетый в спортивный пиджак и светлые, промокшие от дождя джинсы.

– Саша! Привет! – новый посетитель направился к ее столику.

– Привет. – Саша улыбнулась глядя на расплывшегося до ушей Федьку Щукина.

– Льет как из ведра, – оглядывая промокшую одежду сказал Федька. – Здорово, что я тебя встретил...

Саша кивнула.

– Да, здорово. Я тоже рада тебя видеть. Как твоя артистическая карьера?

Федька засмеялся.

– А, так, как-то никак. То что предлагают полный отстой. Так, иногда снимаюсь, но только, чтобы заработать денег. Я еще с двумя знакомыми по киноцеху ребятами, организую сейчас театр-студию. Хотим ставить и современные постановки и классику, адаптированную под настоящее время. – Он улыбнулся. – Нет, ничего такого, типа «идущего в ногу со временем», когда, к примеру все голые, и все действие про-

исходит в надувном бассейне или типа того. Никакого ма-
разма, просто вечные истории, в современной аранжировке.
Времена меняются, а проблемы остаются те же...

Саша улыбаясь смотрела на собеседника. Просто невоз-
можно поверить, что это тот самый Федька Шукин, ее быв-
ший одноклассник. Клоун, двоечник и болтун.

– Здорово! – Она засмеялась. – Каждую нашу встречу ты
меня все сильнее и сильнее удивляешь. Отличная идея. Ко-
гда будет готов к показу какой-нибудь спектакль, пригласи.
С удовольствием посмотрю.

– Заметано!... Слушай, я понимаю, что ты работаешь и
времени у тебя, наверное, нет, но у меня к тебе предложе-
ние. Нам нужен человек для постановки музыкальной части
спектаклей. Не хочешь заняться. Было бы здорово. То, что
мы планируем, не мюзиклы, просто хотим чтобы спектакли
были достаточно музыкальные. – Федька состроил смешную
гримасу, как когда-то в школе, когда просил дать списать до-
машку. – Мы, естественно, будем платить, но, врать не ста-
ну, платить сможем совсем немного. По крайней мере пока.
Мы, если честно, пока еще даже не знаем, насколько вообще
вся эта затея будет окупаться.

– Вопрос с деньгами в данном случае не так важен. Мне
кажется это очень интересным и я с удовольствием помогу.
Мне нравится ваша идея. Вы с ребятами молодцы.

– О! Супер! Здорово, что ты согласилась! Будет весело, не
сомневайся, – он подмигнул. – Очень творческие ребята по-

добрались. Сейчас так много всякого барахла, засоряющего мозги, что хочется не просто заниматься тем, что нравится, а еще как-то поучаствовать в процессе очищения и возвращения нормальных представлений о жизни, о ценностях...

Федька слегка смутился... Саша чуть ли не с материнской нежностью посмотрела на него.

– Федь, я правда просто не узнаю тебя! Из вечного шалопая в человека на самом деле старающегося не на словах, как многие, а предпринимая реальные действия, изменить этот мир к лучшему – это достойно уважения. Ты просто невероятный молодец! Правда.

Федька в очередной раз расплылся до ушей.

– Ты меня прямо засмутила! – Он с озорным видом посмотрел на нее. – Я, кстати, пробую писать пьесу. Как раз о проблемах современного общества. Правда пока не очень получается, но я стараюсь совершенствовать свои писательские способности.

– Федя, ты что решил окончательно свести меня с ума и покорить мое сердце? – смеясь сказала Саша. – Я уже в полном восхищении. Хочешь быть моим кумиром?

Федька улыбнулся.

– Саш, знаешь, ты всегда была очень светлым человеком. Это чувствовалось даже в школе, еще не понимаешь таких вещей, просто ощущаешь.

– Спасибо... Теперь ты меня засмутил.

– Кстати, – лицо у Федьки вновь стало озорным. – Злые

языки поговаривают, что ты всех обошла, и нашла себе ну прямо очень крутого чувака. Чуть ли не олигарха. Но, если честно, то я даже не удивлен, если это действительно так.

Саша покачала головой.

– Злые языки, как всегда врут.

Федька состроил кислую мину.

– Ну вот. Жаль. Никому нельзя верить, хотя, версия была неплохая.

Саша усмехнулась.

– Да, неплохая.

– А! Я же тут недавно с Гошаном пересекся, – Федька снова расплылся до ушей. – Ну с нашим Гошаном. С самбистом.. Случайно встретились. Я пробы для съёмок проходил, а Гошана для какой-то программы снимали. Он ведь в спорте неплохую карьеру сделал. Два года назад вообще чуть ли не чемпионом России стал. – Федька радостно засмеялся. – Он ведь в тебя влюблен был. Один раз наехал на меня, чтобы я тебя не доставал.

Саша улыбнулась.

– Видимо плохо наехал. Ты меня все равно доставал до конца девятого класса.

Федька засмеялся.

– Может вас свести? Раз олигарха нет. Гошан ничо так. Красивой парой будете. Уверен, увидит тебя сейчас снова голову потеряет. Я сам еле держусь, – заржал Федька.

– Нет, спасибо, – Саша с улыбкой покачала головой. –

Лучше останусь для него девочкой, в которую он был влюблен. Милым детским воспоминанием.

Федька пожал плечами.

– Ну, смотри. Думаю, он бы правда обалдел, какой ты стала.

Немного посерьёзнев он спросил:

– Саш, а у тебя все нормально?

Она удивленно посмотрела на него.

– В каком смысле?

Федька пожал плечами.

– Не знаю. У тебя взгляд другой какой-то. Может грустный, не знаю...

– Может быть, я просто тоже повзрослела. Мы все взрослеем...

С момента своего «побега», Саша словно замкнулась в себе. Она по-прежнему улыбалась при разговоре с родными, друзьями, коллегами, как и раньше дружески болтала на общие темы, но те, кто действительно хорошо ее знал замечали произошедшую в ней перемену. Как будто внутри погас свет. Даже в походке, неизменно будоражащей мужское воображение, как и раньше легкой и исполненной грации, исчезла какая-то особая магия притяжения, в ней, как будто больше не осталось прежнего волшебства.

Ни мать, ни тетка не донимали ее вопросами о случившемся, чувствуя ее состояние. Но Саша, каждый раз встре-

чаясь с матерью взглядом, замечала в ее глазах невысказанную тревогу и грусть. Это угнетало, хотелось сбежать, спрятаться от всех. Саша даже подумывала может ей стоит снять квартиру, или обратиться к отцу, который постоянно напоминал, что хотел бы что-нибудь для нее сделать, и попросить помочь с покупкой собственной квартиры. Но в то же время она понимала, что это обидит мать и расстроит ее еще сильнее. После занятий Саша подолгу гуляла. Просто бродила по городу. Не спеша проходила улицу за улицей, наслаждаясь одиночеством, тем, что нет необходимости общения с кем-либо. Дважды в неделю по вечерам она занималась с ребятами из театральной студии. Ей царившая в студии атмосфера беззаботности и веселья, но сама она словно сохраняла дистанцию, ни с кем не сближаясь. Жизнь как будто бы текла монотонно, словно спокойная река, плавно, размеренно, без эмоций, без переживаний, без желаний и каких-либо целей. Иногда Саша смотрела на своих юных учениц и ощущала легкую грусть. Может быть ей нужно было давно уже родить ребенка и просто жить ради него? Жизнь не складывается у многих людей, но дети придают ей смысл, дарят радость... Но с другой стороны, ребенку нужна полная семья. Саша помнила, как она сама переживала, когда отец ушел.

Все было так сложно. И ничего больше не хотелось. Видимо, она уже никогда не сможет никому доверять. Все кого она любила оказались не теми кем она их себе представляла. Нарисованные ею же самой образы. Первый мужчина,

которого она, как ей казалось, любила, предал ее. Второй, повинувшись собственному эгоизму и безответственности, растоптал ее доверие. Третий оказался монстром, готовым на все для достижения своих целей. Правильно он написал ей в прощальной записке – лимит доверия исчерпан.

Ей казалось, что ее лимит доверия действительно исчерпан. Безвозвратно и окончательно.

Глава 11

Евгений Евгеньевич был зол. Страшно. Это было состоянии даже скорее близкое к ярости. Столько усилий было потрачено на попытки заполучить разрешение на очень перспективный участок под застройку и никакого результата. Жители района, узнав, что на месте старого, никому не нужного парка собираются строить высотки, торговый комплекс, прокладывать дорогу и вообще создавать цивилизацию, вместо трех кривых сосен и жалкой лужи, именуемой местными аборигенами прудом, написали коллективное письмо, о том, что они категорически против уничтожения парка. Вообще, конечно, кому какое дело против они или не против. Им и парк-то этот не сдался. Просто такая дебильная психология – не хотим и все. Мышление бедных как умственно, так и материально. Но «наверху» на письмо обратили внимание. И как бы глупо это не было, взяли и завернули проект. Вот такую свинью подложили мерзавцы обыватели. Наверное до смерти обрадовались. Победа! Ура! Решили вопрос. Спасли свой зачуханный парк на три трухлявых деревьяшки и две лавки для алкашей между ними. А то, что сделка на сумму, которую они даже мысленно представить себе не могут своими скудными умишками, это им до лампочки. А скорее еще и дополнительно в радость, что кто-то, кто, в отличие от них, умеет делать деньги, их не зарабатывает. Еще раз ура! Так этим

богатеньким и надо! Тупое быдло...

– Можно, к примеру, организовать свой благотворительный фонд, – предложил находившийся в кабинете шефа коммерческий директор, видя, как «главный» бесится последние несколько дней из за сложившейся ситуации. – И вместе с первоначальным проектом, внести предложение о постройке, за счет средств фонда, не знаю, реабилитационного центра или какого-нибудь центра для молодежи, ну или еще чего-то такого, что полезно для общества, и против чего жалобы аборигенов даже рассматривать не будут.

Евгений Евгеньевич прикинул разумность идеи, и решил, что в принципе, задумка довольно недурна. Должно сработать. И, кстати, такой фонд сам по себе, это тоже дополнительные деньги, и деньги не маленькие, да и в будущем, опять же, может пригодиться. Когда снова нужно будет убрать «палки из колес», в виде всевозможных запретов, которые таким компаниям как его, вставляют в эти самые колеса регулярно. И не всегда проблему можно решить просто «откатами». Жаль конечно, но не все и не всегда решается деньгами, как орут об этом борцы за сохранение парков и прочие придурки.

– Давай, подключай специалистов, чтобы они подготовили подробную информацию обо всех условиях и процедуре создания такого фонда. И пусть делают все срочно! Итак время потрачено на это говно с парком.

– Понял, Евгений Евгеньевич. Думаю, все будет готово в

течение одного-двух дней.

Глава 12

Екатерина Андреевна, по старинке, любила читать газеты. Никаких интернетов и прочей современной чепухи она не признавала. И телевидение недолюбливала, слишком много всевозможных глупостей и рекламы. Правда, газеты тоже стали не те. На страницах прессы появилось очень много ерунды, пошлости и вранья. Но привычка просмотреть пару свежих выпусков за утреним кофе или когда она ложилась немного отдохнуть после обеда осталась.

– Сегодня прочитала про твоего Евгения, – сказала она, указывая костлявым пальцем на лежавшую на журнальном столике газету.

– Он не мой, – равнодушно ответила Саша. Старуха кивнула.

– Хорошо, не твой... Его компания стала учредителем благотворительного фонда, который будет помогать детям из неблагополучных семей и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Несмотря на то, что вы расстались, я считаю, что он молодец. Очень благородно с его стороны. Не так много людей всерьез занимаются добрыми делами. В статье говорится, что он уже более шести лет занимается благотворительностью, помогая детям, в том числе инвалидам. Это достойно уважения. Он ведь и вашей школе помогает, насколько я помню?

– Помогает. Дети – это беспроигрышный вариант. Удачный пиар ход, – буркнула Саша.

– Александра, если ты решила прекратить отношения, чуть ли не накануне свадьбы, это твой выбор. Хоть и непонятный. На мой взгляд, это первый достойный мужчина в твоей жизни. Да после твоего деда, это первый достойный мужчина в нашей семье, чего уж там... Но раз ты приняла такое решение, нужно отпустить прошлое и вести себя достойно. Мелочная мстительность не украшает женщину, даже если она на что-то обижена. Мужчину, разумеется, она тем более не украшает... Но если ты о чем-то сожалеешь, зачем было расставаться? Не стоит превращаться в вечно недовольную особу с не сложившейся судьбой. Такие женщины невыносимы и крайне неприятны.

Екатерина Андреевна покачала головой.

– Ты еще молода. Уверена, ты еще встретишь свое счастье. Главное, чтобы ты извлекла уроки из собственного опыта. Недостатки есть в каждом человеке, но нужно научиться мириться с ними, а иначе ни с кем невозможно будет ужиться. Нужно повзрослеть и начать быть терпимой...

Саша поднялась из кресла в котором сидела. На бледных щеках горели алые пятна.

– Бабушка, ты даже не представляешь о чем ты говоришь! – резко сказала она и вышла из комнаты.

Она едва успела добежать до туалета и склониться над

унитазом, как ее вывернуло наизнанку. После этого она пошла в ванную комнату и долго умывала лицо холодной водой. «Достойный мужчина! Первый достойный мужчина!...»

Остаток визита прошел скомкано. Саше натерпелась вырваться из начавшей казаться ей невыносимо душной бабушкиной квартиры.

Глава 13

– Виктор Данилыч! Что там опять за затягивание по поводу и без повода? – взгляд голубых глаз был холодным и злым. – Вы неделю назад, говорили, что вопрос практически решен.

Маленький кругленький человечек заерзал в кресле и по своей обычной привычке пожевав губами сказал:

– Евгений Евгеньевич, я бы рад, сами знаете, – человечек хихикнул. – Но тут вот новая напасть. Среди этих общественников нашелся любитель истории, утверждающий что территория парка является местом культурного и исторического наследия...

–Что за хе...я?! – выругался Шахин. Маленький упыренок сидевший напротив крайне раздражал его, а сейчас он и вовсе нес какую-то ахинею.

– ...Заявил, что в этом месте любил гулять один из знаменитых композиторов ммм... дай Бог памяти как же его...

Шахин на мгновение вытаращил глаза, после чего взорвался.

– Да в любом месте кто-нибудь да любил гулять, мать вашу! Вы там совсем с ума посходили?! Что теперь вообще ничего не строить, беречь культурное наследие? Чего за бред такой?! У нас теперь каждого выжившего из ума идиота слушают? вспомнили, что вы слуги народа? Б...дь!

Человечек развел руками.

– Этот любитель истории раскопал архивные документы и даже справку в историческом обществе получил. . . – маленькая ручка чиновника сделала пренебрежительный взмах. – Все это ерунда, конечно, но учитывая то что этот вопрос уже поднимался на уровне руководства городом, мы пока ммм. . . в сомнении, как лучше поступить, так сказать. Мы люди подневольные. . .

Евгений Евгеньевич потемневшим взглядом смотрел на малохольного идиота, трясущегося за свое теплое местечко.

– Вы там всем департаментом в штаны навалили из-за одного ублюдка, вообразившего себя великим знатоком и ценителем истории?! Все трясетесь за свои насиженные места, вечно хотите и ответственность не брать на себя, но при этом и бабок наварить? Нахрена тогда вы нужны если с одним выжившим из ума мудаком разобраться не можете?

– Евгений Евгеньевич! – чиновник обиженно надул пухленькие губки и засопел. – Уверяю Вас, делается все возможное. Мы сами заинтересованы. . . Но в случае чего, знаете ли, тоже не хочется оказаться крайним. . . Сейчас не понятно чего можно ожидать. Рисковать никому не хочется.

Попыхтев он примирительно сказал.

– Тут нужен весомый аргумент, так сказать, чтобы, так называемая, историческая ценность, на мой взгляд, являющаяся исключительно плодом воображения пенсионера активиста, ну как-то была противопоставлена чему-то что пред-

ставляет собой не меньшую, а скорее даже большую ценность. То есть объект, предлагаемый для застройки должен быть по значимости...

– Есть вариант, – отрезал Шахин, перебив надоевшего ему чиновника. – Раз иначе чиновничий аппарат с мертвой точки не сдвинется и не начнет шевелиться, есть мысль, как вам обезопасить свои задницы, раскормленные на казённых харчах. И не только на казенных. – Евгений Евгеньевич многозначительно посмотрел на собеседника. Тот нервно улыбнулся. Манера разговаривать у владельца кабинета была крайне грубая. Но он весьма щедро компенсировал эту грубость. Приходилось терпеть.

Придя на работу, Саша увидела посреди холла первого этажа многочисленное съемочное оборудование, причем в таком количестве, как будто тут планировали снимать какой-нибудь блокбастер. Время от времени про их школу делали репортажи, и проводили съемки, но они никогда не были такими масштабными. Сегодня явно затевалось что-то более серьезное. Саша больше всего удивилась, что персонал не предупредили заранее, как это делалось обычно, о том, что будет проходить съемка.

– А! Александра Вячеславовна! – радостно закричал Олег Николаевич, спеша навстречу Саше. – Хорошо, что я Вас встретил... Немного спонтанно получилось,.. – он обвел пространство хода заставленное оборудованием взглядом и

улыбнулся своей натянуто-резиновой улыбкой. Сегодня у нас проходит съёмка, как Вы сами уже видите. Будут снимать учащих всех направлений. Ваши девочки должны показать что-нибудь такое ммм... трогательное. Чтобы, знаете, вызывало умиление и симпатию... Да...

Директор сверлил Сашу вьедливым взглядом.

– Это крайне важно для школы, произвести хорошее впечатление. Чтобы, знаете, возникло желание поддержать ее учащих... Ну Вы понимаете...

– Поддержать? – Тонкие брови удивленно приподнялись. – А у нас что какие-то проблемы?

– Нет, нет, нет, что Вы! Что Вы?! Наоборот! – замахал руками Олег Николаевич.

Он изобразил заговорщицкое выражение лица.

– Нас ждут большие и очень приятные перемены... Сами понимаете...

Саша ничего не поняла из его объяснений. Что там за приятные перемены их ждут. Происходило что-то странное. Но уточнять она не стала. Олег Николаевич явно спешил. Задерживать его у нее желания не было.

В конце третьей пары, когда Саша проводила занятие со младшей группой, в зал заглянул Олег Николаевич

– Александра Вячеславовна! Господа с телевидения почти закончили. Остались только Ваши девочки. – Директор нервно хихикнул. – Ваше направление у нас самое гм... деликатное, так что его оставили напоследок. Чтоб без спеш-

ки... Пусть девочки подготовятся, сейчас их будут снимать.

Саша вернулась к ученицам.

– Девочки сейчас будет проходить съёмка. Я прошу вас не волноваться, не спешить, делать все плавно, красиво... – инструктировала подопечных Саша.

Сама по себе съёмка, длилась не долго. Гораздо больше времени ушло на расстановку оборудования и ЦУ, раздаваемые лохматым юнцом облаченным в невообразимо пестрый наряд, который, очевидно, был в съёмочной группе за главного. Маленьких балерин немного поснимали у станка и во время исполнения ими коротких отрывков. Очевидно нужен был не слишком большой фрагмент с трогательными девчушками, вполне возможно будущими звездами балетной сцены. В завершении сняли всю группу вместе с хореографом. Лохматый парень был вполне доволен. Маленькие легкие фигурки затянутые в трико и красивая стройная преподавательница смотрелись очень эффектно, как раз в достаточной степени душещипательно и вместе с тем позитивно.

– Гут! – удовлетворенно потрянул лохматой головой главный по съёмкам. – Это... Александра ммм...

– Вячеславовна, – подсказала ему Саша.

– Да, точно... Александра Вячеславовна, уделите нам еще немного внимания, – энергично пережевывая жвачку сказал лохматый. – Наш Вадик задаст Вам несколько вопросов.

Саша пожала плечами.

– Только не слишком долго, у меня еще одно занятие.

– О, буквально несколько минут, – заверил лохматый, активно работая челюстями. Он мотнул головой оператору и высокому худому молодому человеку с причёской почти как у Элвиса.

– Александра, – бодро затараторил Вадик аля Прэсли. – Вы уже несколько лет преподаете в «Школе искусств». Я знаю, что Вы сама выпускница этой школы, то есть Вы вернулись в свою альма-матер чтобы обучать искусству танца юных дарований. Мы только что стали свидетелями того, что Ваши ученицы прекрасно овладевают секретами мастерства. А скажите, Александра, есть ли у Вас, как у педагога какие-то пожелания в отношении улучшения условий учебного процесса в Вашей школе. Возможно есть моменты, которые как-то затрудняют процесс обучения. Здание школы достаточно старое, в нем наверняка нет всех тех условий, которые присутствуют в более современных танцклассах? Что на Ваш взгляд необходимо изменить?

Слегка одурев от скорости и количества слов выдаваемых Вадиком-Прэсли, Саша все же уловила суть вопроса – что бы, по ее мнению не мешало бы улучшить в их школе. В принципе – все.

– Самой большой проблемой является плохая вентиляция. Из-за этого в классах очень душно, что разумеется сказывается на работоспособности. Во время занятий, разумеется намного комфортнее, , когда более прохладно и воздух более свежий.

Вадик просиял, словно она сказала что-то невероятное приятное.

– Понятно, понятно!... – расплываясь в радостной улыбке Вадик с торжественным видом обратился к своей собеседнице. – А чтобы Вы сказали, Александра, если бы Вам сообщили, что уже с нового учебного года, ваша школа получит новое здание, оборудованное новейшими технологиями, и в котором учтены все потребности специфики каждого из имеющихся в школе направлений.

Саша с удивлением смотрела на гиперактивного тощего интервьюера.

– Я бы сказала, что это прекрасно, – улыбнулась она.

– В таком случае, открою Вам секрет. Фонд «Волшебная страна», занимающийся вопросом помощи детям попавшим в сложные жизненные обстоятельства, а также поддержкой юных талантов решил сделать великолепный подарок юным талантам обучающимся в Школе искусств и подарить им к началу нового учебного года новое здание. Как я уже упомянул данный проект разрабатывался с учетом всех важных и необходимых моментов, и всех особенностей творческой деятельности всех направлений. Музыка, живопись, и конечно балет.

Говорливый Вадик покосился на свою собеседницу, которая стояла с таким лицом, как будто он сообщил, что их школу разгонят к чертям собачьим, а вместо нее устроят стрип-клуб или пивнушку.

– Надеюсь это хорошая новость, – улыбаясь во все тридцать два зуба попытался слегка подтолкнуть в нужном направлении ход мыслей собеседницы Вадик. Потому как милая преподавательница маленьких пигалиц вела себя несколько странно. Возможно, конечно, от радости...

– Теперь ясно к чему весь этот балаган, – сказала хореограф, которую видимо, радость просто накрыла с головой и у нее случилось легкое помутнение рассудка.

Вадик-Пресли замахал руками оператору, чтобы тот выключал запись.

– Александра Вячеславовна! Я не совсем понял... Давайте переснимем последние пару минут... Можно, к примеру, выразить слова благодарности в адрес фонда. Это вполне естественно, согласитесь... Ну и конечно можно пожелать фонду всяческих успехов в его благородном начинании. Забота о детях и все такое, это же прекрасно...

– Благородном начинании? – в серых глазах было презрение. – Когда из всего, включая добрые дела, извлекается выгода, это сложно назвать благородным начинанием.

– А... эм...

– Я больше ничего не буду говорить, – сказала окончательно спятившая Александра Вячеславовна.

Вадик тупо смотрел на красивую, но явно с большой придурью преподавательницу. А так и не подумаешь, что у нее с психикой не все в порядке...

Напротив мозаичного панно символизирующего различные виды искусства, изображая непринужденную дружескую беседу, позировали для камеры директор Школы искусств и Евгений Евгеньевич Шахин великий меценат, покровитель муз.

– А вот и наша дорогая Александра Вячеславовна! – радостно-умильным голосом воскликнул Олег Николаевич, растягивая свою резиново-лягушачью улыбку еще шире.

Саша почувствовала, что ей стало трудно дышать, а тело будто сковало холодом.

Евгений Евгеньевич смотрел на нее со смесью насмешливого любопытства и чего-то еще, что можно было бы принять за грусть или, возможно даже боль, если бы речь шла о каком-то другом человеке.

– Здравствуйте Александра Вячеславовна, – усмехнулся он.

– Здравствуйте, – холодно ответила Саша.

Оператор выключил камеру, очевидно все что было нужно уже сняли. Шахин что-то сказал лохматому парню и тот кивнув, дал «отмашку» своим сворачиваться. Саша хотела пройти дальше. Желания общаться ни с директором, ни с несостоявшимся спутником жизни у нее не было.

– Александра Вячеславовна! – насмешливо окликнул ее Шахин. За этой насмешкой была едва различимая злость. Саша хорошо знала все интонации и малейшие нюансы настроений человека с которым совсем недавно была так близ-

ка. В своей недавней, теперь уже прошлой жизни... – Уделите нам пару минут...

Олег Николаевич с любопытством поглядывал на, судя по всему, поссорившуюся парочку. Было очевидно, что директор не в курсе драмы расставания. Умильно- фальшивая улыбка ясно говорила «Милые бранятся, только тешатся». Саша почувствовала как на смену сковавшему ее холоду, приходит отвращение и злость. Они оба были ей противны.

– Евгений Евгеньевич, если у Вас больше нет ко мне вопросов... – любезнейшим тоном забормотал Олег Николаевич.

– Нет, – отрезал Шахин, не сводя застывшего взгляда с Саши.

– Тогда, с Вашего позволения... очень много дел... – хихикнул Олег Николаевич и чуть ли не на цыпочках начал пятиться от странно ведущей себя пары.

– Как дела? – спросил Шахин, подходя к ней. – Прекрасно выглядишь. Впрочем как всегда...

– Вся эта съёмка очередной блеф, связанный с твоими делами, – холодно сказала Саша, проигнорировав и заданный им вопрос и комплимент сделанный им.

Он ухмыльнулся.

– Ну почему блеф? У школы действительно будет новое здание. Я думал, что ты в курсе. Олег Николаевич мог бы и просветить своих сотрудников. Все секретничает, старый лис. – Шахин недобро засмеялся. – Ну насчет тебя-то он не

сомневался, что ты и так в курсе.

– Новое здание для школы, – она презрительно смотрела на него, – а с чего вдруг такая доброта?

Шахин хмыкнул.

– Снова подозреваешь меня в злом умысле? – Он обвел рукой пространство перед собой. – Если ты не забыла, моя компания спонсирует вашу школу. Кстати, твой шеф, когда узнал, про новое здание писал кипятком. А ты, я вижу, не слишком-то довольна, – в его голосе звучала уже явная издевка и одновременно злость.

Саша усмехнулась.

– Очередной хорошо продуманный ход? Ведь так? Ты сам будешь что-то с этого иметь. То что очень нужно тебе, и ты готов вложить не маленькие деньги, естественно, чтобы в результате получить больше. Ясное дело – бизнес. Ты же ничего просто так не делаешь. Даже добро творишь с дальним прицелом, заранее все просчитав.

Его улыбка стала почти действительно веселой.

– У тебя паранойя?

– Ты все, абсолютно все, всегда делаешь с расчетом. Плевать тебе на школу. Тебе на все плевать. Для тебя в принципе не существует понятия добра. Оно для тебя лишь один из инструментов для достижения собственных целей. Ты готов на все ради своих интересов. Не существует ничего, через что ты не готов был бы переступить. Ты считаешь себя победителем, тем, кто управляет своей жизнью, кто выше других.

Но на самом деле ты жалок. Ты не в состоянии совершить ни одного поступка просто так. По велению своего сердца. Потому что у тебя нет сердца. Ты даже не монстр. Ты ничтожество. Раб самого себя.

Она развернулась и пошла в противоположную от него сторону своей красивой танцевальной походкой.

– Просто так я любил тебя, – крикнул он вслед удаляющейся стройной фигурке и уже тише добавил. – А ты идиотка, которая не в состоянии этого понять. Пошла ты...

Внезапно на него словно волной накатила ярость. Захотелось догнать ее, наорать, возможно ударить, причинить боль, напугать. Он судорожно вздохнул и прислонился лбом к прохладной стене, пытаясь успокоиться. Все могло бы быть совсем иначе, если бы она не была такой дурой. На мгновение ему показалось, что все что он делает не имеет смысла.

– А ведь она права, Пустой! Ты ничего не делаешь просто так. Ты не умеешь любить...

– Заткнись, ублюдок... – прошипел Шахин в ухмыляющееся лицо Клыка. – Тупой придурок, если бы ты тогда не начал играть в доброго дядю ничего этого сейчас не было. Урод!...

Часть 5 «Спасибо, доктор!»

Глава 1

2018г. Москва

В последний день занятий перед началом каникул Саша подала заявление об увольнении.

В приемной Олега Николаевича на видном месте красовался проект нового здания школы, в непосредственной близости от которого, в скором времени должен был быть возведен современный жилой комплекс, а также и крупный многопрофильный торгово-развлекательный центр. Еще один из кусков мозаики Большого города.

– Чем займешься? – спросила Ольга, болтая ногами в прохладной, кажущейся нежно бирюзовой воде бассейна. Ольга уговорила Сашу поехать с ней на дачу, принадлежавшую родителям ее мужа. Сами хозяева отправились в Пятигорск, поправлять здоровье. Так как Саша теперь, временно, была безработной, она решила, что будет неплохо провести пару недель в компании с теткой и племянником. Сына Ольги, Никиту они практически не видели, он целыми днями носился с другими мальчишками. Загородный отдых проходил приятно и спокойно. Чего как раз и хотелось им обеим.

– Думаю найти другую школу, где нужен хореограф – сказала Саша. Она лежала на мягком махровом полотенце подставив солнечным лучам стройное тело, наслаждаясь ощущением умиротворения и покоя. Все плохое осталось в прошлом. Она почти отошла от случившегося. Она изменит свою жизнь полностью. Разорвет последние нити связывающие ее с ней. И больше не будет даже вспоминать. Ни о чем.

– А ты не думала заняться чем-то другим? – Ольга посмотрела на племянницу. В темных глазах отражались плывущие облака. Она все еще сохраняла свою невероятную привлекательность, несмотря на возраст. Саша вновь вспомнила как в детстве считала, что Ольга самый счастливый и самый жизнерадостный в мире человек. И у нее не бывает никаких проблем, в отличие от всех остальных.

– Я не знаю чем могу еще заниматься. Я имею ввиду, чтобы я могла это делать хорошо, и чтобы при этом мне и самой нравилось то чем я занимаюсь.

– Ты неплохо знаешь французский. Можно попробовать преподавать язык, хотя бы в младших классах. Или делать переводы. И ты прекрасно поешь, хотя, почему-то делаешь это крайне редко. Ты можешь, к примеру, попробовать себя в роли актрисы в студии своего Федьки. Да всем чем угодно можно заняться. В конце концов, можно выучиться на кого-то. Главное, определиться, что тебе по душе. Просто я подумала, что может быть пора изменить вообще все. И начать ну не сначала, а заново. Бывают в жизни такие моменты, ко-

гда нужно просто начать заново. По другому...

– А можно ли начать заново?

Ольга улыбнулась.

– Конечно! Я каждое утро начинаю.

Они обе рассмеялись.

Первые полгода после ухода из Школы искусств Саша проработала в обычной школе, где ей предложили вести уроки французского для учеников младших классов и кружок хореографии. Ей не хватало того серьезного настроя на достижение результата, которое было у учениц Школы искусств. Девочки всех возрастов и разной комплекции, посещавшие занятия, выполняли задания кто во что горазд. Программа занятий, естественно была облегченной. Спустя два месяца Саша предложила заменить хореографию ритмикой и танцами. Пользы однозначно будет больше. А в конце зимы ее неожиданно пригласили преподавателем в академию хореографии, но предварительно нужно было окончить курс повышения квалификации и сдать экзамены по теории хореографического искусства.

Саша как будто вышла из долгого сна, в котором пребывала весь последний год. Ожила. С головой уйдя в учебу, она радостно порхала по дому, не отрываясь от одной из многочисленных книг, которые набрала себе для обучения. Вера Сергеевна вздохнула с облегчением. Наконец ее дочь «вернулась» и снова стала похожа сама на себя. Конечно, жаль

что жизнь как-то не складывается у ее умницы красавицы Саши. И детей уже пора бы родить. Но пусть уж учится и занимается тем что ей нравится, чем ходит с пустым взглядом, словно неживая.

После успешной сдачи экзамена, Саша приступила к работе в роли стажера до окончания текущего учебного года.

Пока Саша, горя желанием получить работу в академии целиком отдавалась учебе, и пока она втягивалась, привыкала, осваивалась на новом месте ее мысли были заняты исключительно желанием чтобы все получилось. Ни на что другое она внимания не обращала. Но когда начались каникулы и такой большой психологической нагрузки, как перед этим она уже не испытывала, и появилось больше свободного времени, Саша, наконец, обратила внимание на то от чего старательно отмахивалась до этого – постоянная и весьма ощутимая боль в ноге. Причем боль была какой-то непривычной. Не резкой, а тянущей, непрерывной и изматывающей.

– Я смотрю Вы очень ответственно относитесь к своему здоровью, – сердито сказал Александр Александрович осматривая ее. – Я говорил, что Вы должны показываться каждые пол года, а Вы, очевидно считаете себя лучшим специалистом и не были на приеме уже почти полтора года. У вас одна нога лишняя? лишняя или планируете, в случае чего отрастить новую?

– А что так все серьезно? – спросила Саша. Где-то в животе, помимо воли, начал сплетаться в узел противный липкий страх. А если что-то и вправду серьезное, что тогда? Как же ее работа?... Опять все планы и мечты рухнут?...

– Мне не нравится Ваша нога! И это уже серьезно, – резко сказал доктор. – Или для Вас серьезно, когда что-то уже отваливается?...

Взяв себя в руки, Саша попыталась пошутить:

– А раньше Вам она нравилась...

– Не смешно, – отрезал Александр Александрович. – Вы Александра Вячеславовна крайне безответственны, как я уже сказал.

Он посмотрел на нее сердитым взглядом.

– Давайте, рассказывайте, что Вы делали со своей ногой. Где Вы там плясали, или еще чем-то таким занимались, игнорируя предписания лечащего врача. Мне нужно иметь ясное представление о причине произошедшего.

Саша хотела сказать, что ничего такого она не делала, но тут она вспомнила, как теперь уже давно, больше года назад она пробежала несколько километров по дороге, от дома Шахина, и как у нее невыносимо заболела тогда нога.

– Вы нормальная? – с сомнением глядя на нее сказал врач. – А почему сразу тогда не пришли? Что Вас остановило?

– Я... не могла... Но тогда все быстро прошло. И потом ничего такого не было...

Александр Александрович презрительно фыркнул.

– Знаете, как раз большая часть болезней не возникает мгновенно, а развивается постепенно и чаще всего как раз незаметно... Когда уже заболело – это значит, что процесс уже в достаточно запущенном состоянии... В общем делаете рентген, УЗИ и приходите ко мне. Только не через два года! Иначе останетесь без своей прекрасной ноги, – кровожадно сказал он. – Ясно?!

– Ясно...

Стремительной походкой он подошел к двери кабинета.

– Все, Александра Вячеславовна, у меня больше нет времени на Вас. У меня назначена операция.

– До свидания, – сказала Саша, которой очень хотелось заплакать.

– До свидания, – буркнул он и быстро зашагал по больничному коридору.

– Саша, ну что сказал доктор? – Вера Сергеевна с тревогой смотрела на дочь, вернувшуюся с повторного осмотра у отчитавшего ее в прошлый раз Александра Александровича.

– Александр Александрович сказал, что нужна операция. Но ты не волнуйся. Он сказал, что все должно быть нормально. Ничего страшного. – Саша постаралась сообщить новость как можно более беззаботно.

– Ничего страшного и нужна операция? – мать с сомнени-

ем смотрела на нее. Что ж за напасть такая? – Нужно было тебе раньше обратиться...

Саша вздохнула. Да, нужно было. Она и сама знает. И врач ей об этом раз триста напомнил...

– Мам, ну все не так страшно, правда.

– Ясно. Хорошо, – вздохнула Вера Сергеевна. Саша улыбнулась.

– Все будет нормально.

– Надеюсь...

Глава 2

За всю жизнь Саша попадала в больницу только один раз, после аварии. И в прошлое свое пребывание в больнице она больше месяца лежала в палате одна. Саша подозревала, что это Ольга, используя какие-то свои связи, договорилась, а может быть заплатила денег. На этот раз в палате было вместе с Сашей шесть человек. И самой младшей из соседок было лет шестьдесят. Остальные были еще более возрастными пациентками от семидесяти и выше. Саша слегка приуныла, представив одновременно четыре Екатерины Андреевны, собравшихся в ограниченном пространстве на достаточно продолжительный срок. Но старушки оказались веселые, даже неожиданно озорные. Подтрунивали друг над другом по поводу болячек, шутили насчет «мальчиков» докторов. Как-то раз вечером прибежала медсестра и отругала обитательниц палаты, за то что они своим хохотом мешают отдыхать другим пациентам.

Александр Александрович, ежедневно осматривающий Сашу, держался холодно, продолжая сердиться на нее. Разговаривал резко, еще более «стремительно» чем всегда, без намека на шутки, как было до этого. Несколько раз не примкнув напомнить, что она здесь исключительно по своей вине.

– Строгий он у тебя какой! – шамкала беззубым ртом

восьмидесяти трехлетняя Марья Гавриловна, которой должны были ампутировать часть ступни. Что не мешало ей сохранять жизнерадостность и практически юный задор. – А ведь глазками-то простреливает, кобель. Серьезный, а то и дело посмотрит. А еще бы ему и не посмотреть, такая конфетка, молодая, красивая. Он ж, хоть доктор, а то ж мужчина. А мужики то, они все как один кобели. А это он себе серьезности придает, так строго разговаривает. Чтоб значит солидней выглядеть. Одно слово, мужик... Ох, вот помню, когда помоложе была, Степка тракторист наш, все на меня, не хуже твоего доктора все глаза-то тарасил. Он как меня увидит, лицо такое серьезное сделает. И не подходи к нему. А сам все глядит, глядит, значит.

Старуха вздохнула устремив в пространстве мечтательный взор полуслепых глаз. Повспоминав немного, она махнула морщинистой рукой и злорадно хмыкнула.

– Ну вот и догляделся. Я то замуж вышла, за другого, а он то так гордый да неприступный и остался ни с чем. Вот и весь сказ...

Ее соседка, занимавшая соседнюю койку, еще одна старушка-веселушка той же возрастной группы, что и Марья Гавриловна махнула на нее и засмеялась ломким дребезжащим смехом.

– Вспомнила! Старая карга! Как мужики на нее глядели. Теперь-то на нас уж ни один кобель не посмотрит. Ни молодой, ни старый. На таких красавиц-то, старых хрычовок.

Вот, разве что доктор когда поступает – старуха зашлась от смеха сотрясаясь иссохшим телом.

Марья Гавриловна махнула на нее и тоже закатилась скрипучим каркающим смехом.

– Ну не знаю, не знаю. Может ты и старая хрычовка, а я-то еще ничего. Пряма невеста.

– Ой, невеста! Аааа!... Невеста без места. Ты, главное, смотри, не рассыпьяся, как в следующий-тр раз по нужде пойдешь, невеста. Женихов-то нет чтоб тебя собирать обратно.

Бабки махали друг на друга скрюченными руками, хохоча так, что из подслеповатых глаз по изборожденным морщинами щекам текли слезы.

–Тише вы, все никак не уйметесь! Совсем ума лишились на старости лет! Все об мужиках думают, рехнулись... – беззлобно ворчала третья возрастная обитательница палаты Лидия Антоновна, по сравнению со смешливыми соседками считавшаяся «еще молоденькой», так как ей было только чуть больше семидесяти.

Саша с улыбкой смотрела на резвых старушек. Если бы не переживания, каким будет результат предстоящей операции, она даже воспринимала бы свое пребывание здесь, как своеобразный отдых. От всего. Можно расслабиться, и ничего не делать. Отключиться от всех забот на некоторое время. Отсутствие суеты, спокойствие и милые, приятные, пусть и слегка чудаковатые бабульки.

Накануне операции Александр Александрович провел небольшой «инструктаж». Сообщил запланированное время начала операции, запретил начиная с самого утра есть и пить. Сообщил, что рано утром ей измерят температуру и возьмут анализ крови. Если все будет нормально то тогда все пойдет по намеченному плану. Все это он говорил глядя «мимо» нее, в своей быстрой манере. На этот раз не сердито, а отстраненно безразлично и монотонно. Закончив свою короткую речь, он, все же, наконец, взглянул на свою пациентку.

– Я надеюсь, Вам все ясно? Вообще сложно что-то учудить в данном случае, но я все же на всякий случай предупреждаю, что нужно серьезно отнестись к тому что я сказал, если хотите, чтобы Вас прооперировали и все было нормально. Надеюсь, Вы понимаете серьезность ситуации...

– Я понимаю, – твердо сказала Саша. – Я хотела Вас спросить, а следы от операции... останутся? В смысле, будут заметны.

Он посмотрел на нее с явным раздражением, а также со смесью презрения и жалости.

– Следы?! Вы бы лучше беспокоились насколько вообще хорошо будет функционировать Ваша конечность. Может, знаете ли, и хромота на всю жизнь остаться. – в его взгляде было чуть ли не злорадство. – Особенно, если Вы будете продолжать нарушать врачебные предписания, как Вы любите.

Саша закусила губу. Она боялась что на этот раз все же не

выдержит и расплатится. Как же ее работа? Это все, что у нее осталось от ее и так разрушенной, несостоявшейся мечты. Это вообще все что у нее осталось...

Словно почувствовав ее состояние он взглянул на нее нормальным, обычным взглядом, а не тем презрительно сердитым, как все последнее время.

– Я уверен, все будет нормально, – голос у него стал чуть мягче, хоть он и продолжал все так же хмуриться. – Все, что зависит от меня я сделаю, а Вы уж постарайтесь, сделать то что зависит от Вас.

– Я буду стараться, правда, – ответила Саша и отвернулась, потому что предательская слезинка все же выкатилась, несмотря на все усилия удержать ее.

Саша не привыкла засыпать так рано, как положено по больничному распорядку. После «отбоя» она подолгу не могла уснуть. Старушки храпели на разные голоса. Анна Дмитриевна, которая была самой старшей из обитательниц палаты, страдала бессонницей и почти не спала по ночам. Она просто обожала бесконечные рассказы про свою родню и близкую и дальнюю. Даже когда все уже давно уснули, неутомимая сказительница продолжала вещать свои бесчисленные и нескончаемые истории.

В этот вечер, рассказав про племянников, свояков, кум и прочую дальнюю и очень-очень дальнюю родню, старуха решила слегка разнообразить репертуар и начала подробно

рассказывать про обстановку своей собственной комнаты.

– Обои у меня светлые в мелких букетиках. Комната от них нарядная такая... У окна стол. Рядом с ним диван, обитый плюшем. Хороший диван. Удобный. Подлокотники мягкие, широкие. Спинка высокая – голове удобно. Нравится мне. Все как нужно... Раньше то у меня кровать была. Старая, такая с высоким изголовьем деревянным. Да матрац такой толстый, только продавался весь от времени. Внучка сказала «Старая кровать, бабуль, и матрац совсем никуда не годится». Вот, купила мне диван. Она хорошо зарабатывает, внучка-то. Молодец. Ее языкам выучили. В специальной школе училась, репетиторов родители нанимали. Потом в институте еще училась. И все с языками связано. Вот теперь работает... И мне вот, значит помогает. Молодец. Хорошая внучка у меня... А покрывало на диване значит светлое такое. Красивое. Мягкое. Внучка сказала цвет называется «Беж». Бежевое, значит... Хорошо смотрится. Занавески на окне тоже подходят под покрывало. Тоже светлые, с полосками чуть потемнее с такой нитью, как золотой... – не умолкая журчала Анна Дмитриевна, ей вторил аккомпанемент разнообразных всхрапов, богатырских рычащих, тоненьких поскуливающих и негромких напоминающих стоны. – ... А в углу у меня белый шифанэр...

Саша почувствовала, как ее начинает душить неудержимый истерический смех.

Глава 3

– Вы волнуетесь? А в руке, в том месте где укол сделали жжение не чувствуете?

Саша видела только глаза анестезиолога, все остальное было скрыто маской. «Интересно, когда мне скажут считать от одного до десяти?» – подумала она. В каком-то фильме она видела, как пациенту, которому ввели наркоз велели считать, чтобы понять когда он отключится.

– Так чувствуете неприятные ощущения в месте укола или нет? – Повторил вопрос анестезиолог, впрочем без особого интереса, словно просто хотел поддержать беседу.

– Нет...

– А пальцами пошевелить можете?

Саша собиралась ответить, что да, конечно может и провалилась в небытие.

Над ней был белый потолок и немного криво повешенная люминесцентная лампа, и уже знакомое пятно на белой поверхности потолка рядом с лампой, по форме напоминающее собачку. Сознанию потребовалось некоторое время, чтобы окончательно вынырнуть обратно из небытия и понять где она находится и что вообще происходит. Когда в памяти восстановилась цепь событий, Саша с удивлением подумала, что вроде только мгновение назад она видела пе-

ред собой глаза и маску доктора и он задавал казавшиеся ей странными вопросы, и вот она уже снова в своей палате, на своей кровати.

– Ой, красавица наша проснулась, – прошамкала Марья Гавриловна. – Как ты, Сашенька?

– Нормально, – каким-то не своим «шелестящим» голо- сом ответила Саша. Было странное ощущение словно она вообще не чувствует тело. Она пошевелила руками. Потом здо- ровой ногой, а затем попробовала осторожно слегка пошеве- лить прооперированной. Ей казалось странным, что она со- всем не чувствует боли.

В палату заглянула медсестра.

– Ага... – подходя к Сашиной кровати, сказала она. – Все нормально?... Не тошнит? Голова не кружится?

Саша отрицательно покачала головой.

– Не вставать, с боку на бок не ворочаться. Позже зайдет доктор и все скажет...

– Как себя чувствуете? – встав напротив Саши Спросил Александр Александрович.

– Нормально. А когда мне можно будет вставать?

– Сегодня нельзя. Завтра, если все будет нормально, мо- жете очень осторожно доходить до туалета и обратно. Пока больше никуда ходить нельзя. Дальше будем смотреть по со- стоянию. Ясно?!

– Да, – кивнула Саша.

– Надеюсь, что так, – без тени улыбки сказал он и пошел к двери палаты.

«Интересно, он теперь всегда будет злиться и разговаривать со мной как со слабоумной?» Ей казалось, что доктор как-то уж чрезмерно сердится на нее за ее безответственность. Это уже скорее похоже на обиду, и как-то даже немного глупо. Как надувшийся мальчишка. Почему-то ей вспомнился Игорек, с его вечными обидами. Наверное, все мужчины немного похожи. Не выносят, когда кто-то не слушает и не делает беспрекословно так как они говорят. Хотя, конечно, доктор прав, она проявила безответственность. Ощущая непонятно откуда взявшуюся сильную усталость, Саша прикрыла глаза и почти моментально уснула...

Возможно, это было остаточным проявлением из за полученного наркоза, но в этот вечер, несмотря на то, что почти всю вторую половину дня она спала, Саша снова уснула сразу же, как только в палате погасили свет.

Ей приснился Шахин. Впервые с того момента, как они расстались. Саше снилось, что она опять бежит по дороге, из его дома, а он стоит впереди в самой середине дороги и взгляд голубых глаз неподвижный и холодный, как будто неживой. И почему-то Саша испытала настоящий ужас при виде этого застывшего взгляда устремленного на нее. Ей казалось, что от него исходит такая ненависть и злоба. Он пошел к ней навстречу. Он широко улыбался, и улыбка у него

тоже была страшной. Саша подумала, что если он подойдет и дотронется до нее ей уже не спастись. Он ее не отпустит. Саша попыталась развернуться и бежать в другую сторону. Не важно куда. Главное убежать от этого пустого, мертвого взгляда... Ноги не слушались. Она вспомнила, что ей только что сделали операцию и подумала, что наверное поэтому она больше не может бежать. Шахин вытянул перед собой руку. На его ладони лежала маленькая птичка со свернутой шеей. Саша отчетливо видела застывший круглый глаз. Шахин с силой сжал кулак и захохотал. Саша почувствовала, как волосы у нее встают дыбом от звука этого смеха. Она закричала и проснулась. Ночная рубашка была насквозь промокшей от пота. Она взглянула на часы. Половина четвертого. Ей нужно было умыться. И в туалет. И ей необходимо было хоть ненадолго выйти из палаты, чтобы прогнать воспоминания о приснившемся кошмаре. Решив, что ничего страшного не будет, если она встанет на несколько часов раньше разрешенного ей времени, она осторожно опустила вниз перебинтованную ногу и попробовала наступить на нее. Никаких неприятных ощущений она не испытала. Не вставая с кровати она скинула мокрую рубашку и одела свежую. После этого медленно и очень осторожно дошла до двери, придерживаясь за спинки кроватей. Голова не кружилась, никакой боли она не испытывала. Саша осторожно вышла из палаты. В коридоре горел приглушенный на ночь свет. Где-то в другом конце слышались, едва различимые звуки голосов. Ночная

тишина была наполнена характерными для больниц еле-еле слышными шорохами, позвякиванием и запахами лекарств и дезинфицирующих средств.

Саша умыла лицо и шею. Она бы с удовольствием приняла душ, но сомневалась, что ей можно мочить прооперированную ногу, и душевая находилась в дальнем конце коридора, куда ей ходить точно не разрешили.

Закончив нехитрые процедуры по приведению себя в порядок она вышла из туалета и увидела на пороге своей палаты Александра Александровича, у которого, вероятно, сегодня было ночное дежурство. Выражение лица хирурга было весьма красноречивым. Саша застыла от неожиданности и охватившего ее испуга. Подлетев к ней он прошипел:

– Вы нормальная?!

– Я подумала, что раз утром уже можно вставать, то ничего страшного... – пролепетала Саша.

– Какого черта вам понадобилось скакать среди ночи? Любительница приключений, черт бы Вас побрал!... Чтобы сходить в туалет, есть судно, если приспичило!

Она гордо вскинула голову. Сколько можно так с ней разговаривать? Что он себе позволяет, в конце концов!...

– Я не могу ходить на судно. И мне нужно было умыться...

Он сверкнул на нее злобным взглядом.

– Какая тонкая натура! Не можете ходить на судно, – передразнил он. Склонившись к ее лицу он со злостью сказал. – Если Вам плевать на себя, это Ваше дело. Но могли бы хотя

бы иметь уважение ко мне, своему лечащему врачу. Мы тут как проклятые оперируем таких как Вы, без выходных, без праздников. Стараемся, как только можем, минимизировать последствия хирургических вмешательств. А вы не можете сходить на судно, цаца какая! А если бы Вы сейчас потеряли сознание и шарахнулись головой об унитаз или о кафельный пол? Мне бы пришлось и голову вам зашивать и по новой делать уже проделанную работу и новые швы накладывать?!

Саша почувствовала что губы у нее дрожат и из глаз, несмотря на все ее старания не заплакать катятся слезы.

– Не кричите на меня! – пискнула она. Ей было ужасно жалко себя, стыдно перед доктором и она чувствовала себя очень-очень несчастной... – Мне приснился ужасный сон. Мне... мне... я...

Она разрыдалась. Доктор шагнул к ней и прижал вздрагивающее худенькое тело к груди.

– Все, успокойтесь, успокойтесь, – повторял он, глядя ее по голове, как маленькую.

– Я... я... – она сама не знала что хочет сказать. Казалось, что все сразу выплескивается в этих неожиданных для нее самой слезах.

– Все хорошо. Успокойтесь. Все хорошо...

Он проводил ее в палату и подождал пока она уляжется.

– Не вставайте больше, хотя бы до утра. – Он улыбнулся. – А то мне придется отправить Вас в отделение интенсивной терапии и попросить, чтобы Вас привязали к кровати.

Саша все еще продолжается всхлипывать улыбнулась.

– Извините, – сказала она, имея ввиду и то, что нарушила его указания, и то что расплакалась перед ним.

– Ничего. Отдыхайте...

На третий день Саше разрешили прогуливаться от одного конца коридора до другого. Не торопясь и осторожно. Спрашивать, когда ей можно будет начинать делать хотя бы самые простые упражнения на растяжку и для поддержания мышечного тонуса она боялась. Вдруг хирург снова начнет говорить о ее безответственности. Но самое главное что очень радовало Сашу, что никакой хромоты, которой ее пугал врач, вроде как не наблюдалось. Она передвигалась чуть медленнее и чуть менее уверенно чем обычно, но только потому, что нога все еще заживала и была забинтована, и Саша опасалась что может повредить результатам сделанной операции, или швы могут разойтись от нагрузки.

Как самая молодая и подвижная из соседок по палате, Саша с самого начала взяла на себя обеспечение бабулек, любящих попить чайку или кофейку, кипятком. Она брала два термоса имевшихся у соседок и отправлялась к кулеру, находившемуся в другом конце коридора за кипятком. Когда ей разрешили прогулки по коридору, она возобновила эту традицию. На этом небольшом маршруте имелось одно неудобство. Дверь, которая, несмотря на то что была «распашной», но довольно тяжелой и поэтому нужно было при-

ложить определенные усилия чтобы пройти через нее, и при этом придерживать ее, чтобы створка не ударила проходившего, возвращаясь в свое прежнее положение.

Набрав кипятка, Саша дошла до коварной двери. Побоявшись, что дверь «хлопнет» ее сзади, а обе руки у нее заняты и держать ее проблематично, Саша решила открыть ее и придержать ногами. Она поставила один из термосов на стоявшую рядом каталку, приоткрыв створку и уперевшись в нее ногами, она изогнулась, чтобы дотянуться до термоса.

– Может организуете секцию акробатики для остальных пациентов, а то им скучно тут лежать? – сказал сзади нее злой голос. Саша испуганно втянула голову в плечи. Ну почему он всегда появляется именно в такие моменты? Каждый раз непременно заставляя ее на месте маленьких «преступлений».

– У Вас совесть есть?! Про соображение я молчу, – придерживая подлую дверь и пропуская ее вперед сказал Александр Александрович.

– Я не делала никаких усилий, правда... – она хотела добавить, что она же понимает, что делает, но он только что дал четко понять, что уверен в обратном. – Извините... А вообще это очень странно, что в больнице, где много стариков, и люди после операции, сделали такую неудобную дверь...

– Странно, что попадают такие пациенты, которые не слушают лечащих врачей, – рявкнул он и быстро пошел вперед.

«Черт! Нужно было опять так влипнуть...» – с тоской глядя в спину своего врача, подумала Саша. Он, наверное уже ее ненавидит и правда считает полной дурой.

Глава 4

В день выписки, Саша раздала бабулькам сладости и прочую провизию, принесенную ей в большом количестве, за время пребывания в больнице. Матерью, теткой, и даже Федькой Щукиным, которые, судя по скопившимся запасам, явно решили, что пациентов вообще не кормят.

– Как же теперь твой доктор-то без тебя будет, Сашенька? – ухмыльнулась неугомонная Марья Гавриловна. – Заскучает, небось, без своей красавицы. Тут, все больше-то, старухи вроде нас.

Саша улыбнулась.

– Докторам некогда скучать. У них работы много.

Александр Александрович, как всегда стремительно вошел в палату и протянул Саше выписку.

– Раз в два дня делать перевязку. Через неделю ко мне на осмотр, – сказал он уже снова направляясь к двери.

– Вы ж наверное без нашей Сашеньки скучать будете? – хихикнула говорливая бабка. Александр Александрович усмехнулся.

– Она очень беспокойная пациентка. Мне будет спокойнее, когда за ней будут присматривать ее домашние.

– Ну-ну, – хмыкнула Марья Гавриловна, одаривая доктора хитрым взглядом, мол знаем, знаем, говори что хочешь, а

хоть ты и доктор, а такой же кобель как и все.

Через три недели Саша приехала на «заключительный» осмотр, чтобы снять швы.

– Все прекрасно, – сказал Александр Александрович. – Сейчас рубцы еще свежие, но со временем кожа восстановится и следы шрамов станут почти незаметными. Я, как и обещал, старался. – Он засмеялся, – хотя Вы и пытались мне всячески мешать.

Саша залилась румянцем и улыбнулась.

– Извините... Спасибо Вам! За все...

У него было усталое лицо. Вокруг улыбающихся глаз залегли морщинки. Саша испытала желание погладить его по щеке и может быть даже обнять. Она вспомнила тепло его тела, когда он прижимал ее к себе и успокаивал...

– А Вы, знаете, – он улыбнулся, – а старушка из Вашей палаты была права. – Я действительно скучаю.

– Я тоже... – она с улыбкой смотрела на него и на душе отчего-то было так легко и радостно, и одновременно грустно...

– У меня сумасшедшая работа. Я никогда не могу выспаться, меня могут в любое время выдернуть откуда угодно на срочную операцию. У меня достаточно дурной характер, как Вы сами убедились. Который еще усугубляется вечной усталостью и раздражением. – Он не отрываясь смотрел на нее. И Саша подумала, что он впервые говорит с ней не

быстро-быстро, а как все другие люди. И улыбка у него не иронично-насмешливая, а немного смущенная. – Если все это вас не очень пугает, и если меня не вызовут, в очередной раз на работу сегодня вечером, может быть Вы сходите со мной куда-нибудь, к примеру поужинать?

Саша засмеялась.

– Если Вас вдруг вызовут на работу, мы можем сходить куда-то в другой день.

Он тоже засмеялся.

– Отлично. – губы его расплывались в беззаботной мальчишеской улыбке. – А то я подумал, что раз в пол года это слишком редко для встреч, а учитывая, что Вы любите пропустить пару посещений, так и вообще...

– Я надеюсь, что Вас все же не вызовут никуда сегодня вечером. – Глаза ее сияли тем внутренним светом, который как она сама думала, давно остался в прошлом.

– Я тоже очень на это надеюсь, – к мальчишеской улыбке прибавился озорной взгляд. – Потому что, так как у меня постоянная страшная нехватка времени, признаюсь Вам заранее – я собираюсь поцеловать Вас на первом же неофициальном свидании. И хотелось бы чтобы это произошло сегодня.

Саша смотрела на смеющееся лицо и думала, что наверное впервые в жизни она не рисует для себя никакой образ, просто принимает так как есть человека вызывающего у нее симпатию и собирающегося поцеловать ее.

Солнечный летний день заполнил светом и теплом огромный город. Молодой человек, как и большинство обитателей столицы, с сосредоточенным видом спешивший по своим делам, не удержавшись, обернулся вслед случайно повстречавшейся ему девушке, чтобы полюбоваться невероятно красивой, легкой, словно бы воздушной походкой. «Прямо как балерина...» – подумал он и поспешил дальше, сам не зная чему улыбаясь, ощущая переполнившую его своим волшебством необъяснимую радость.

2022г.